

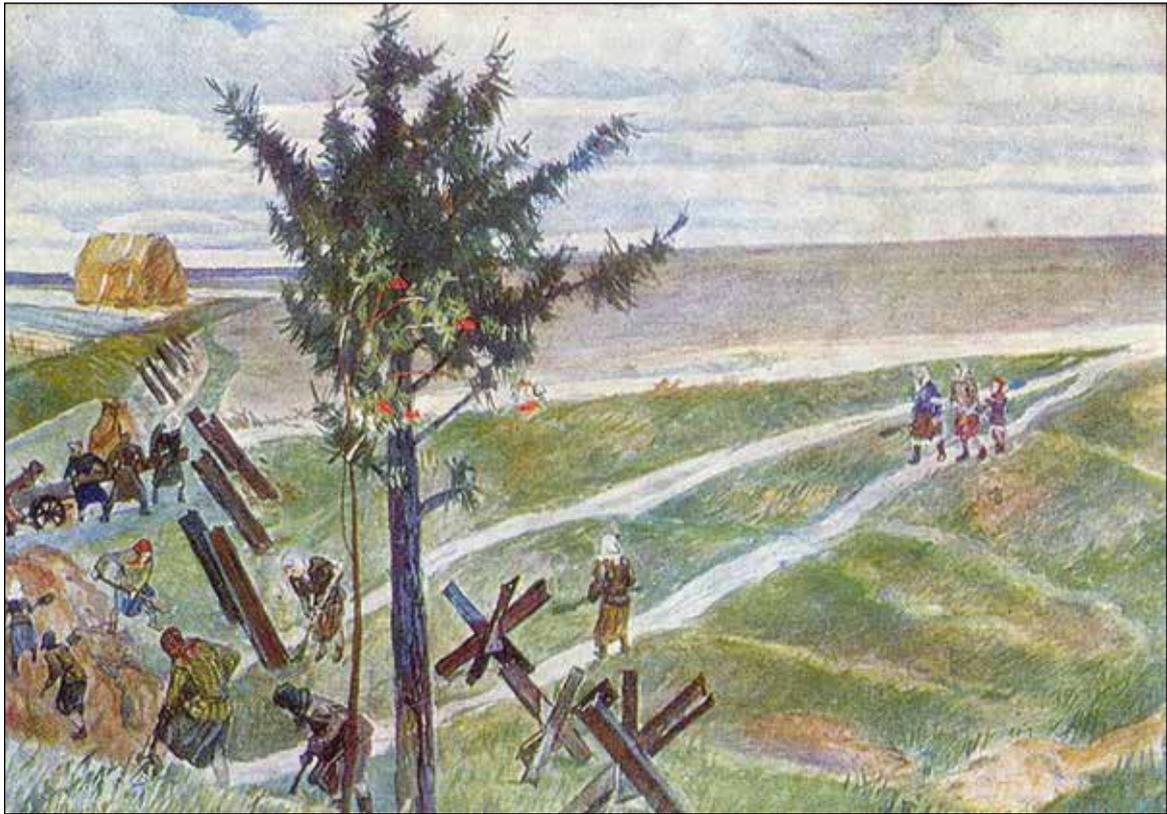
№ 6 (306). ИЮНЬ 2016

МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

П.В. РЫЖЕНКО. ЛЕВАЯ ЧАСТЬ ДИПТИХА
«НАЧАЛО ВОЙНЫ 1941 ГОДА». ФРАГМЕНТ.
ХОЛСТ, МАСЛО, 2011 ГОД

*А.А. Дейнека. Колхозницы роют противотанковые рвы на подступах к Москве.
Гуашь, темпера. 1946–1947 годы*

А.П. и С.П. Ткачёвы. Дорогами войны. Холст, масло. 2002 год

МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО
ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ

Основан
Н.М. Карамзиным
в 1791 году.
Возобновлен
в 1991 году

Литературно-художественный, историко-краеведческий журнал

Главный редактор
Анна Филипповна Грушина

Редколлегия:
Митрополит Истринский
Арсений (Епифанов), Г.В. Аксенова,
А.А. Белай, С.Ю. Житенёв,
В.Ф. Козлов, В.В. Максименко

Художник-верстальщик
Е.С. Сухорукова
Редактор-корректор
О.В. Соловьева

Учредитель: ОАО «Редакция газеты
«Вечерняя Москва»». 2016

Выпуск осуществлен при финансовой поддержке Департамента средств массовой информации и рекламы города Москвы

Адрес редакции и издателя: 127015, Москва,
Бумажный проезд, д. 14, стр. 2
Телефон: (499) 557-04-27, доб. 414, 416
E-mail: mosmag@mosjour.ru
Официальный сайт: www.mosjour.ru
Рекламная служба: (499) 557-04-03
E-mail: reklama@vm.ru

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство № ФС77-62785 от 18.08.2015 г.

Подписано к печати 20.05.2016.

Печать офсетная.

Объем 12 п. л. Формат 64 х 90/8.

Тираж 43 000 экз.

Цена договорная.

Заказ №

Отпечатано:

ОАО «Подольская фабрика офсетной печати»
142100, Московская обл., г. Подольск,
Революционный просп, д. 80/42

Материалы основных рубрик
рецензируются.

**К 250-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Н.М. КАРАМЗИНА** 2 *Илья Александрович Шляпкин
Первый русский историк
Н.М. Карамзин (1766–1826)
Очерк жизни и творчества*

ЗАПИСКИ КРАЕВЕДА 24 *Любовь Евгеньевна Городнова
Кулеватово
Об этой исчезнувшей старинной усадьбе
и ее владельцах — помещиках Давыдовых*

**НА НИВЕ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
КУЛЬТУРЫ** 42 *Ольга Анатольевна Адрова
Жемчужина Москвы
О московском театре «Модернь»
в особняке Дулина*

**К 75-ЛЕТИЮ НАЧАЛА
ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ** 47 *Никто и ничто
да не будет забыто!
По страницам «Московского журнала»:
посвященные Великой Отечественной войне
публикации разных лет*

49 *Н.М. Поникарова
Москва. Испытание войной
(лето 1941 – весна 1942 года)*

58 *З.С. Соколова
Одно из множества писем...*

61 *Г.Ю. Грюнберг
«Был участником Парада Победы...»*

77 *М.Г. Чернявский
Стихотворения 1943–1944 годов*

84 *В. Якунин
Русская Православная Церковь
в годы Великой Отечественной войны*

91 *В. Баратов
Воспоминания об участии
в Народном ополчении*

Илья Александрович Шляпкин

Первый русский историк
Н.М. Карамзин
(1766–1826)

Очерк жизни и творчества

*Дж.Б. Дамон-Ортолани. Николай Михайлович Карамзин.
Холст, масло. 1805 год*

От публикаторов

Автор предлагаемого вниманию читателей очерка (так в оригинале определен жанр этой на самом деле обстоятельной и глубокой работы) — ныне, к сожалению, практически забытый филолог, палеограф, историк древнерусского искусства Илья Александрович Шляпкин (1858–1918), «труды и дни» которого, без сомнения, заслуживают отдельного рассказа; нам же здесь по необходимости придется ограничиться лишь самыми краткими сведениями об этом замечательном человеке. Происходил он из крестьян, однако смог окончить гимназию в Санкт-Петербурге и там же — историко-филологический факультет университета. Вот что сообщает о нем Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (1890–1907), а чуть позже повторяет «Русский биографический словарь» (1896–1918):

«Учился в С.-Петербургской III гимназии и С.-Петербургском университете. В 1881 г. кончил курс со степенью кандидата историко-филологического факультета и был оставлен при университете <...> по кафедре истории русской словесности. В 1891 г. защитил магистерскую диссертацию «Св. Димитрий Ростовский и его время» (СПб., 1891). Этот крупнейший труд Ш. представляет собой свод массы архивных данных. С 1888 г. Ш. читает лекции в Санкт-Петербургском университете — сначала как приват-доцент; в 1901 г. <...> он занял кафедру истории русской литературы. Преподавал в различных учебных заведениях С.-Петербурга, с 1890 г. читает лекции на высших женских курсах (одно время был деканом исторического отделения), с 1896 г. — в Александровском лицее. Состоит членом Ученого комитета при министре народного просвещения. Наиболее значительные труды Ш. — ученые издания старинных памятников: «Шестоднев Георгия Писиды» (текст и прим., СПб., 1882; статья о «Шестодневе» в «Журнале Министерства народного просвещения». 1890. кн. 6); «Повесть о Василии Златовласом» (1382); «Ужасная измена сластолюбивого жителя» (вновь открытая комедия XVII века. 1882); «Слово Даниила Заточника» (1884); «Царевна Наталья Алексеевна и театр ее времени» (1898). Последняя работа, изданная на основании немногочисленных и обрывочных материалов, дает освещение одному из малоисследованных моментов в истории русского театра. Под редакцией Ш. издано «Полное собрание сочинений А.С. Грибоедова» (почетный отзыв Академии наук). <...> В 1903 г. Ш. выпустил ценное комментированное издание бумаг Пушкина, полученных им от племянника П.В. Анненкова, — «Из неизданных бумаг А.С. Пушкина». Кроме сообщений и заметок в специальных журналах, Ш. издал также отдельно: «“Волна”. Сборник русской художественной лирики» (СПб., 1892); «Русскому солдату на память о Пушкине» (печатано по Высочайшему повелению. СПб., 1899)».

Позднейшие исследователи (например, Г.В. Аксенова) называют также ряд других значительных работ И.А. Шляпкина в области славяно-русской литературы, палеографии, эпиграфики и археографии. Все это в достаточной мере характеризует его как видного ученого. Был он и одним из крупнейших библиофилов своего времени, собравшим уникальную по содержанию библиотеку. Недаром последним его трудом стал сборник изречений, цитат, афоризмов о книге и чтении «Похвала книге» (Пг., 1917) — по мнению литературоведа, библиографа, источникововеда П.Н. Беркова (1896–1969), «одно из лучших произведений русской дореволюционной библиофилии».

Вышедший в Петрограде в 1916 году небольшой отдельной книжкой «очерк» И.А. Шляпкина «Первый русский историк Н.М. Карамзин (1766–1826)» мало где упоминается и со времени выхода ни разу не переиздавался. Между тем это сочинение во многих отношениях незаурядно. Фигура Н.М. Карамзина как создателя «Истории государства Российского» вызывала и при его жизни, и до сего дня горячие споры, в пылу которых нередко исчезал сам предмет. Тем в первую

очередь работа Шляпкина и представляется ценной, что в ней о Николае Михайловиче говорится с должным уважением к его выдающейся роли и значению в русской культуре, в сфере русского национального самосознания, но при этом изложение ведется «без гнева и пристрастия». Здесь в центре внимания неизменно — сам Карамзин, а не продиктованная авторской предвзятостью «концептуальная проекция» его образа. Шляпкинский очерк — в благородном смысле слова легкое повествование, основанное на фактах, а не на их интерпретациях. По подобного рода дискурсу давно уже истосковалась отечественная читающая публика, которой зачастую вместо честного искреннего рассказа о чем-то или о ком-то предлагается выдвигаемая автором «концепция». В год же славного юбилея приличествует говорить именно о Карамзине, оставив в стороне рассуждения «по поводу» Карамзина. Поэтому — слово Илье Александровичу Шляпкину.

Профессор И.А. Шляпкин.
Фотография позднее 1917 года

Текст публикуется с незначительными сокращениями, обозначенными отточиями в угловых скобках (сокращения, сделанные в цитациях И.А. Шляпкиным, обозначены просто отточиями). В квадратных скобках вставлены необходимые по смыслу поясняющие слова и фразы. Орфография и пунктуация приведены к современным нормам. В числе иллюстраций — помещенные в оригинале, как значится на титуле, «21 рисунок, 1 красочный рисунок и факсимиле Н.М. Карамзина. Рисунки, кроме красочного, взяты из собрания проф. И.А. Шляпкина»; эти иллюстрации отмечены звездочками.

*Венец лежит на мраморе могилы.
И молится России верный сын,
И будит в нем для дел великих силы
Святое имя — Карамзин.*
В.А. Жуковский

Николай Михайлович Карамзин родился 1 декабря 1766 года в Оренбургской губернии, в селе Михайловке-Преображенском, куда отец его, симбирский помещик, отставной капитан Михаил Егорович, приезжал хозяйничать и охотиться. Он был вторым сыном уже престарелого отца и молодой матери Екатерины Петровны, урожденной Пазухиной. Мать умерла, когда будущему историографу было три года.

Второй супругой его отца (с 1770 года) была Евдокия Гавриловна Дмитриева, родная тетка друга Карамзина, баснописца Ивана Ивановича Дмитриева¹. В «Вестнике Европы» 1803 года был помещен неоконченный роман «Рыцарь нашего времени»²: там под именем Леона описано будто бы собственное детство Карамзина. Леон, сын отставного израненного капитана, лишается матери на седьмом году. Мать его, несмотря на свои молодые годы (20 лет), имела удивительную склонность к меланхолии, видимо, в виду неудачной любви, но, «непорочная душой и телом», она вышла замуж и любила супруга-«старика» за «добродушие». Далее описывается обучение Леона дьячком, знакомство с библиотекой матери, состоявшей из переводных романов. «Сие чтение не только не повредило его юной душе, но было еще весьма полезно для образования в нем нравственного чувства» — в его душе начерталось: «любезность и добродетель одно, зло безобразно и гнусно».

Глубокое религиозное чувство зажглось в душе Леона чудесным спасением от медведя, неожиданно убитого молнией. Этот случай не выдумка, замечает автор: Леон никогда уже не будет атеистом, если и прочитает и Спинозу, и Гоббса, и «Систему природы» (Гольбаха)³. Затем описываются друзья отца Леона, соответствующие друзьям отца Карамзина, <...> и ребяческая любовь Леона к графине, <...> старавшейся о придании внешнего лоска мальчику и обучавшей его французскому языку, истории и географии. Грамоте Карамзин научился под руководством сельского дьячка, а потом был недолго во французском пансионе Фовеля в Симбирске. После 1773–1774 годов Карамзин, по словам

Герб рода Карамзиных

Дмитриева, стал учиться немецкому языку под руководством симбирского 50-летнего врача из немцев. По совету соседа⁴, старый капитан, отец Карамзина, отвез сына в Москву и отдал его в пансион Шадена⁵. Наследием, увезенным из Симбирска, была склонность к чувствительности и меланхолии, унаследованная от матери, кое-какие сведения, полученные в пансионе [Фовеля], да склонность к истории, уже возникшая благодаря чтению Роллена⁶ и рассказам о Петре Великом симбирского очевидца преобразователя, Кашинцева⁷.

В пансион Карамзин поступил около 1777 года (по другим [источникам], 1778) и пробыл там четыре (по другим [источникам] — три) года. Доктор философии Тюбингенского университета <...> Шаден был директором университетской гимназии и имел собственный пансион. Главное было воспитание, и воспитание сердца, но здесь же Карамзин изучил французский и немецкий языки. Шаден хотел, чтобы Карамзин отправился после Московского в Лейпцигский университет; но это почему-то не состоялось, и Карамзин должен был поступить на военную службу.

Уже с 1774 года он числился на службе в армейском полку, а в 1781 году началась действительная служба в Санкт-Петербурге. Из времен петербургского життя Карамзина самым важным было знакомство с И.И. Дмитриевым. Вот как его описывает последний: «Однажды, будучи сам сержантом, возвращаюсь с прогулки. Вхожу в горницу и вижу милovidного

К 250-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н.М. КАРАМЗИНА

Дмитриев, приезжавший в Симбирск, видел Карамзина играющим роль самоуверенного светского человека: решительным за вистовым (карточная игра) столом, любезным и внимательным в дамском кругу и политиком перед отцами семейств. Сам Карамзин в письме к Лафатеру⁸ откровенно пишет: «Я думал, что удовольствие большого света не в состоянии отвратить меня от моих книг, <...> но сердце мое меня обмануло: я сделался большим любителем светских развлечений, страстным картежником». К счастью, светская жизнь Карамзина недолго продолжалась. Он стал читать моралиста Юнга⁹, сблизился чрез посредство И.П. Тургенева¹⁰ с симбирскими масонами и сам был принят в основанную Иваном Петровичем симбирскую ложу «Златого венца» сначала учеником, а потом товарищем. Иван Петрович, этот «достойный муж, открывший глаза Карамзину на его положение» (слова Карамзина в письме к Лафатеру), уговорил его уехать в Москву летом 1785 года (по Галахову¹¹, 1784) и примкнуть к «Дружескому обществу» знаменитого Новикова¹². Карамзин поселился в доме Общества, где жили А.А. Петров¹³ и А.М. Кутузов¹⁴, которому через пять лет Радищев посвятил свое знаменитое «Путешествие из Петербурга в Москву».

Неизвестный художник. Иван Петрович Тургенев. Миниатюра

А.А. Петров, ученик профессора Шварца¹⁵, был старше и образованнее Карамзина, и немудрено, что Карамзин подчинился его влиянию. «За Осияном, Шекспиром,

** Дом «Дружеского общества» в Москве в Банковском переулке*

Боннетом мы просиживали с ним половину зимних ночей», — писал Карамзин в сочинении, посвященном памяти рано умершего (1793) Петрова — «Цветок на гроб моего Агатона». О религиозном направлении свидетельствуют и первый перевод Карамзиным Штурма и Тиде «Размышления о делах Божиих» (1786—1787), и поэма Галлера о происхождении зла (1788), заключавшая в себе изложение «Теодицеи» Лейбница. Сюда же относятся и религиозные стихотворения Карамзина с несколько пиетистическим¹⁶ настроением. Но оно не особенно глубоко затрагивало Карамзина. С самим И.П. Тургеневым отношения были не особенно интимные. <...> Надо думать, что чтение английских моралистов и влияние Петрова сохранили живой темперамент Карамзина от сурового влияния масонской среды и таинственностей мистицизма и воспитали в нем тот оптимизм, который не оставил его и в последующую пору жизни. Вот почему московские масоны разочаровались в Карамзине, а некоторые сделались его врагами. Исключение составлял Новиков, до конца жизни переписывавшийся с Карамзиным о разных отвлеченных вопросах, хотя и ни в чем с ним не сходившийся. Это не помешало Карамзину впоследствии хлопотать перед императором Александром I о судьбе сирот Новикова. «Действенная философия» Петрова заставила Карамзина быть редактором журнала «Детское чтение», выходившего пять лет (1785—1790) и выдержавшего четыре издания (1799—1804 и 1819). Части с IX по XVI (1787—1789) почти целиком состоят из переводов и стихотворений Карамзина. Любопытен здесь опыт первой чувствительной повести Карамзина «Евгений и Юлия». Юлия живет среди изобилия природы и любит прекрасного юношу; но Евгений заболел и умер, а Юлия осталась жить в меланхолическом уединении над его могилой.

«Детское чтение», — говорит Галахов, — справедливо называют “детской школой” Карамзина, в которой выработался его слог». Работать Карамзину приходилось много. «Каждую неделю, — пишет он Лафатеру, — я должен приготовить печатный лист для детей, набрасывая и для себя самого кое-что под всегдашним заглавием “Беспорядочные мысли”».

Личные литературные вкусы и склонности Карамзина получали удовлетворение и дальнейшее развитие благодаря непре-

Неизвестный художник. И.И. Дмитриев.
1810-е годы

станному широкому чтению. А.А. Петров шутил писал Карамзину 20 мая 1785 года: «Слава просвещению нынешнего столетия, и дальние края озарившему! Так восклицаю я при чтении твоих эпистол (не смею назвать русским именем столь ученых писаний), о которых всякий подумал бы, что они получены из Англии или Германии. Все есть! Ты пишешь о переводах, о собственных сочинениях, о Шекспире, о трагических характерах, о несправедливой Вольтеровой критике, равно как о кофе и табаке. Первое письмо твое сильно поколебало мое мнение о превосходстве над тобой в учености; второе же крепким ударом сшибло с ног».

В 1786 году был напечатан Карамзиным перевод трагедии Шекспира «Юлий Цезарь» с французского перевода. <...> Любопытен здесь взгляд, проводимый в данное время среди господства своеобразно понимаемых условных, ложноклассических теорий, конечно, не признававших величия Шекспира и величавших его грубым мясником. «Немногие из писателей, — пишет здесь Карамзин, — столь глубоко проникли в человеческое естество, как Шекспир, немногие столь хорошо знали все тайнейшие человека пружины, сокровеннейшие

масонов, отчасти как редактора «Детского чтения», взятое от имени автора «Новой Киропедии»¹⁸, — не скрывал своего желания расстаться с масонами. «Перед моей поездкой за границу, — говорит Карамзин, — я откровенно заявил в этом обществе, что, не переставая питать уважение к почтенным членам его и признательность за постоянное доброе ко мне расположение, я однако же по собственному убеждению принимать дальше участия в их собраниях не буду и должен проститься. Ответ их был благосклонный: сожалели, но не удерживали и на прощанье дали мне обед».

В 1789 году Карамзин отправился за границу с целью «видеть природу в ее разнообразиях и великих мужей, творения которых сильно действовали на чувство».

[Здесь также отмечается] влияние Ленца [на Карамзина] своими рассказами о заграничной жизни. Он подготовлял Карамзина к его путешествию. Любопытно, что Карамзин как раз побывал в тех местах, где жил Ленц: Кенигсберг, Веймар, Страсбург, Цюрих, и посещал знакомых Ленца: Канта, Виланда, Гете, Лафатера и других.

Из недавно опубликованной <...> переписки масонов видно, что была еще

какая-то исключительная причина, принуждавшая Карамзина на время покинуть отечество. По словам друга Карамзина А.И. Плещеевой, жены его приятеля масона Плещеева, и Кутузова, было какое-то столкновение между Карамзиным и каким-то «лицемером Тартюфом» причиной сего вояжа, причем Плещеевой пришлось пойти на уступки, и скрепя сердце отпустить друга на чужбину, и плача просить его ехать. «Боюсь смертельно, — пишет она, — что он будет навсегда презирать свое отечество. А как я составляю часть того же, то и меня стал будет ненавидеть».

Карамзин выехал из Москвы на Санкт-Петербург 17 мая 1789 года и вернулся через Кронштадт в октябре 1790 года. Он проехал Германию, Швейцарию, Францию и Англию. Энергия и наивность, неумолимость и сердечность, общая жизнерадостность с долей легкого лукавства и самолюбия — таковы, по словам профессора Сиповского¹⁹, главные черты «Писем русского путешественника». Произведение это создано частью из действительной переписки Карамзина с Плещеевыми, частью из его записной книжки с летучими заметками и разных литературных источников. «Письма» писал (говорит Карамзин) «как случалось, дорогой, на лоскутках, карандашом»; но лоскутки эти впоследствии, несомненно, обдумывались и отделялись. «Письма» охватывают и более обширный период времени, чем 1789–1790 годы, и пережили ряд изменений при изданиях с 1797 по 1820 год. Это не биографическое, а литературное произведение. В Германии главное внимание путешественника привлекала литература и ее деятели; в Швейцарии — живописная натура, свобода и благополучие, личности Боннета²⁰ и Лафатера, память Руссо; в революционной Франции (и здесь путешественник очень осторожен в своих описаниях) — театр и нравы общежития; в Англии — политика и экономический быт. Все это освещалось либеральным идеализмом молодого автора. «Ни в каком другом произведении конца прошлого века, — говорит академик Анучин²¹, — не было соединено столько образовательного материала, столько интересных данных о европейской литературе и цивилизации, ни одно не было проникнуто таким сочувствием к европейскому просвещению, уважением к выдающимся его представителям, увлечением успехами общественности; ни

К 250-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н.М. КАРАМЗИНА

одно, наконец, не выдвинулось в подобной степени изящностью и простотой формы и легкостью языка, как эти «Письма»». Вот некоторые детали. На пути в Ригу Карамзин заметил несчастных латышей — жертв немецких баронов, работающих со страхом и трепетом и приносящих своему господину дохода вчетверо более нашего казанского или симбирского мужика. В Базеле Карамзин приветствовал швейцарскую землю живописной природы, свободы и благополучия. В окрестностях Лозанны он посещает местопребывание Руссо, «этого страдальца злобы и предрассудков человеческих, изгоняемого отовсюду за то, что он добр, нежен и человеколюбив». Посетил он и Фернейский замок Вольтера, борца за веротерпимость. В Цюрихе он свиделся с философом и физиономистом Лафатером, с которым переписывался еще из Москвы. Заметим кстати, что с Лафатером переписку о религиозных вопросах вела в это же время и императрица (тогда Великая княгиня) Мария Федоровна.

Впоследствии при печатании Карамзин сознательно умалчивал о своих симпатиях, но мы знаем о его неосторожных выражениях у Державина и о слезах при известии о смерти Робеспьера. Недаром же после, при императоре Александре I, Карамзин считал себя республиканцем по убеждениям, хотя и верноподданным России. В Париже Карамзин был в Академии. <...> Ка-

рамзин любит Версаль, Трианон, посещает театры, беседует с Мармонтелем и Лавуазье и задумывается над русской историей, которая еще не написана, «ибо нет еще русских Тацитов, Юмов, Робертсонов, Гиббонов». История России Левека²², с которым Карамзин познакомился, «холодна: Россия не мать ему. Говорят, что русская история незанимательна, не думаю — нужен ум, вкус, талант». Тут же Карамзин защищает Петра и его крутые реформы: «Благодаря Петру для нас открыты все пути в утончении разума. Все народное ничто пред человеческим. Главное дело — быть людьми, а не славянами». Впоследствии этот взгляд Карамзина изменится в противоположную сторону.

О значении этих «Писем» для русской публики прекрасно выразился Буслаев²³: «Многочисленные их читатели нечувствительно воспитывались в идеях европейской цивилизации, как бы созревали вместе с созреванием молодого путешественника, учась чувствовать его благородными чувствами, мечтать прекрасными мечтами».

По возвращении в Москву Карамзин поселился у старых своих друзей Плещевых. Развязный, веселый, появился он в свете — в модном фраке, с шиньоном и гребнем на голове и лентами на башмаках. Говорил он скоро, с жаром и перебирал всех строго. Ни военная, ни статская карьера его не интересовали. Он твердо

Усадьба Плещевых в Свиблово. Главный дом с флигелями

решил не поступать на службу, а целиком отдаться литературе, и в частности журнальному делу: «Журнал выдавать — не шутка, я знаю, однако ж чего не делает охота и прилежность? Множество иностранных журналов лежит у меня перед глазами: ни одного из них не возьму за точный образец, но всеми буду пользоваться», — заявил Карамзин в книжке своего первого журнала²⁴.

В этом стремлении к общественной деятельности нельзя не видеть близкого знакомства автора «Писем» с влиянием журналов в тогдашней Западной Европе, и особенно во Франции.

6 ноября 1790 года при «Московских ведомостях» было разослано на особом листе следующее объявление: «С января будущего 1791 года намерен я издавать журнал. Содержание сего журнала будут составлять: 1) русские сочинения в стихах и прозе — такие, которые, по моему уверению, могут доставить удовольствие читателям; 2) разные небольшие иностранные сочинения в чистых переводах, по большей части из немецких, английских и французских журналов, с известиями о новых важных книгах, выходящих на сих языках; 3) критические рассматривания русских книг, вышедших и тех, которые и впредь выходить будут, а особенно оригинальных. Хорошее и худое замечается будет беспристрастно; 4) известия о театральных пьесах, представляемых на здешнем театре, с замечаниями на игру актеров; 5) описание разных происшествий, почему-нибудь достойных примечания. Материалов будет у меня довольно; но если кто благоволит мне прислать свои сочинения или переводы, то я буду принимать с благодарностью все хорошее и согласное с моим планом, в который не входят только теологические, мистические, слишком ученые, педантические, сухие пьесы». Далее обещается ежемесячно книжка в осьмушку, в страниц 100 и более, в синей обложке — «со всею типографскою точностью и правильною, которая ныне в редких книгах наблюдается», — за 5 рублей в год в Москве и 7 рублей с пересылкой.

Программа журнала была выполнена в 1790—1791 годах. В первом отделе появились произведения А. Барсова, Державина («Видение Мурзы»), Дмитриева («Модная жена», «Стонет сизый голубочек»), Захарова, Капниста, Карамзина, П. Кутузова, Н. и П. Львовых, Нелединского-Мелецко-

го, А.А. Петрова, Подшивалова, Ф. Туманского, Д. Хвостова. Во втором — переводы из Беля, Виланда, Горация, Калидасы, Коцебу, Мармонтеля, Мерсье, Монтескье, Нарушевича, Оссиана, Флориана.

Здесь появились впервые и «Письма русского путешественника», и повести Карамзина «Бедная Лиза», «Фрол Силин», «Лиодор», «Наталья, боярская дочь». Этим журналом уже в широких размерах идет новое литературное течение, особенно в области повествовательной и лирической поэзии, проблески которого видны были у нас уже и раньше и которое принято называть сентиментализмом.

Назначение искусства, по мнению Карамзина, — распространять приятные впечатления в области чувствительного. Героическо-рационалистическое направление ложноклассицизма, исполненное холодного, а иногда и ходульного идеализма, изображавшее высокие, недоступные большинству добродетели и поступки, скучные нравоучительные разглагольствования, фантастика полусказочных романов и повестей здесь отодвигались назад изображением близкой повседневной жизни с ее роковыми случайностями и малозаметными жертвами. И все это на фоне природы и чуткого, чувствительного ко всему сердца автора, питающегося часто собственным воображением чужого наслаждения или чаще горя. Новый, сентиментальный, тон «Писем», сердечные умиления и излияния автора при виде картин природы или случайно подмеченных на дороге сцен пришлось по душе читателям Карамзина: большинство их — помещики — жили в деревне, а в город только наезжали. Развитие чувствительности повело к развитию человечности, а любовь к природе воспитывала художественное чувство русских читателей.

Это главная заслуга нового журнала с историко-литературной точки зрения. «Московский журнал» имел до 300 подписчиков — цифра громадная для того времени, и выдержал два издания. До «Московского журнала», можно сказать, у нас были читатели, а теперь образовалась читающая публика. Говорят, что с тех пор появилась у нас и масса читательниц, до тех пор считавшихся единицами.

Несколько высокомерный тон, мнимопрезрительное отношение к родине, и в частности к прежней литературе, намеки на недостатки прежних переводов и не-

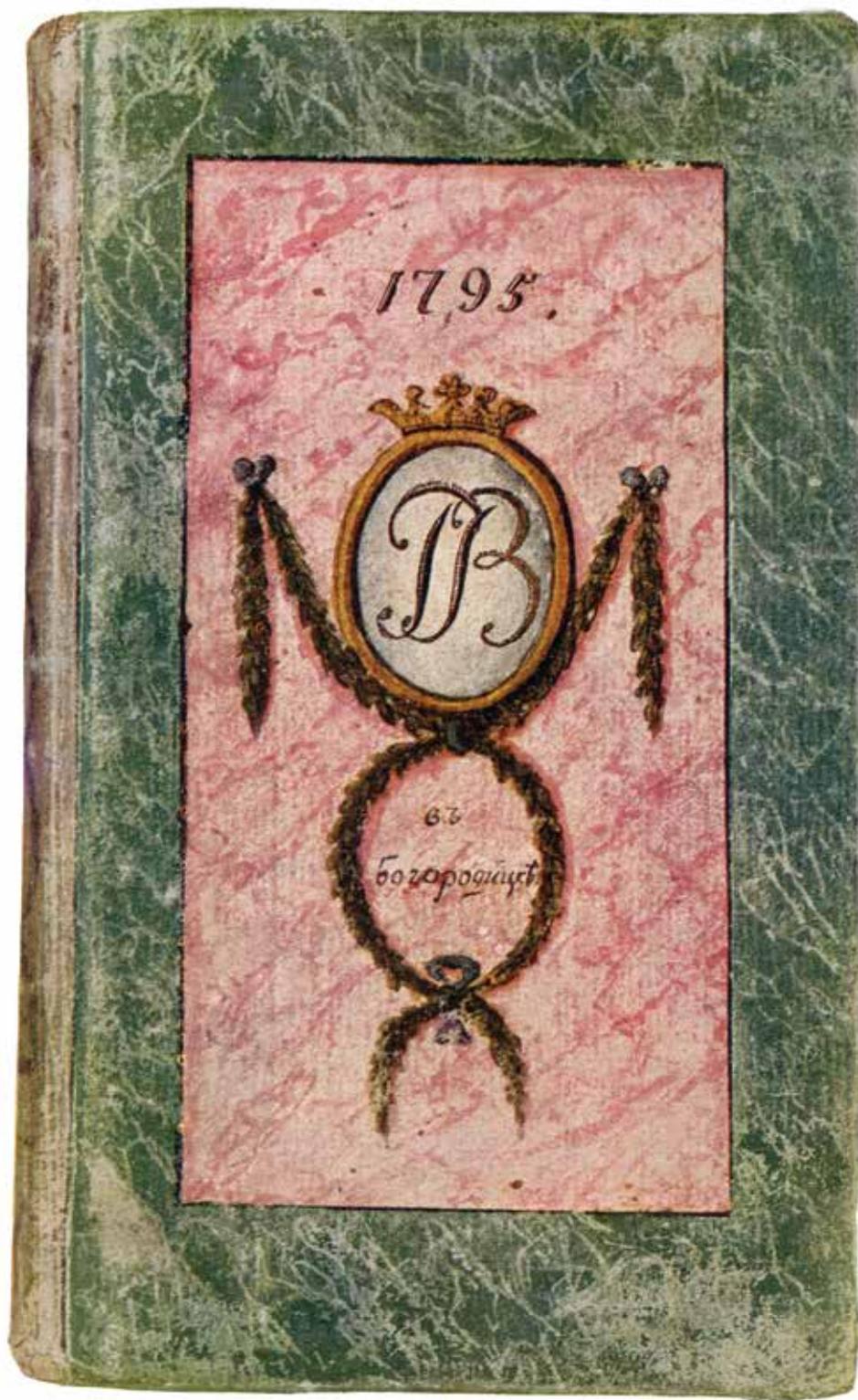

О.А. Кипренский. *Бедная Лиза*. 1827 год

удовлетворительность техники печатания, а особенно решительный отказ принимать теологические и мистические статьи задевали старых друзей Карамзина — масонов. В свою очередь, и они (И.В. Лопухин, князь Н.Н. Трубецкой, М.М. Багрянский и А.М. Кутузов) отрицательно отнеслись и к журналу, и к самому Карамзину. А.М. Кутузов, близкий в свое время друг Карамзина, теперь склонявшийся все более и более к мистической стороне масонства, написал целый памфлет, где осмеивал намерение Карамзина исправлять

род человеческий и называл его довольно прозрачно «попугаем».

Плещеевы оставались верными Карамзину и горячо защищали его от нападок своих общих друзей и знакомых. Эта дружба поддерживала Карамзина и в издании журнала, и среди тех «независящих» от его воли обстоятельств, которые требовали его поездок в Петербург и, по-видимому, стоят в связи с арестом Н.И. Новикова и разгромом «Дружеского общества». <...> Недаром писал ей (А.И. Плещеевой²⁵. — *Публ.*) Карамзин в 1795 году:

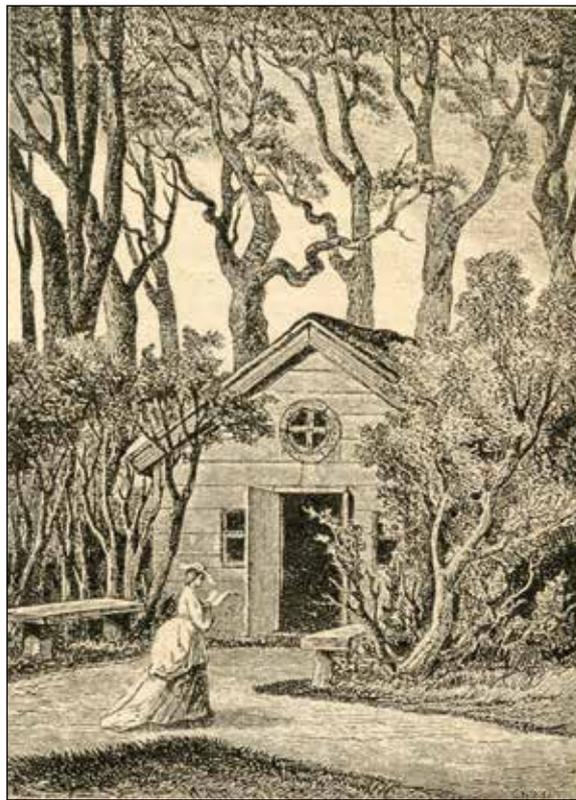
**Переплет «Аглаи». Сборник Н.М. Карамзина 1795 года,
разрисованный П.А. Болотовым*

привлекает его к стенам монастыря воспоминание о плачевной судьбе бедной Лизы. Сирота-крестьянка, прекрасная любезная Лиза жила со своей матерью недалеко от этих развалин. Она содержала свою мать рукоделием и продажей ягод и цветов. Молодой человек Эраст дал ей рубль за ландыши

вместо пяточка, а потом явился в дом Лизы и стал покупать полотно и чулки Лизиной работы. Эраст был довольно богатым дворянином с изрядным разумом, но сердцем хотя и добрым, но слабым и ветреным. Он вел рассеянную жизнь, но скучал и жаловался на свою судьбу. Красота Лизы прельстила

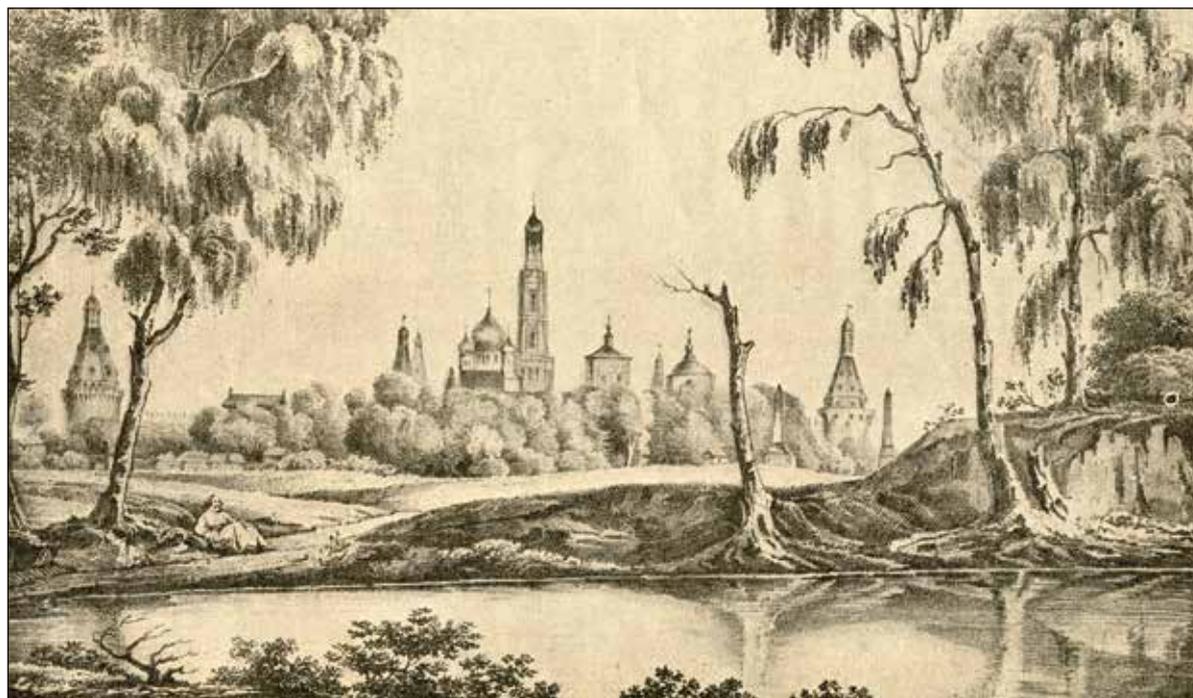
К 250-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н.М. КАРАМЗИНА

его; он решил, что натура призывает его к чистым своим радостям, и решил оставить большой свет. Начались свидания, и наконец наступило исполнение всех желаний Эраста. Он стал скучать и объявил Лизе и ее матери, что уезжает на войну. Те поверили. Лиза горько плакала и ждала его возвращения. Через несколько времени Лиза неожиданно встретила Эраста в городе, догнала его экипаж и очутилась в его кабинете. Эраст заявил, что он помолвлен, просил Лизу забыть его, дал ей сто рублей и вывел из кабинета. Эраст действительно был в армии, играл в карты, проиграл все состояние и, чтобы поправить свои обстоятельства, решил жениться на богатой вдове, давно в него влюбленной. Лиза в отчаянии пошла домой, увидела у монастыря свою подругу, передала ей деньги и со словами: «Скажи матери, что бедная Лиза велела поцеловать ее», — бросилась в воду... Лизу вытащили, но она уже была мертва. Лизина мать умерла с горя, хижина их опустела, а Эраст до конца своей жизни был несчастлив и считал себя убийцей Лизы. Если выбросить идеализацию личностей Лизы и ее матери, то повесть будет носить вполне реальный характер; но в те времена (да и еще не так давно — в сороковых годах, хотя и не в такой степени) идеализация крестьянской жизни была необходимым условием успеха повести. Что могли иметь дворяне-читатели и особенно читательницы

**Беседка Карамзина в саду
близ Симонова монастыря*

против Лизы, своим образом мысли, своей речью и своими манерами напоминавшей барышню (заметим, кстати, что и в действительности среди наиболее несчастных крепостных-дворовых такие девушки суще-

**Вид Симонова монастыря со стороны Лизиного пруда*

ствовавали)? Сострадание к судьбе Лизы было состраданием к человеку, ценимому по внутренней пробе, а не по внешнему клейму, которое кладут на него генеалогическая роспись, общественное положение и другие отличия. Повесть возбуждала чувство человечности, и в этом наилучшая ей похвала.

«Фрол Силин, благодетельный человек» — снимок с натуры. Богатый крестьянин Симбирской губернии, он во время голода раздал бедным хлеб из своего запаса, и когда они на следующий год принесли свой долг, предложил раздать его бедным. Повесть оканчивается пожеланием автора, чтобы таким людям ставили памятники.

Повесть «Юлия» носит на себе следы драмы Коцебу³² «Ненависть к людям и раскаяние». Над представлением пьесы в Берлине Карамзин когда-то плакал. Юлия, холодная, окруженная толпой поклонников, увлекается было робким Арисом, но скоро забывает его ради смелого опытного донжуана — князя. Князь делает приступ к добродетели Юлии, она ускользает от его ласканий и выходит замуж за Ариса. Арис поселяется сначала в деревне, а потом ради скучающей Юлии — в городе. Снова является князь, и Юлия опять им увлекается. Тогда Арис оставляет дом, отдает все жене и пропадает без вести. Тронутая Юлия удаляется в деревню, родит сына Эраста, воспитывает его по Эмилю Руссо и живет в строгом уединении. Друг Ариса извещает его о новом образе жизни жены. Арис возвращается, примиряется и свет для них не существует³³.

Для дальнейшей литературной оценки Карамзина представляют большой интерес его повести из старой русской жизни — исторического содержания, хотя и здесь не иссякает сентиментальное направление.

В автобиографической повести «Лиодор» Карамзин высказывал свои симпатии к русской старине. «Наталья, боярская дочь» начинается монологом: «Кто из нас не любит тех времен, когда русские были русскими; когда они в собственное свое платье наряжались, ходили своею походкою, жили по своему обычаю, говорили своим языком...» Дочь боярина Матвея Андреева влюбилась, убежала тайно от отца и обвенчалась со своим возлюбленным Алексеем, сыном опального боярина Любославского. Вместе с мужем, переезжая, она приняла участие в сражении с литовцами и после победы открылась

царю и отцу, который простил молодых. Оценивая повесть, г. Апостолов³⁴ (1916) пишет: «Карамзин как романтик поставил не только хронологическую, но и литературную грань между XVIII и XIX веками. Он проявил достаточно критицизма в понимании исторических эпох, и нарисовал реальные бытовые черты русской истории XVII века, и вложил в повесть психологическое освещение». В повести 1807 года «Марфа-посадница» автор сделал дальнейший шаг вперед: здесь сказало изучение летописей русских и иностранных в период 1792–1803 годов. С глубоким знанием сущности нашего прошлого представлена историческая среда — новгородская вольница. Оставив в стороне сентиментализм в описании любви Мирослава и Ксении и известную долю риторического героизма, мы видим созданный Карамзиным тип русской исторической повести. Идеализация исторических лиц будет продолжаться в нашей литературе и дальше, начиная от повестей Загоскина, Полевого, Марлинского и Лажечникова вплоть до «Тараса Бульбы» и «Капитанской дочери».

В стихотворной деятельности Карамзина академик Грот³⁵ справедливо отметил недостаток воображения и образности в стихах и художественной внешней формы, но они искренни, а не надуманны; и в силу своей искренности («мне сердце было Аполлоном») они в свое время были любимы, а кое-что из них помнится даже в настоящее время.

Вот примеры из стихотворений этого периода (1791–1796):

Покойся, милый друг, до радостного утра!
(«Эпитафия», 1792)

*Кто мог любить так страстно,
Как я любил тебя?
Но я вздыхал напрасно,
Томил, крушил себя...*
(«Прости», 1792)

*Братья, рюмки наливайте,
Лейте через край вино...*
(«Веселый час», 1794)

*Ручей два древа разделяет,
Но ветви их, сплетаясь, растут;
Судьба два сердца разлучает,
Но вместе чувства их живут.*
(«Надежда», 1796)

Я жил в Аркадии с тобою.
(«Отставка», 1796)

*Две горлицы покажут
Тебе мой хладный прах;
Воркуя томно, скажут:
«Он умер во слезах».*
(«Две песни»)

*Законы осуждают
Предмет моей любви;
Но кто, о сердце, может
Противиться тебе?*
(«Остров Борнгольм»)

*Смеяться, право, не грешно
Над тем, что кажется смешно.*
(«Послание к А. А. П.»)

Историк литературы не забудет и первой баллады — гишпанской песни «Граф Гваринос» (1789), и «Ильи Муромца», вызвавшего известную эпиграмму Пушкина³⁶.

В стихах Карамзина в зачаточном виде находятся характерные черты романтизма: и обращение к старине, и чувство природы, и черточки народной стихии, и грусть, и мечтательность — всё, что впоследствии пышным цветом развернется в близком почитателе и благоприятеле Карамзина В.А. Жуковском. Важно и разнообразие размеров стихотворений Карамзина.

В 1796–1799 годах вышли три книжки [альманаха] «Аониды, или Собрание разных новых стихотворений». Карамзин пишет в предисловии к первой книге: «Почти на всех европейских языках ежегодно издается собрание новых мелких стихотворений под именем “Календарь муз”; мне хотелось выдать и на русском нечто подобное». Во второй книге, рассуждая о пользе стихотворства, Карамзин писал: «Литература, имея вообще влияние на приятность жизни, светского обхождения и на совершенство языка (неразрывно связанного с умственным и моральным совершенством каждого народа), бывает всего полезнее, всего приятнее для тех, которые в ней упражняются, — она занимает, утешает их в сельском уединении; она настраивает их душу к глубокому чувству красоты природы и к тем нежным страстям нравственности, которые были и всегда будут главным источником земного блаженства». Произведений Карамзина здесь очень немного; зато помещены труды почти всех литераторов того времени.

*П.Ф. Соколов.
Василий Андреевич Жуковский.
Холст, масло. 1820-е годы*

В 1798 году вышел под редакцией Карамзина «Пантеон иностранной словесности», а в 1801 году — «Пантеон российских авторов» (с портретами), изданный в компании с П. Бекетовым³⁷.

Эти годы были тяжелыми годами жизни Карамзина: его материальные средства были довольно скудны и зарабатывались почти только литературным трудом — доходы с наследственной части симбирского имения были ничтожны. Да и в литературе в царствование Павла наступил цензурный гнет в гораздо большей степени, чем это было в последние годы царствования Екатерины. Есть предание, что императору Павлу был подан донос И.П. Голенищевым-Кутузовым³⁸ с обвинением Карамзина в якобинстве, проглядывавшем-де в его сочинениях, но за Карамзина заступился граф Ф.В. Ростопчин³⁹. Все окружающее в то время настраивало энергичного, но и чувствительного Карамзина на грустный тон, но он не терял бодрости. Мы читаем в его «Меланхолии» — подражании Делилю (1800):

Неизвестный художник.
Платон Петрович
Бекетов

итальянцы — вот мой магазин, в котором роюсь всякое утро часа по три! Мне надобно переводить — для кошелька моего»; «Весело быть первым, а мне и последним быть мешает цензура... Цензоры говорят, что Демосфен был республиканец и что таких авторов переводить не должно... У нас есть академия, университет, а литература под лавкою» (27 июля 1798). «Цензура, как черный медведь, стоит на дороге, к самым безделицам придирается» (18 августа 1798). «Здесь цензоры при новой эдиции (издании) “Аонид” поставили крест на моем “Послании к женщинам”. Такая же участь ожидает и “Аглаю”, “Мои безделки” и “Письма русского путешественника”, т. е., вероятно, что цензоры захотят вымарывать и поправлять, а я лучше все брошу, нежели соглашусь на такую гнусную операцию, и, умирая авторски, восклицаю: да здравствует российская литература» (12 октября 1798). «Музы закрыли свои лица черным покрывалом», — писал Карамзин про это время, и понятно, как по кончине Павла он обрадовался, что «умолк рев Норда сиповатый». Карамзин приветствовал новое царствование двумя одами императору Александру I:

*Меланхолия — нежнейший перелив
От скорби и тоски к утехам
наслажденья.
Веселья нет еще, но нет уже мученья...
Отчаянье прошло... но, слезы осушив,
Ты радостно на свет взглянуть еще
не смеешь
И матери своей «печали» вид имеешь,
Бежишь, скрываешься от блеска
и людей,
И сумерки тебе милее ясных дней.
В уединении ты более с собою...
Веселие твое — задумавшись молчать
И на прошедшее взор нежный обращать.*

Как бы то ни было, любовь к женщине (предполагают, давнишняя) и желание устроить собственную семью охватили 34-летнего Карамзина; в апреле 1806 года он женился на Елизавете Ивановне Протасовой, сестре его друга — Анастасии Ивановны Плещеевой.

Приготавливая к печати свои «Пантеоны», Карамзин писал Дмитриеву 1 марта 1798 года: «Я перевожу лучшие места из книг иностранных авторов, древних и новых; иное для идей; иное для слога. Греки, римляне, французы, немцы, англичане,

*России Император новый!
На троне будь благословен...
Так милое весны явленье
С собой приносит нам забвенье
Всех мрачных ужасов зимы...
Весна у нас, с тобою мы!

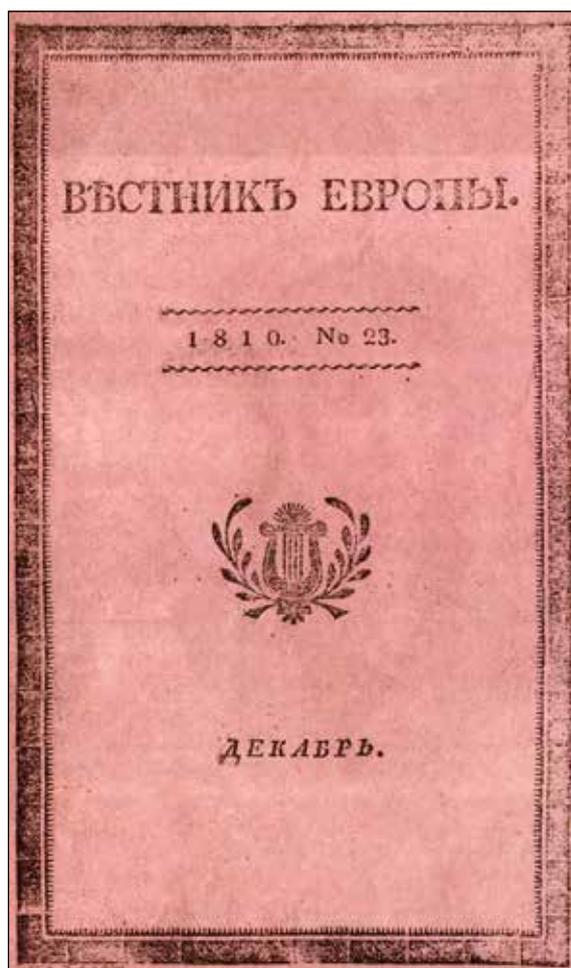
Ты будешь солнцем просвещения —
Наукой счастлив человек, —
И блеском твоего правленья
Осыпан будет новый век...
Когда не все законы ясны,
Ты нам их разум изъяснишь.
Когда же в смысле не согласны,
Ты их премудро согласишь...
Велик, как Бог, законодатель,
Он — мирных обществ основатель
И благодетель всех веков...
Там рабство, где законов нет...
Короны блеском ослепленный,
Другой в подвластных зрит рабов,
Но ты, душою просвещенный,
Не терпишь стука их оков...
Тебе одна любовь прелестна,
Но можно ли рабу любить?
Любовь со страхом несовместна;
Душа свободная одна
Для чувств ее сотворена...*

Кроме двух од, посвященных императору, Карамзин сочинил в это время и похвальное слово императрице Екатерине. Собственно, к личности императрицы Карамзин был довольно холоден, но ему, видимо, хотелось высказать свои мысли о задачах предстоящего царствования. В «Слове» Карамзин дает ряд блестящих характеристик и представляет полную картину царствования Екатерины.

«Слово» было поднесено новому императору, <...> и автор получил табакерку с бриллиантами, впрочем, не очень блестящими, как сам он это отметил. Такие отношения в те времена не казались предосудительными. Да к тому же Карамзин верно и искренно выражал общие чувства русских к новому государю. «У нас на троне человек, — писал Карамзин в “Вестнике Европы” 1803 года. — Великий план народного просвещения славен не только для России и государя ее, но и для самого века... Целый свет должен гордиться монархом, который употребляет власть единственно на то, чтобы возвысить достоинство человека в неизмеримой державе своей». И это оправдалось учреждением новых университетов — в Казани, в Харькове, преобразованием университетов Московского, Виленского, Юрьевского, новым уставом Академии наук, духовных училищ, учреждением особого Министерства народного просвещения и пр.

И в это «дней Александровых прекрасное начало» по просьбам образованного московского купца книгопродавца И.В. Попова Карамзин составил план издания совершенно нового журнала по европейскому образцу. 9 октября 1801 года в «Московских ведомостях» появилось следующее объявление:

«С будущего января 1802 года намерен я издавать журнал под именем “Вестник Европы”, который будет извлечением из двенадцати лучших английских, французских и немецких журналов. Литература и политика составят две главные части его. Политические известия будут сообщаемы в некотором систематическом порядке и как можно скорее. Для нашей словесности и критики назначается особливая статья... Журнал будет выходить книжками два раза в месяц (по 80 страниц, в большую осьмушку каждая книжка)... Цена в Москве 12 рублей, с пересылкой 15 рублей». В первой книжке Карамзин писал: «В России литература может быть еще полезнее,

нежели в других землях: чувство в нас новее и свежее; изящное тем сильнее действует на сердце и тем более плодов приносит».

В объявлении на второй год издания (1803) и последний год своего редакторства Карамзин пишет: «“Вестник Европы” будет сообразно с его титулом содержать в себе главные европейские новости в литературе и политике... Немногие получают иностранные журналы, а многие хотят знать, что и как пишут в Европе. В “Вестнике” будут и русские сочинения... Но издатель желает, чтобы они могли без стыда для нашей литературы мешаться с произведениями иностранных авторов. Мы не аристократы в литературе: смотрим не на имена, а на произведения и сердечно рады способствовать известности молодых авторов... Что принадлежит до критики новых русских книг, то мы не считаем ее истинною потребностью нашей литературы».

Иностранные статьи и сведения политические и литературные, соответствующие нынешним передовицам, составляют главное содержание «Вестника Европы» и отличаются большим разнообразием. Эти

обзоры целиком принадлежат перу Карамзина. Здесь он — наш первый европейский публицист с удивительной проницательностью: таковы его статьи о Бонапарте, о его грядущей роли и о составе европейской коалиции (Россия, Англия, Австрия и Италия) в случае возможной войны.

Почти все прочие прозаические статьи принадлежат перу одного Карамзина⁴⁰, и даже и теперь нельзя не удивляться этой кипучей деятельности. Здесь помещены повести «Марфа-посадница» и «Рыцарь нашего времени» (подражание Ж. Полю Рихтеру); рассуждения «О любви к отечеству и народной гордости», «О счастливейшем времени жизни» (это — последняя эпоха зрелого возраста перед началом увядания), о Богдановиче⁴¹ и его сочинениях; статьи о русской торговле и любви к чтению в России; путешествие вокруг Москвы, исторические воспоминания (на пути из Москвы к Троицкой лавре); дворянин — профессор в России (Григ. Глинка⁴² — профессор Юрьевского университета, первый профессор из дворян).

Журнал имел успех для того времени невероятный: он уже в первый год имел 1200 подписчиков. Политические и общественные статьи Карамзина примечательны по своей ясности, верности, убедительности и мастерству изложения. Говоря о состоянии Европы в конце XIX века, Карамзин высказывает свои воззрения на ход исторической жизни вообще.

Революция, грозившая поглотить всю цивилизацию, принесла и пользу: «Теперь государи вместо того, чтобы осуждать распад на безмолвие, склоняют его на свою сторону; они чувствуют важность союза с лучшими умами, уважают общественное мнение и стараются приобрести любовь народную уничтожением злоупотреблений. С другой стороны, революция объяснила идеи: мы увидели, что гражданский порядок священ даже в самых местных или случайных недостатках своих... что, разбивая сию благодетельную эгиду, народ делается жертвой ужасных бедствий, которые несравненно злее всех обыкновенных злоупотреблений власти... Учреждения древности имеют магическую силу, которая не может быть заменена никакой силой ума: одно время и благая воля законных правителей должны исправить несовершенство гражданских обществ. Любовь к отечеству есть действие ясного рассудка, а не слепая страсть, и, жалея о тех людях, кото-

рые вечно жалуются, мы не хотим впасть и в другую крайность — не хотим уверить себя, что Россия находится уже на высочайшей степени блага и совершенства». В известной статье «О любви к отечеству и народной гордости» (Вестник Европы. 1802. №4) Карамзин требует, чтобы русский народ стал рядом вместе с другими народами и сказал ясно свое имя, требует самостоятельности сознания, гордости народной. Идеалы народные заменяют теперь у Карамзина прежние общечеловеческие идеалы, носившие несколько туманный, отвлеченный характер. Карамзин уже требует деятельной любви к отечеству и вызывает, особенно высший класс, на улучшение быта крестьян, заведение школ, больниц, поощрение земледелия, торговли, промышленности, прорытие каналов. Главным средством для успеха должно служить просвещение, но оно будет тогда только действительно и принесет пользу стране, когда проникнет в простой народ, в класс землепашцев: необходимы сельские школы, необходимы и университеты. В XIX веке тот народ может быть великим и почтенным, который благородными искусствами, литературой и науками способствует успехам человечества в его славном течении к цели нравственного и душевного совершенства.

Личная жизнь Карамзина в это время сложилась не особенно благополучно: Карамзин любил жену, но она была слабого здоровья и 4 апреля 1802 года скончалась, оставив дочь Софию. Карамзин тосковал по любимой жене целый год, но заботы о дочери и издание журнала невольно отвлекали его от тяжелых воспоминаний. Утешал его, конечно, В.А. Жуковский, переехавший в 1803 году к Карамзину на житье в село Свиблово. В марте Карамзин невольно сблизился с кружком будущего «Арзамаса»⁴³.

В 1803 году вышла в свет книга А.С. Шишкова⁴⁴ «Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка». В ней Шишков довольно ядовито осуждает авторов нового слога, задевая не столько самого Карамзина, сколько его подражателей, и приводит примеры вроде: «голова, образованная для тайной связи с невинностью» и др. Наряду с этим Шишков отвергал и вошедшие в язык новые выражения, например: «развитие», «утонченный», «трогательно», «занимательно» и др. Началась журнальная полемика, продолжавшаяся до 10 годов и даже позже,

распространившаяся не только на вопросы слога, но и на теоретические вопросы словесности и приведшая (1815) к основанию шуточного литературного общества «Арзамас». В описываемое время за Карамзина, кроме Жуковского, стояли будущие арзамасцы Д.В. Дашков, В.Л. Пушкин, братья А. и Н. Тургеневы, дети старика Ивана Петровича, кстати, заметим, не сделавшиеся масонами по примеру любимого отца (†1806).

Во время этой войны Д.Н. Блудов⁴⁵ написал следующую эпиграмму (1809):

*Угодно ль, господа, меж русскими певцами
Вам видеть записных Карамзина врагов!
Вот комик Шаховской с плачевными*

стихами

*И вот бледнеющий над святыми Шишков.
Они умом равны, обоих зависть мучит.
Но одного сушит она, другого пучит.*

Вопреки рассуждениям старика А.С. Шишкова (1803–1810), реформа Карамзина получила право гражданства в русской литературной речи. Она коснулась двух сторон:

строю речи и словаря. Карамзин, отрицая ломоносовские традиции, требовал расстановки слов, уже близкой к обыкновенному разговору или рассказу, с одной стороны, и короткого строя предложений по возможности — с другой, хотя в патетических местах своей «Историей» или в рассуждениях и сам местами отступал от этих требований. Хотя Ломоносов, по словам Карамзина («Пантеон русских писателей». 1801–1802), был первым образователем русского языка и открыл изящность, силу и гармонию русского слова, но проза его вообще не может служить образцом; длинные периоды его утомительны, расположение слов не всегда сообразно с течением мысли и не всегда приятно для слуха. Разделяя новый русский слог на четыре эпохи (первую — от Кантемира до Ломоносова, вторую — от Ломоносова до славянско-русских переводов Елагина⁴⁶, третью — от Елагина до своего времени), Карамзин отмечает свое время, в которое образуется «приятность слога».

В этот момент произошел неожиданный перелом в жизни Карамзина.

*Публикация и примечания (кроме оговоренных)
Анны Филипповны Грушиной и Александра Александровича Белая.
Продолжение в следующем номере*

¹Дмитриев Иван Иванович (1760–1837) — поэт, баснописец, государственный деятель.

²Первые пять глав написаны в 1799 г. (*прим. авт.*).

³Названы виднейшие представители «натуралистической» философии Нового времени.

⁴А может быть, и по влиянию мачехи, о которой, кстати сказать, Карамзин нигде не говорит ни слова (*прим. авт.*).

⁵Частное учебное заведение, основанное выдающимся педагогом своего времени профессором Московского университета Иоганном Матиасом Шаденом (1731–1797).

⁶Роллен Шарль (1661–1797) — французский историк.

⁷В.Б. Муравьев в своей книге «Карамзин» (ЖЗЛ. М., 2014) пишет: «От времени учебы в Симбирске у Карамзина остались два ярких воспоминания. Одно — о столетнем старике Елисее Кашинцеве, который угощал его банею и зеленым чаем и был известен тем, что звонил в колокола, когда Симбирск праздновал Полтавскую победу, а потом был гребцом на той лодке, в которой плыл Петр Великий, когда ехал на персидскую войну».

⁸Лафатер Иоганн Каспар (1741–1801) — швейцарский писатель, поэт, богослов, основатель криминальной антропологии.

⁹Юнг (Янг) Эдуард (1683–1765) — английский поэт-сентименталист.

¹⁰Тургенев Иван Петрович (1752–1807) — директор Московского университета (1796–1803), масон.

¹¹Галахов Алексей Дмитриевич (1807–1892) — историк русской литературы.

¹²Новиков Николай Иванович (1744–1818) — журналист, издатель, видный деятель русского масонства. Благотворительно-просветительское «Дружеское ученое общество» образовано в Москве в 1779 г. по инициативе Н.И. Новикова и И.Г. Шварца (см. прим. 15).

¹³Петров Александр Андреевич (?–1793) — переводчик, адепт мистико-эзотерического христианства (мартинизма), друг Н.М. Карамзина.

¹⁴Кутузов Алексей Михайлович (1746/47–1797) — переводчик, писатель-мистик, мартинист.

¹⁵Шварц Иван Григорьевич (Георгиевич, Егорович. 1751–1784) — просвети-

тель, мартирист, сподвижник Н.И. Новикова.

¹⁶Пиетизм — мистическое течение в протестантизме XVII—XVIII вв. Отвергал внешнюю церковную обрядность, призывал к углублению веры, провозглашал греховность развлечений и т. п.

¹⁷Ленц Якоб Михаэль (1751—1792) — немецкий писатель, представитель движения «Буря и натиск» (отказ от культа разума в пользу предельной эмоциональности); с 1781 г. жил в России, был близок к кружку Н.И. Новикова.

¹⁸Имеется в виду переводная книга в жанре утопического романа «Новая Киропедия, или Путешествия Кировы, с приложенными разговорами о богословии и баснословии древних, сочиненная Андреем Рамзеем» (М., 1785). Рамзей Андре Мишель (1686—1743) — французский писатель шотландского происхождения.

¹⁹Сиповский Василий Васильевич (1872—1930) — русский и советский филолог, писатель.

²⁰Боннет (Бонне) Шарль (1720—1793) — швейцарский естествоиспытатель и филозоф.

²¹Анучин Дмитрий Николаевич (1843—1923) — антрополог, географ, этнограф, археолог, один из основоположников антропологии в России.

²²Левек Пьер (1736—1812) — французский историк.

²³Буслаев Федор Иванович (1818—1897) — филолог, искусствовед; академик (1860).

²⁴Речь о «Московском журнале», издававшимся Н.М. Карамзиным в 1791—1792 гг.

²⁵Напомним здесь, что Анастасия Ивановна Плещеева, свояченица Н.М. Карамзина, на протяжении многих лет была его другом и покровительницей.

²⁶Иллюстрированное издание альбомного типа.

²⁷Третья часть предполагалась, но не вышла (*прим. авт.*).

²⁸Город в Англии.

²⁹Остров в Балтийском море.

³⁰Болотов Павел Андреевич (1771—1850) — дворянин, коллежский асессор, масон. Сын известного писателя и естествоиспытателя Андрея Тимофеевича Болотова (1738—1833). Женится он на Марии Федоровне Ошаниной. Таким образом, один из инициалов «возлюбленной» П.А. Болотова («С») указан автором неверно.

³¹Глинка Федор Николаевич (1786—1880) — поэт, прозаик, публицист.

³²Коцебу Август фон (1761—1819) — немецкий драматург и романист.

³³Повесть была переведена на французский язык в 1797 г., на польский — в 1798 г. и на английский — в 1803 г. (*прим. авт.*).

³⁴Апостолов Николай Николаевич (1890—?) — филолог, исследователь творчества и редактор сочинений Л.Н. Толстого, писал также о Н.М. Карамзине. Приводимая цитата взята из работы «Карамзин как романист-историк» (Пг., 1916).

³⁵Грот Яков Карлович (1812—1893) — филолог, академик (1856).

³⁶— *Послушайте: я сказку вам начну
Про Игоря и про его жену,
Про Новгород и Царство Золотое,
А может быть, про Грозного царя...
— И, бабушка, затеяла пустое!
Докончи нам «Илью-богатыря».*

³⁷Бекетов Платон Петрович (1761—1836) — издатель, историк, общественный деятель.

³⁸Голенищев-Кутузов Павел Иванович (1767—1829) — военный, литератор, деятель в сфере образования.

³⁹Ростопчин Федор Васильевич (1763—1826) — граф, государственный деятель, во время войны с Наполеоном — московский генерал-губернатор.

⁴⁰Полуденский. Указатель статей. Вестник Европы. М., 1860 (*прим. авт.*).

⁴¹Богданович Ипполит Федорович (1743/44—1803) — поэт.

⁴²Глинка Григорий Андреевич (1776—1818) — филолог, поэт, прозаик, переводчик. Первым из состоятельных дворян занялся преподавательской деятельностью; с 1811 г. — кавалер великих князей Николая и Михаила Павловичей.

⁴³«Арзамас» — литературный кружок в Санкт-Петербурге (1815—1818), члены которого (В.А. Жуковский, П.А. Вяземский, А.А. Плещеев, В.Л. Пушкин, А.С. Пушкин, Д.В. Давыдов и другие) выступали против сторонников классицизма в защиту сентиментализма и романтизма.

⁴⁴Шишков Александр Семенович (1754—1841) — писатель, государственный деятель консервативного толка, инициатор издания «чугунного» цензурного устава 1826 г. «Выступал как архаист» (БЭС. М., 1991).

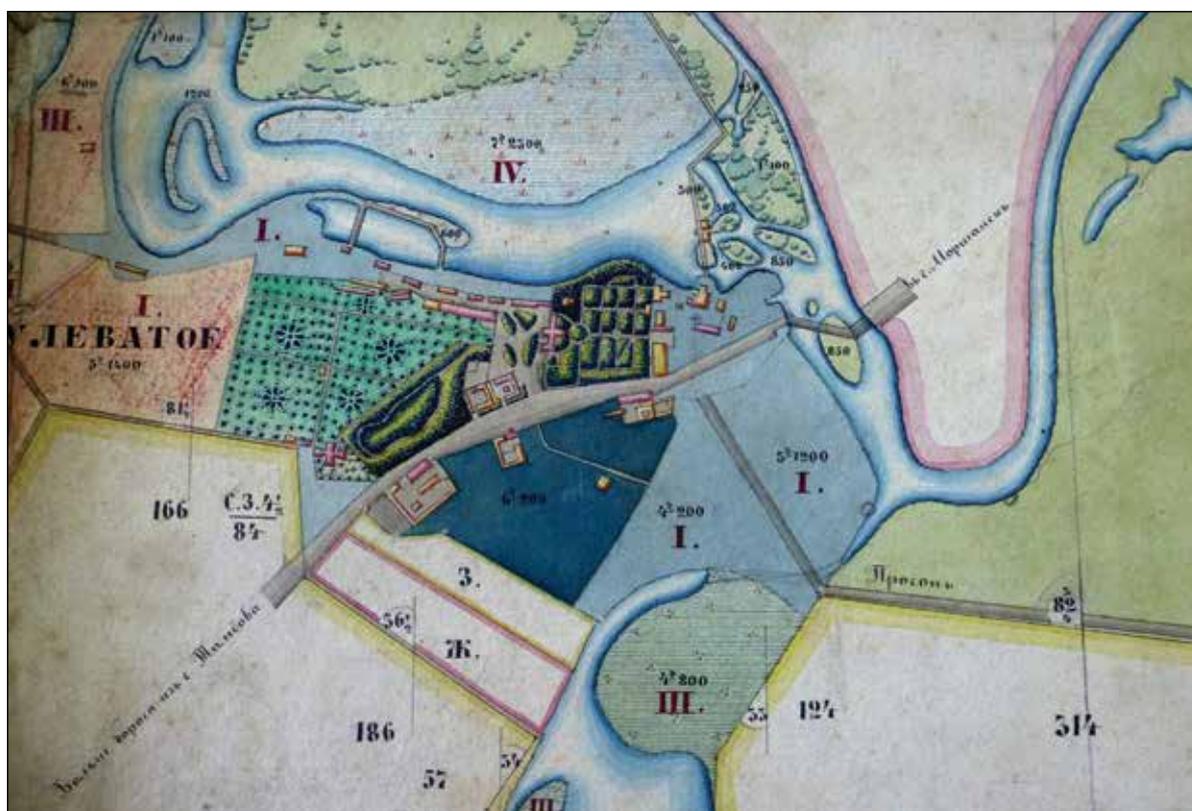
⁴⁵Блулов Дмитрий Николаевич (1785—1864) — граф, государственный деятель, один из учредителей кружка «Арзамас».

⁴⁶Елагин Иван Перфильевич (1725—1794) — государственный деятель, историк, писатель, видный масон, «один из родоначальников первобытного славянофильства».

Любовь Евгеньевна Городнова

Кулеватово

Об этой исчезнувшей старинной усадьбе и ее владельцах —
помещиках Давыдовых

*План усадьбы Кулеватово. 1864 год.
Государственный архив Тамбовской области (ГАТО)*

Есть в Тамбовской области два сельских поселения — Кулеватово и Вирятино. В XVIII веке оба являлись дворцовыми владениями. Кулеватово — тогда деревня — насчитывало 64 крестьянских двора и 352 души¹, Вирятино — село в 96 дворов и 426 душ². Основная часть жителей занималась скотоводством и земледелием;

а на Дону и по Тамбовскому валу в 1673—1675 годах служили 50 человек и 33 человека соответственно³. В конце столетия (1796) Кулеватово и Вирятино были высочайше пожалованы полковнику Федору Андреевичу Давыдову (1759—1837). Местом строительства усадьбы тот избрал, однако, не село, а деревню.

*Федор Андреевич и Дарья Дмитриевна
Давыдовы*

«Давыдовы <...> принадлежали к той провинциальной аристократии, которая с давних времен являлась главной опорой правительства, судебной системы и местного управления страной. <...> Мало кто из Давыдовых выбирал военную карьеру, а те, кто становился военным, в большинстве своем выходили в отставку в почетном чине майора, чтобы спокойно поселиться в своем имении и принимать участие в не очень бурной деятельности местного самоуправления. Все они — стойкие либералы или по крайней мере прогрессивные консерваторы, если можно употребить этот термин, и высокообразованные люди. Как правило, они заканчивали Петроградский или Московский университеты, многие из них занимались, и не без успеха, литературой и беллетристикой, актерской деятельностью и музыкой. Хотя они были хорошо известны в обеих столицах, у них не было постоянной связи с ними, и, конечно, они всегда сторонились императорского двора»⁴.

Ф.А. Давыдов начал службу в 1780 году в солдатском морском батальоне, в 1785-м его перевели вахмистром в лейб-гвардии кирасирский полк, в 1796-м уже подполковником — в кавалергарды. В 1797-м он получает звание полковника и выходит

в отставку. К пожалованным ему в Тамбовской губернии имениям Федор Андреевич присовокупил купленное у помещика Недоброво село Аتمانов Угол (97 душ) и каменные дома в Тамбове и Моршанске. В марте 1786 года после смерти отца Андрея Аввакумовича ему по разделу наследства с мачехой Пелагеей Васильевной досталось 30 душ в Боровичском уезде Новгородской губернии. 20 июля 1818 года Ф.А. Давыдов был внесен в 6-ю часть родословной дворянской книги Тамбовской губернии⁵.

Все большое хозяйство в Кулеватове Ф.А. Давыдов вел сам. Характеризуется он как «человек крайне строгий и не всегда справедливый со своими людьми, в которых, кроме любимчиков, видел только холопов. <...> Жизнь дворни при Федоре Андреевиче была тяжелая, и его боялись как огня; телесные наказания при нем применялись легко, но зато хозяин он был образцовый и крестьянам при нем жить было в материальном отношении хорошо — они ни в чем не нуждались. <...> Федор Андреевич любил веселое житье, <...> зимой и летом постоянно наезжали гости, и господа весело проводили время за картами (выигрывались и проигрывались не только деньги, но и вещи, например коляска,

*Василий Васильевич (первый) и Софья Андреевна
(урожденная Оболенская) Давыдовы*

тарантас, лошади) и выпивкой. Ежедневными гостями были соседние помещики и всевозможных рангов губернские и уездные чиновники, непременно заезжавшие при поездках из Тамбова в Моршанск и обратно⁶⁷.

Единственный сын Федора Андреевича Василий 1 декабря 1804 года в чине лейтенанта морской службы ушел в отставку по состоянию здоровья, рано скончался (1783–1812). После его смерти Федор Андреевич обеспечил вдове Софье Фоминичне (урожденной Тихорской) ежегодное содержание в 6500 рублей и выделил в пожизненное пользование 100 душ в селе Вирятино⁸. Софья Фоминична отличалась довольно тяжелым, строптивым характером. Брак сына Василия (1809–1858), «состоявшийся без какого-либо ее участия, не был ей симпатичен и едва ли она питала особенно благожелательные чувства к своей невестке⁹. Когда Василий Васильевич переехал из Москвы на жительство в Кулеватово, Софья Фоминична переселилась в Вирятино.

Василий Васильевич Давыдов (первый) по окончании курса обучения в Московском университетском благородном пансионе в 1828 году был определен чи-

новником 12-го класса в Московский департамент Правительствующего сената. В 1831-м его произвели в коллежские секретари. С 1833 года он служил в аппарате московского военного губернатора, затем судьей в I Департаменте надворного суда, ассессором в правлении Сената. Удостоился придворного звания камер-юнкера (1834), в том же году женился (см. выше) на дочери тайного советника Андрея Петровича Оболенского, фрейлине¹⁰ Софье Андреевне. Имел семерых детей. Первый ребенок (дочь Софья) умер в малолетнем возрасте. Федор, Андрей, Екатерина, Владимир, Василий, Николай¹¹ «рождены и крещены в столичном городе Москве»¹². 18 сентября 1842 года по решению Моршанского уездного суда В.В. Давыдов унаследовал Кулеватово, Вирятино и Атманов Угол¹³.

Следующий владелец усадьбы Василий Васильевич Давыдов (второй) (1843–1896) поступил на юридический факультет Московского университета (1865). В ноябре 1868 года земское собрание Моршанского уезда избрало его участковым мировым судьей. С октября 1871-го он — почетный мировой судья, с февраля 1872-го — член Тамбовского окружного суда, 28 февраля 1874-го переведен в Московский окруж-

Василий Васильевич Давыдов (второй) с супругой Екатериной Павловной (урожденной Евреиновой) и сыновьями

Екатерина Павловна Давыдова

ной суд, 16 марта 1883-го назначен членом Московской судебной палаты. Награжден орденами Святого Станислава II степени (1880) и Святой Анны II степени (1885)¹⁴.

12 февраля 1867 года В.В. Давыдов — тогда «действительный студент Императорского Московского университета — женился на дочери надворного советника Екатерине Павловне Евреиновой 22 лет»¹⁵. Имел шестерых сыновей — Василия, Юрия, Владимира, Петра (умер в малолетнем возрасте), Александра, Илью. В 1888 году, выйдя в отставку, поселился в Кулеватове. Дети учились в Москве, Екатерина Павловна оставалась с ними, изредка навещая супруга. Василий Васильевич занялся делами имения, активно внедряя прогрессивные методы хозяйствования, причем приобщал к этому и своих крестьян. Вскоре в крестьянских хозяйствах плуги заменили соху, стала удобряться земля, в общественном стаде появился породистый скот. Установив связи с московскими мануфактурными фирмами, Василий Васильевич открыл во флигеле лавку и по праздникам торговал, отпуская крестьянам товар с минимальной наценкой. В летний период Екатерина Павловна, много читавшая по медицине

ЗАПИСКИ КРАЕВЕДА

*Младшие сыновья Давыдовых
Александр и Илья
с гувернанткой Анной Васильевной
Тимофеевой*

*Василий Васильевич Давыдов
(второй)*

Семейное чаепитие на садовом балконе усадебного дома

Семья Давыдовых с родственниками

и привозившая из Москвы необходимые медикаменты, лечила местных жителей. «С утра на <...> балконе дома толпятся бабы с детьми, которых мама (пишет сын. — Л. Г.) осматривает, промывает раны, смазывает, перевязывает, снабжает простыми лекарствами, а в серьезных случаях отправляет в больницу. И при всех этих заботах всегда добрая и веселая, редко кто умел так заразительно — весело и неудержимо — хохотать, как она. Всю свою жизнь она стремилась жить не для себя, а делать то, что полезно и нужно другим»¹⁶.

Умер Василий Васильевич в Москве, куда прибыл для лечения. Гроб с телом доставили на станцию Сосновка (в 18 верстах от усадьбы), где его встречали все кулеватовские крестьяне, пожелавшие проводить хозяина в последний путь.

Владельцем усадьбы стал Александр Васильевич Давыдов (1879–1964). Крестили его в кулеватовской церкви (о ней речь пойдет ниже)¹⁷. Он окончил 1-ю Московскую гимназию, далее юридический факультет Московского университета (1904). Служил по судебной части. В 1906 году венчался с Екатериной Сергеевной Лопухиной в церкви Николая Явленного

в Москве на Арбате. В 1913-м назначен на должность товарища прокурора Московского окружного суда. Во время Первой мировой войны состоял в Тамбовском запасном полку. В феврале 1917-го находился в Минске, в сентябре возвратился в Москву. В начале 1918-го с семьей переехал в Кулеватово. В браке с Екатериной Сергеевной имел детей Елену (1908), Степана (1911), Дарью (1918), Аграфену (1920).

Вернемся теперь к истории кулеватовской усадьбы и жизни ее хозяев. Располагалась усадьба на месте слияния рек Цна и Челновая — «вся в садах, с круглым, обсаженным цветами газоном перед балконом дома и расходящимися лучами от этого круга подстриженными липовыми аллеями. <...> Она была крупно населена: два флигеля, контора и при ней квартира управляющего, больница, аптека, людская с жилыми помещениями, столярная с токарней, слесарная, кузница, оранжереи с теплицей, скотный двор, конный двор и масса холостых построек, как то: сарай, кладовые. Почти на самой усадьбе, сейчас за садом, стояла большая мельница»¹⁸. «Большой двухэтажный дом, построенный примерно в 1805 году в модном в то время

Пикник в лесу

стиле ампир, имел форму удлиненного куба. Внизу находились большие сводчатые подвалы, а наверху — просторная мансарда с четырьмя круглыми окнами. Дом был построен из кирпича с фундаментом темно-красного песчаника, с колоннами, портиком и оконными проемами из белого камня»¹⁹. В доме, кроме буфетной

и прихожей, было двадцать комнат, шесть балконов — два нижних и четыре верхних. С южной стороны Василий Васильевич (первый) устроил зимний сад с входом из своего кабинета. Но в 1870-х годах из-за материальных затруднений уход за зимним садом пришлось оставить. Мебель в парадных комнатах дома была стилевая, крас-

Служащие усадьбы Давыдовых

Жители села Кулеватово на празднике Красной горки у церкви Спаса Нерукотворного

ного дерева, в прочих — березовая, отличавшаяся изяществом рисунка и чистотой отделки, несмотря на то, что изготовил ее крепостной столяр Иван Логинов. Зимой в доме не жили; семья, приезжая из Москвы, останавливалась во флигеле. Летом устраивали пикники, вечерами на лужайке перед домом молодежь играла в горелки и в городки с дворовыми, водила хороводы, распевая народные песни. В сумерках вся семья собиралась на парадном крыльце «устроившись на домашнего изделия садовых диванах и складных стульях, а то прямо на каменных ступенях; крыльцо парадное с колоннами, поддерживающими верхний балкон, выходит во двор с куртинами сирени, шиповника и дикого жасмина, с зеленеющей посредине лужайкой, обнесенной выкрашенными в белую краску столбиками; флигеля, конюшни и сараи не видны за зеленью. <...> Со стороны реки поднимается сразу, как по команде, громкое лягушечье кваканье с трелями, выделяющимися иногда из общего хора смелостью звука; слева, со стороны лугов, слышно дерганье перепелов и коростелей. <...> Но тут раздается резкий звук колокола, в который у нас звонят, созывая к столу, — чай приготовлен на садовом балконе, освещенном подвешенными к потолку примитивными люстрами — белыми бу-

мажными фонарями. <...> И в саду тоже восхитительно в эту теплую влажную ночь; лягушачий концерт раздается еще внятнее, к нему присоединяется пение соловьев, слышно, как на дворе ночной сторож стучит колотушкой в чугунную доску»²⁰.

«Мужская половина с увлечением предавалась охоте. <...> Детская половина общества да и молодежь юношеского возраста зимою забавлялись катаньем в салазках с высокой ледяной горы, катаньем на коньках, на карусели, устраивавшейся на льду реки, а у старших было свое: катанье на тройках вперегонки, посещение соседей <...> на Рождество ряженными; <...> карточная игра у нас не была в ходу, но иногда играли в преферанс и ералаш. <...> Музыка в обиходе жизни обитателей имела немалое значение; летом она проявлялась всего более в хоровом пении народных песен, а зимой преобладала игра на фортепиано, дуэты со скрипкой, трио с ней и фисгармонией и пение по нотам. <...> Была большая, особенно по отделу французской литературы, библиотека, получались газеты, несколько русских журналов, <...> выписывались выходившие в свет новые книги на русском и иностранных языках, а также музыкальные новинки для фортепиано. В одной из больших комнат дома существовала возведенная домашними

*Кулеватовские крестьянки с детьми
ожидают приема Е.П. Давыдовой*

*Лесник Андрей Емельянович Фоманов с женой Мариной
и дочерьми Настей и Таней (в окне)*

*Василий Васильевич Давыдов
на военных сборах под Тамбовом*

средствами сцена, и в течение года на ней давалось несколько спектаклей, причем нередко ставились пьесы, написанные кем-либо из постоянных или временных обитателей»²¹.

Детей воспитывали в основном иностранцы — датчанин Вильгельм Стриболт (рисование), немец Теодор Граверт (музыка) и гувернер немец Эрнест Штрэнге. Им помогали местный священник и учителя тамбовской гимназии — к последним Давыдовы время от времени отправляли своих детей для проверки полученных дома знаний.

В усадьбе на правах членов семейства постоянно обитали интересные, талантливые люди: доктор медицины Петр Майор, приехавший по приглашению Василия Васильевича (первого) в качестве домашнего врача и проживший в семье до глубокой старости, и Иван Ионович — скрипач-виртуоз, который, явившись в Кулеватово без денег и со «скрипкой в плохом футляре», согласился остаться в качестве камердинера.

Земельных угодий в имении Давыдовых насчитывалось 1336 десятин — пашни, заливные и сенокосные луга, леса, сады,

огороды. Вся пахотная и сенокосная земля сдавалась в долгосрочную аренду товариществу кулеватовских крестьян. Доход приносили яблоневый сад (более 600 деревьев)²², водяная мельница, просорушка (машина, перерабатывающая просо в пшено), молочная ферма и маслобойня²³. Бруски масла весом в один фунт клеймились большой буквой «Д» и поставлялись в губернские магазины и даже в московский «Елисейский»²⁴.

Управляющим в имении служил «мужик красивый, на котором вся его одежда сидит элегантно и, несмотря на пребывание его то в пыли, то под дождем, чиста, говорящий уверенно и убедительно, всегда спокойно и без лишних жестов, внушающий безграничное доверие»²⁵. «Мастерские обслуживались своими людьми, многие из которых обучались еще мальчишками в Москве и были, как, например, токарь Ивушка и садовник Ион Павлович, не только мастерами своего дела, но прямо талантливыми людьми. У нас остались еще свои повар, портной, сапожник — он же шорник, хлебник, маляр, печник, фельдшер, школьный учитель и настройщик —

древний старик Захар Ионыч, игравший некогда на флейте в существовавшем при прадеде домашнем оркестре. Все они, а также мельник, <...> кучера с конюхами, писарь в конторе, староста, дворецкий, объездчики, простые рабочие, были свои, бывшие дворовые»²⁶. Суммарный (государственный, земский и сословный) ежегодный налог с имения составлял 525 рублей 40 копеек²⁷.

Для нужд семьи «огород и сад с оранжереями и грунтовыми сараями давали настолько овощей и плодов, сохранявшихся в сыром, консервированном и сушеном виде, что их хватало на целый год. Молочные продукты, мука, крупа, яйца, дичь, живность, а частью и мясо, всевозможные соленья, моченья, заготовки, варенья, сиропы, разнообразные лакомства, шипучки, квас, мед — все это было свое, непокупное. При поломке мебели, экипажей, сельскохозяйственных орудий обходились тоже своими мастерами, и лишь такие предметы, как книги, журналы, газеты, осветительные материалы, вина, колониальные и галантерейные товары и предметы роскоши и моды приходили к нам извне»²⁸.

Трехпрестольная каменная кулеватовская церковь с колокольной и теплой трапезной возводилась в 1826 году усердием

Федора Андреевича Давыдова (один придел — Спасский — летний, два других — Никольский и Благовещенский — теплые). Храмовданная грамота гласила: «Божиею милостью смиренный Феофил, епископ Тамбовский и Шацкий, <...> благословили мы епархии нашей Моршанской округи села Кулеватова помещику, господину полковнику и кавалеру Давыдову, по поданному к нам от него прошению вместо состоящей в оном селе деревянной Николаевской церкви по опробованным нами и при сей грамоте выданным плану и фасаду построить вновь каменным зданием церковь на том же церковном погосте <...> и по построении оную церковь и приделы убраться иконостасами и святыми иконами, между которыми сборных и разномерных, также и неискусно писанных, каковых именным высочайшим указом, состоявшимся 1759 года февраля 7 дня, писать запрещено, отнюдь не было бы, по подобию прочих греко-российских церквей благочинно и благопристойно, также и алтарными священноцерковными служительскими облачениями непременно шелковыми, и книгами всего церковного круга новоисправными, в числе коих были бы Новый Завет, букварь православного исповедания и духовный регламент с подписанием по

Парадная комната (бильярдная) усадебного дома

*Церковь Спаса
Нерукотворного.
Интерьер
и общий вид*

листам на имя той же церкви, снабдить без недостатка, а престолы построить по указанной мере, а именно в высоту не менее аршина шести вершков, в длину аршин восьми вершков, в ширину аршин четырех вершков; что же касается до прочности внутренней, то наблюдать, чтобы укрепления потребных не жалеть и стараться более о прочности строения, нежели о внешности красоты, над чем благочинному иметь прилежное смотрение, а при заложении сей новой церкви должное молитвословие исправить ему же благочинному с священноцерковнослужителями кулеватовскими. По совершенном же той церкви с приделами строением окончании и всего должного к освящению приуготовлении благочинному оные освидетельства описать обстоятельно и опись представить в консисторию, и когда по оной та церковь и приделы в сообразность вышеописанного предписания устроенными и способными окажутся, тогда и о освящении оных дано быть имеет от нас особое благословение. В свидетельстве же такого дозволения нашего ему, господину полковнику Давыдову, дана от нас сия благословенная храмоздательная грамота, рукою нашею подписанная и печатно запечатанная в благословенном граде Тамбове, в крестовой нашей Архиерейской палате 1806 года января в 20 день»²⁹. Грамота бережно хранилась в деревянной раме за стеклом; на оборотной стороне рамы имелась надпись: «Настоящий храм сей освящен во имя Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа Нерукотворенного

Образа Его 1832 года месяца мая 30 дня на Сошествие Святого Духа. Освящен второй придел во имя Святителя и Чудотворца Николая того же года месяца мая 31 дня. Первый придел освящен во имя Благовещения Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и приснодевы Марии 1826 года месяца октября на 24 день при моем пребывании и прилежном и усердном и многотрудном тщании. Дворовый человек сделал сие — столяр Леонтий Иванов Платов — 1833 года месяца сентября»³⁰.

За все время своего существования церковь ни разу не перестраивалась и не реконструировалась, сохраняя изначальный вид, только иконостасы и внутренние росписи периодически поновлялись. На звоннице «колоколов было два: большой — в него били только по праздникам, и поменьше — для повседневного благовеста. Веревка от

Водосвятный молебен у мельничной плотины на праздник Происхождения (изнесения) честных древ Животворящего Креста Господня

языка спускалась до земли, и, чтобы звонить в него, подниматься на колокольню не требовалось. <...> Кулеватовские колокола отличались особым, “благородным тембром” <...> и слышны были намного дальше других. Говорили, что при отливке в расплав добавлялось серебро»³¹.

В конце 1880-х годов храм обветшал и требовал ремонта. Василий Васильевич (второй), будучи тогда церковным старостой, «с величайшей аккуратностью ходил по праздникам на церковные службы, сам продавал свечи, сам обходил с тарелочкой прихожан, собирая на церковь; в престольный праздник Николы, на Рождество и на Пасху сопровождал причт, ходивший с молебнами по крестьянским дворам, и получал в церковную кружку традиционный пятак или гривенник. Все это тщательно записывалось в книги, учитывалось, и через два года собралась сумма, на которую произвели необходимый ремонт»³².

При церкви существовали церковноприходское попечительство и замечательный хор³³. Причт состоял из священника, диакона и псаломщика³⁴. Священник охотно общался с обитателями усадьбы, о чем один из Давыдовых оставил следующую запись: «Из <...> сада, примыкающего

к церкви, показался наш батюшка в широкополой низкой шляпе с посохом и медленно идет к нам побеседовать и захватить газет и книг»³⁵.

Тогдашнее Кулеватово — село, «растянувшееся на версту с лишком по широкой улице в два порядка, с крепкими бревенчатыми избами, крытыми соломой, с просторными задворками и гумнами, на которых стоят многочисленные кладушки хлеба, с огородами и конопляниками; за селом весело выглядят поля ржи, овса и проса с узкими полосами гречихи и льна»³⁶. Местные крестьяне жили вполне благополучно. После реформы 1861 года они получили земельные наделы и участки у села под застройку. Многие из дворян построили себе избы, по примеру господ развели небольшие сады, окна украсили занавесками и цветами. А благодаря тому что «старики дворовые все и из молодых многие остались у нас на усадьбе, причем первоначально штат служащих не был сокращен, внешняя картина помещичьей усадебной жизни даже не изменилась: <...> тот же свой садовник, перейдя лишь на более крупное жалованье, заведовал оранжереями и цветниками, таская по-прежнему за вихры садовых мальчиков, <...> те же

ЗАПИСКИ КРАЕВЕДА

*Село Кулеватово
и его окрестности*

*Мельница
и просорушка*

Дорога на усадьбу

*Итальянская
беседка в саду
над рекой Челновой*

кучера с конюхами, <...> вся домашняя прислуга осталась та же»³⁷. В селе действовали две школы — земская и церковноприходская, размещавшаяся в новом каменном здании. В селе насчитывалось 250 дворов и 1747 жителей. Основное занятие — земледелие, отхожий промысел — работа на Донецких каменноугольных копях³⁸.

Осенью 1917 года крестьянский сход постановил передать усадьбное имущество сельскому обществу. В описи фигурировали двухэтажный дом, каменная людская изба, дом для служащих, конюшня, кузница, каретник, баня, мельница, просорушка (всего 33 постройки различного назначения), 893 десятины земельных угодий, 32 лошади, 135 голов домашних животных, 21 предмет сельскохозяйственного инвентаря. Все это принял на хранение Иван Иванович Куличихин — бывший управляющий³⁹. Перед революцией имение являлось общей собственностью четырех братьев Давыдовых — Василия, Юрия, Александра и Ильи; им выделили для ведения хозяйства соответственно 4 лошади, 4 коровы, несколько голов мелкого домашнего скота и некоторое количество полевого инвентаря. Однако остался на жительство в Кулеватове только Александр Васильевич с семьей. Его «односельчане» свидетельствовали, что он «ведет трудовое хозяйство, выполняет все повинности наравне с прочими гражданами. Ни в каких контрреволюционных выступлениях не замечался, напротив, вел себя вполне лояльным гражданином и пользуется, как и ранее, вполне благожелательным отношением со стороны местного населения»⁴⁰. Весной следующего года, когда настало время, Александр Васильевич вышел пахать свой надел. «Пахарь он оказался неважный. Пахал пароконным плугом, и то у него сбруя путалась, то огрехи получались, а тут еще много любопытных набежало смотреть, как бывший барин землю пашет. <...> С горем пополам четвертую часть ярового клина он все-таки вспахал, а когда утром явился на свое поле, оно оказалось вспаханным и проборонанным. Это мужики кулеватовские ночью вспахали и, главное, сумели сохранить в тайне, кто пахал»⁴¹.

Осенью после окончания сельскохозяйственных работ «неугомонные Давыдовы <...> начали свой традиционный сезон любительских спектаклей. Они все — и женщины, и мужчины — были страстно ув-

лечены театром»⁴². Впоследствии к ним присоединилась сельская молодежь. К постановкам спектаклей, в основном по пьесам А.Н. Островского, готовились тщательно. Театральные вечера имели успех у местных и окрестных жителей. «Первые спектакли были бесплатные, но потом по настоянию актеров за вход была назначена какая-то минимальная плата; деньги шли на приобретение грима и париков; на оставшиеся покупались продукты, и после спектакля — в то время как в зале шла пляска под музыку любителя-гармониста — в задних комнатах для труппы подавался сваренный у нас на кухне ужин; бывало очень весело и оживленно, хотя самогон и не допускался»⁴³.

Дважды — в 1918 и 1920 годах — Александра Васильевича арестовывали, но вскоре освобождали по ходатайству сельчан.

Весной 1925 года Давыдовы купили небольшой домик в полуверсте от усадьбы, на Кулеватовских выселках, и переехали туда. «При переезде, к великому удовольствию младших девочек, мы исполнили старый обычай: взяли из печи в большом доме кусок угля от последней топки, перенесли его и положили в печку; <...> предполагалось, что с этим углем переселится и покровительствовавший нам домовый»⁴⁴. Усадьбный дом остался бесхозным и в следующем году «в ночь на 24 июня сгорел. <...> Вероятно, пожар произошел от неосторожности: после нашего выезда оттуда дом стоял пустой, и вот некоторые бабы нашли, что это очень удобное место для варки самогона, и, по-видимому, уходя после этой операции, оставили там огонь; дело было ночью, пожара никто сначала не заметил, а потом было уже поздно, да в Кулеватове в то время и исправной пожарной машины-то не было»⁴⁵.

29 июня 1925 года губернское земельное управление начало «дело по выселению бывшего дворянина гражданина Давыдова Александра Васильевича». Было констатировано: «Размер и способ приобретения земучастка в дореволюционное время — имение 500 десятин, получено как родовое; отношение к окрестному населению — удовлетворительное; размер использования в настоящее время — участок 15,3 десятины, наравне с гражданами; отношение к производимым советской властью мероприятиям — удовлетворительное, ничем себя не проявлял; заслуги

ЗАПИСКИ КРАЕВЕДА

Кулеватово. На месте бывшей усадьбы. Фотографии Л.Е. Городновой. 2015 год

*Памятный крест на месте усадебной церкви
Спаса Нерукотворного*

Река Челновья в окрестностях усадьбы

перед советской властью и революцией — не имеет. Заключение комиссии — выселить»⁴⁶. Однако общее собрание жителей села (протокол от 1 марта) заявило, что считает А.В. Давыдова «полезным и честным членом, <...> не видит оснований к выселению Александра Васильевича Давыдова из Кулеватова и вполне согласно на оставление его на жительство в пределах названного селения на отведенной ему общественной земле»⁴⁷. Тем не менее 4 марта пришла телеграмма: «Моршанское УЗУ предлагает вам по получении сего в 2-недельный срок выселиться из занимаемого вами земельного участка, сдав постройки и имеющиеся предприятия по акту волисполкому. Основание: распоряжение ГЗУ»⁴⁸. 28 марта Александр Васильевич направляет в Президиум ВЦИК жалобу: «Положение свое я считал вполне законным Циркуляром ВЦИК и СНК от 16.11.1922 года, согласно коему бывшие помещики, оставшиеся на местах с разрешения местных властей и пользующиеся трудовым наделом, рассматриваются как граждане и пользуются правами, предоставленными трудовым гражданам. <...> Согласно одобренным СНК положениям декрета о выселении бывших помещиков от <...> 03.1925 года бывшие помещики из дворян хотя и подлежат выселению, но все же имеют право на сбор урожая 1925 года и на постепенную ликвидацию своих трудовых хозяйств до 1 января 1926 года, <...> если это невозможно, то прошу об отсрочке моего выселения до 01.11.1925 года, до конца сбора урожая»⁴⁹. 3 апреля 1926 года из Тамбовского губернского земельного управления за № 22363 последовало извещение: «Объявить Давыдову А.В., что жалоба его <...> оставлена без последствий»⁵⁰.

В начале 1927 года Александр Васильевич, оставив семью в Кулеватове, от-

правляется в Тамбов, где ему нашлась работа. С началом коллективизации Давыдовым предложили добровольно сдать дом и покинуть село. 30 января 1930 года А.В. Давыдов был арестован и осужден за «контрреволюционную пропаганду» с отбыванием трехлетнего срока в Котласском лагере. Екатерина Сергеевна с детьми переехала в подмосковное Хлебниково, куда после освобождения (1934) приехал и отец семейства. Вскоре В.Д. Бонч-Бруевич пригласил его на службу в Государственный литературный музей. С 1938 года Давыдовы проживали в городе Дмитрове. В 1942-м Александр Васильевич и Екатерина Сергеевна переезжают в Орск, где в эвакуации находилась их дочь Елена Александровна с мужем Владимиром Николаевичем Марьяновым — оба горные инженеры. В 1944-м Давыдовы вернулись в Москву, и Александр Васильевич продолжил работу в ГЛМ. В том же году в связи со 130-летием со дня рождения М.Ю. Лермонтова хлопотами В.Д. Бонч-Бруевича А.В. Давыдову назначили персональную пенсию как ближайшему остающемуся в живых родственнику поэта⁵¹. С 1946 года Александр Васильевич и Екатерина Сергеевна жили в подмосковных Люберцах в семье старшей дочери.

В последний раз А.В. Давыдов посетил Кулеватово осенью 1952 года. Тогда усадьба уже не существовала: сгоревший дом разобрали на кирпич, от усадебных построек не осталось и следа, фруктовый сад вымерз в морозы 1940–1941 годов, парковые каштаны, дубы и липы вырубил на дрова. «Уже глубоким стариком <...> я съездил проститься с этим дорогим мне местом, где мы с женой прожили самые интересные, самые страшные, но и самые счастливые годы нашей жизни...»⁵²

Несмотря на то, что в настоящее время от усадьбы остались лишь руины некоторых хозяйственных построек и липовые парковые посадки, в 1990-х годах потомки Александра Васильевича Давыдова⁵³ стали приезжать в Кулеватово и проводить там летний сезон. В 2008 году их усилиями на месте церкви был поставлен памятный крест; ежегодно в течение последних 15 лет в селе проводятся историко-краеведческие Давыдовские чтения.

*Фотографии (кроме оговоренных)
1888–1889 годов из семейного архива
потомков Давыдовых*

¹*Пискарев П.И.* Писцовая книга старых сел Верхоценской волости Тамбовского уезда. Тамбов, 1888. С. 13.

²Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Вып. 30. Тамбов, 1890. С. 90–92.

³Тамбовский (Татарский) вал — земляной вал, входивший в линию укреплений, построенных в XVII в. для защиты Российского государства от набегов кочевых племен на территории современных Тамбовской, Липецкой, Воронежской и Белгородской областей.

⁴*Бенкендорф К.А.* Половина жизни. Воспоминания русского дворянина (перевод с англ. Н.В. Александрова). М., 2014. С. 212.

⁵ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 1907. Л. 6, 17, 22, 123–124.

⁶Через Кулеватово проходила большая дорога из Тамбова в Моршанск.

⁷*Давыдов Н.В.* Из прошлого. Ч. 2. М., 1917. С. 21.

⁸ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 1907. Л. 16.

⁹*Давыдов Н.В.* Указ. соч. С. 20.

¹⁰Фрейлинский шифр с монограммой «М» на портрете Софьи Андреевны указывает на то, что она была фрейлиной Великой княжны Марии Николаевны (1819–1876) — дочери императора Николая I.

¹¹Давыдов Николай Васильевич (1848–1920) — юрист и общественный деятель, тайный советник, первый председатель Московского толстовского общества. Детство и юность прошли в Кулеватове. После Тамбовской гимназии окончил юридический факультет Московского университета. Служил судебным следователем, товарищем прокурора в Полоцке, с 1878 г. — прокурор Тульского окружного суда, с 1896 г. — председатель Московского окружного суда. С 1908-го — в отставке. В 1917–1919 гг. — профессор кафедры уголовного права и уголовного судопроизводства юридического факультета Московского университета.

¹²ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 1907. Л. 17–22, 27, 42–42 об.

¹³Там же. Л. 63–63 об.

¹⁴Там же. Л. 178 об.—180 об.

¹⁵Там же. Л. 163.

¹⁶*Давыдов А.В.* Надписи к кулеватовским фотографиям // Земство. 1994. №4. С. 109.

¹⁷ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 1907. Л. 164.

¹⁸*Давыдов Н.В.* Из прошлого. Ч. 1. М., 1913. С. 211, 331.

¹⁹*Бенкендорф К.А.* Указ. соч. С. 215.

²⁰*Давыдов Н.В.* Из прошлого. Ч. 1. С. 331–335.

²¹Там же. С. 220–221, 225.

²²Сад был посажен Софьей Андреевной Давыдовой и назван в память умершей малолетней дочери Софьиным.

²³Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Т. 15. Частное землевладение Моршанского уезда. Тамбов, 1890. С. 136–141.

²⁴*Давыдов С.А.* Записки старого взрывника. Детство в имении. «Недорезанные» и их судьбы. М., 1992. С. 17.

²⁵*Давыдов Н.В.* Из прошлого. Ч. 1. С. 332.

²⁶Там же. С. 212.

²⁷Сборник статистических сведений... С. 141.

²⁸*Давыдов Н.В.* Из прошлого. Ч. 1. С. 212.

²⁹Обозрение Его Преосвященством Кириллом, епископом Тамбовским и Шацким, церквей, монастырей и школ епархии в 1911 г. Тамбов, 1912. С. 214–220.

³⁰Там же. С. 221.

³¹*Давыдов С.А.* Указ. соч. С. 17.

³²*Давыдов А.В.* Надписи... С. 107.

³³Справочная книжка по Тамбовской епархии на 1876 год. Тамбов, 1876. С. 140.

³⁴Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Издание канцелярии Тамбовской духовной консистории под редакцией секретаря А.Е. Андриевского. Тамбов, 1911. С. 269.

³⁵*Давыдов Н.В.* Из прошлого. Ч. 1. С. 331.

³⁶Там же.

³⁷Там же. С. 335.

³⁸Историко-статистическое описание Тамбовской епархии... С. 269.

³⁹ГАТО. Ф. Р-946. Оп. 1. Д. 157. Л. 11–12.

⁴⁰Там же. Д. 4238. Л. 6–8.

⁴¹*Давыдов С.А.* Указ. соч. С. 11.

⁴²*Бенкендорф К.А.* Указ. соч. С. 217.

⁴³*Давыдов А.В.* Тетрадь для записи того немногого, что осталось у меня в памяти о нашей жизни в Кулеватово после октября 1917 г. М., 2013. С. 59.

⁴⁴Там же. С. 96.

⁴⁵Там же. С. 97.

⁴⁶ГАТО. Ф. Р-946. Оп. 1. Д. 4238. Л. 1.

⁴⁷Там же. Л. 9–9 об.

⁴⁸Там же. Л. 23.

⁴⁹Там же. Л. 24–24 об.

⁵⁰Там же. Л. 28.

⁵¹Мать А.В. Давыдова приходилась троюродной сестрой М.Ю. Лермонтову.

⁵²*Давыдов А.В.* Тетрадь для записи... С. 99.

⁵³В частности внук последнего владельца усадьбы М.Д. Афанасьев — директор Государственной публичной исторической библиотеки, кандидат педагогических наук, заслуженный работник культуры РФ.

Ольга Анатольевна Адрова

Жемчужина Москвы

**О московском театре «Модернь»
в особняке Дулина**

«Жемчужина Москвы» — так называют старинный трехэтажный белокаменный особняк на Спартаковской площади в Москве (д. 9/1а), великолепный архитектурный памятник Серебряного века, и расположенный здесь первый в мире театр стиля модерн под руководством народной артистки России Светланы Враговой. Особняк — прекрасное здание с изысканными интерьерами, с парадной лестницей, полностью отреставрированной театром в 2008 году, — принадлежал до революции Хлебной бирже. Он был спроектирован архитектором Капитолием Абрамовичем Дулиным (1876–1939).

Проект, выполненный в стиле модерн и носивший игривое имя «Тата», победил в конкурсе, в жюри которого входили такие корифеи, как Ф.О. Шехтель и А.Ф. Мейснер. Автор получил солидную по тем временам премию — шесть тысяч рублей. В 1910-х годах он спроектировал здание синематографа «Орион» на Преображенской площади, а также здание городского банка и особняк Шмидта в Саратове. Казалось, молодого зодчего ждет блистательная карьера, однако по-

Парадная лестница

сле революции судьба Дулина сложилась трагично. Он не эмигрировал, продолжал трудиться консультантом по инженерным вопросам и в 1928 году был репрессирован. Последнее место работы — Управление Соловецкого лагеря. На созданном им особняке «Тата» появились памятные доски о том, что тут в 1918, 1919 и 1920 годах выступал Ленин и в 1918 году — Свердлов. Наступило иное время, когда стало не до модерна, так что заметное издали здание театра осталось единственным в своем роде среди окружающей застройки — обстоятельство, только подчеркивающее его уникальность.

С уверенностью можно сказать, что детищу фантазии Дулина повезло больше, чем самому архитектору, и судьба здания в конце концов сложилась удачно — ныне именно оно хранит память о своем создателе. В советское время здесь был Дом пионеров, но к началу перестройки он пришел в столь плачевное состояние, что, несмотря на красоту, ни один из мэтров-режиссеров не захотел взять его для своего театра. Можно подумать, особняк с женским именем «Тата» ждал именно женщину. И такая женщина нашлась.

Ею стала наша современница Светлана Врагова — ученица легендарного Юрия Завадского, которому посвящала стихи Марина Цветаева. Поистине, замкнулся круг, заключив эпоху Серебряного века в этом особняке. Враговой, когда она решила приспособить здание под театр, было, как и архитектору Дулину, всего тридцать с небольшим. Энтузиазм и энергия Светланы Александровны, мечтавшей «довоплотить» на этой сцене Серебряный век, породили знаковое для театральной жизни Москвы событие — возрождение пьесы «Екатерина Ивановна», принадлежащей перу выдающегося прозаика, драматурга, классика Серебряного века Леонида Андреева. Надо сказать, что даже Станиславский и Немирович-Данченко, высоко ценившие драматургию Андреева, опередившую свое время, не смогли сладить с постановками его пьес. Но Светлана Александровна справилась — и вот уже 20 лет «Екатерина Ивановна» (у Враговой — «Катерина...») идет с огромным успехом в театре «Модернь», где сегодня в репертуаре изысканные «взрослые» спектакли («Дядюшкин сон» с участием Зельдина, «Однажды в Париже» с Верой

*Сцена из спектакля «Катерина Ивановна».
В роли Катерины Ивановны — народная артистка России А. Яковлева*

Васильевой, «Петля» Ибрагимбекова, лауреат многих фестивалей «Счастливое событие», несомненная удача молодых актеров — «Он. Она. Они» по пьесе Полякова) соседствуют с детскими — такими, как известный всей театральной Москве «Маленький принц» или пьесы по произведениям Сергея Михалкова.

Московский драматический театр «Модернь» под руководством народной артистки России Светланы Александровны Враговой давно сделался культурной достопримечательностью Москвы. Он существует уже 28 лет, гордясь своей историей, став лауреатом многих театральных фестивалей и, как отмечают театроведы, успешно продолжая традиции русского модерна (западная пресса назвала этот уникальный стиль «ретроавангардом»). Романтика театра «Модернь» удачно дополняет романтику здания, и оно живет полной жизнью, принимая каждый день новых зрителей и открывая перед ними выдающиеся образцы высокого русского театрального искусства как прошлых эпох, так и дня сегодняшнего.

С.А. Врагова, художественный руководитель театра «Модернь», при восстановлении особняка Дулина. Из архива театра

ПОДПИСКА-2016

Уважаемые читатели!

Оформить подписку на наш журнал можно:

- В любом почтовом отделении.

Индекс в каталогах: «Роспечать» — 73371,
«Почта России» — 99716, «Пресса России» — 42158.
Подписку также можно оформить через агентство
«МК периодика»: (495) 681-91-37,
(495) 684-50-08 (для зарубежных подписчиков).

Подписной купон на обороте.

- На сайте www.vm.ru

- В редакции по адресу: 127015, Москва, Бумажный пр-д, д. 14, стр. 2.
Телефон для справок: (499) 557-04-07.

Стоимость подписки с доставкой по почте — 900 рублей.

- В книжном магазине ТД «Библио-Глобус»
ежедневно с 10.00 до 19.00
по адресу: Москва, ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 1, зал 8, оф. 30.

Электронная версия журнала — на www.pressa.ru

Никто и ничто да не будет забыто!

По страницам «Московского журнала»:
посвященные Великой Отечественной войне
публикации разных лет

От редакции

75 лет назад началась Великая Отечественная война. Недавно страна отметила 71-ю годовщину Победы. Вновь был праздник — «со слезами на глазах, с сединою на висках». Все меньше среди нас тех, к кому относятся слова про седину. Все многочисленнее колонны «Бессмертного полка». Все изощреннее попытки недовольных исходом той войны взять реванш, переписав историю так, чтобы подвиг наших дедов и отцов обесмыслить, очернить, на худой конец, замолчать. Тем важнее для нас помнить и неустанно свидетельствовать об истине!

На протяжении многих лет из года в год «Московский журнал» вносил посильную лепту в дело сбережения священной животворящей памяти о Великой Отечественной войне. Мы собирали архивно-документальные, мемуарные, эпистолярные, художественные свидетельства участников сражений и труженников тыла. Перечень таких материалов, опубликованных нами, включает сотни названий. Со временем, озирая это богатство, мы поняли, что просто не имеем права держать его под спудом: оно должно не пылиться в журнальных подшивках, а опять «заговорить», ибо отнюдь не утратило актуальности — наоборот, учитывая сказанное выше о фальсификаторах

истории, приобретает новое звучание, новый смысл. Так родилась идея военной ретроспективы. Конечно, воспроизвести весь архив материалов в одном номере журнала невозможно. Пришлось делать подборки публикаций разных лет, посвященных Великой Отечественной войне и подвигу в ней нашего народа.

Очередную такую подборку мы предлагаем вниманию читателей. Сюда наряду со статьями и очерками на данную тему, конечно же, включены воспоминания ветеранов. Из других материалов отметим, во-первых, исполненное высочайшего гуманизма напутственное послание сестры и ассистентки К.С. Станиславского Зинаиды Сергеевны Соколовой (1865–1950), адресованное отправляющимся «на смертный бой» ее студийцам. Были художники-фронтовики, сумевшие запечатлеть будни и сражения войны в своих зарисовках: ниже представлены «окопные» работы Виктора Александровича Титова (1922–2003) и Андрея Владимировича Николаева (1922–2013). Кто-то даже сочинял на передовой стихи — как например, артиллерист и разведчик, впоследствии видный латинист, крупнейший ученый в области медицинской терминологии Максим Наумович Чернявский (1925–2016).

Повторим однажды уже сказанное нами по аналогичному поводу: «За каждым даже мимолетным упоминанием, за каждым символом Великой Отечественной войны встает она целиком — во всей своей грандиозности, трагичности и духовной высоте. И потому любые свидетельства о ней, особенно личностного характера, бесценны»...

Никто и ничто да не будет забыто!

А.П. Горский. *Без вести пропавший*. 1962 год

Н.М. Поникарова

МОСКВА. ИСПЫТАНИЕ ВОЙНОЙ (лето 1941 — весна 1942 года)

С известием о начале Великой Отечественной войны в Москве было объявлено «угрожаемое» положение. Город подчинился законам военного времени: уличное освещение отключали, резко снизился накал электрических лампочек, окна домов и витрины магазинов затянули плотной тканью и бумагой, на автомобильные фары поставили специальные сетки-заслонки. С 27 июня в городе был введен комендантский час.

...24 июня вой электросирен и голос диктора подняли горожан в три часа ночи. Люди растерянно толпились в арках, лишь немногие побежали в бомбоубежища. Однако первая воздушная тревога оказалась ложной. Советские истребители, возвращавшиеся с задания, были приняты за немецкие бомбардировщики. Наутро газеты назвали тревогу учебной.

Единственным документом, разрешающим въезд в город, стал паспорт с московской пропиской. Жители пригородов, работавшие в Москве, предъявляли справки с места работы, а колхозники, торгующие на московских рынках, — удостоверения, выданные правлением колхоза. В сентяб-

ре «до особого распоряжения Московского совета» в Москву запретили возвращаться прежде из нее эвакуированным. Самовольно вернувшимся не выдавали карточек, введенных с 17 июля, не восстанавливали прописку.

Купить продукты и промышленные товары по государственной цене можно было только по карточкам. Хлеба в день полагалось рабочему 800 г, инженеру — 600 г, служащему, ребенку, иждивенцу — по 400 г. Месячная норма круп и макарон была для рабочего 2 кг, для прочих по 1,5 кг; мяса и мясных продуктов соответственно — 2,2 кг, 1,2 кг, 600 г¹. Продовольственные карточки выдавались ежемесячно, промтоварные — раз в полгода. При потере восстановить их было невозможно.

Мужчин и женщин трудоспособного возраста обязали по первому требованию оказывать помощь службам и командам местной противовоздушной обороны (МПВО), возглавляемой заместителем председателя Моссовета генерал-майором С.Ф. Фроловым и начальником штаба МПВО Москвы майором С.Е. Лапириным. «Группы самозащиты от воздушного нападения» в жилых домах и учреждениях начали создавать еще перед войной, в мае

Строительство оборонительных сооружений на улицах Москвы. 1941 год

К 75-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

1941 года прошли общегородские учения по противовоздушной обороне. А 21 июля в 22 часа 10 минут начался первый воздушный налет на Москву, длившийся пять с половиной часов. На город устремились более двухсот немецких самолетов, но лишь нескольким удалось прорваться к Москве. «Налет надо считать провалившимся», — констатировала наутро московская пресса, признавая, что бомбардировки вызвали пожары в жилых зданиях, гибель и ранения москвичей.

После этого бомбы падали на Москву почти каждую ночь. При объявлении воздушной тревоги одни спешили в бомбоубежища, другие поднимались на крыши домов обезвреживать сыпавшиеся на город «зажигалки». «Когда фашисты по ночам над улицами кружатся, нужны три вещи москвичам: вода, песок и мужество!» — лозунг тех дней. Не раз бомбежка начиналась без объявления тревоги. 23 июля около пяти часов вечера фугасная бомба упала вблизи станции метро «Арбатская», возникла паника, люди бросились в метро, в давке погибло несколько человек².

К утру почти все последствия ночных налетов бывали уже ликвидированы — воронки от бомб засыпаны, поврежденные пути и магистрали восстановлены. Начальник штаба МПВО С.Е. Лапиров вспоминал, как в ночь с 11 на 12 августа у Никитских ворот вблизи памятника Тимирязеву упала тонная бомба. «Были повреждены трамвайные пути, сорвана контактная сеть, сброшен со своего постаменты памятник, а утром около Никитских ворот уже ходили трамваи, а часов в 5 дня памятник уже стоял на своем месте»³. В аварийно-восстановительных работах принимали участие почти все горожане, рабочий день стал 11-часовым, но фактически работали больше⁴.

Информация — скупая, косвенная — о разрушениях проникала на страницы газет с трудом. О попадании бомбы в здание Театра имени Вахтангова газеты сообщили лишь когда уже всюю шли восстановительные работы. «Рваная зияющая рана Театра им. Вахтангова быстро затягивается свежей кирпичной кладкой. Вчера она достигла уровня третьего этажа. И театр, играющий сейчас в филиале Художественного, уже готовится к возвращению домой»⁵.

Выставка боевых трофеев была сначала на Театральной (Свердлова) площади (первым привезли «Юнкерс» — «Ю-88»),

В вестибюле станции метро «Маяковская» во время воздушной тревоги. 1941 год

потом переместилась в Центральный парк культуры и отдыха имени Горького. К самолетам, сбитым нашими истребителями, добавились обломки немецкого бомбардировщика, в августе налетевшего на трос аэростата и рухнувшего в Москву-реку, обезвреженные фугасные бомбы весом от 80 до 1000 кг, зажигательные бомбы, собранные на крышах домов. Осенью для выставки по проекту архитектора А.В. Шусева построили крытый павильон.

Ночные бомбардировки заставляли многих жителей города и ближних окрестностей искать убежища в метро. Они съезжались к станциям еще до темноты «из деревень и пригородных дач, иной раз даже и тогда, когда тревога не объявлялась»⁶. Воздушных налетов ожидали обычно к ночи, поэтому движение поездов метрополитена прекращалось с 8 часов вечера до 5 часов 30 минут утра. В половине девятого вечера двери метро открывались для детей и женщин с детьми до 12 лет. С собой можно было пронести одеяло, постельные принадлежности, детское питание. Для детей до двух лет в вагонах поездов ставились кровати. Работали буфеты, продукты продавали также с лотков вразнос, на каждой станции была вода. Остальных в метро пускали лишь после сигнала воздушной тревоги, если оставались свободные места.

К 75-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Большинство жителей прятались от бомбежек в подвальные помещения, траншеи, щели, защищавшие от осколков и взрывной волны, но, конечно, не от прямого попадания.

С каждым днем облик Москвы становился строже и суровее. Витрины магазинов заняли плакаты «Окон ТАСС» и крупноформатные листы изогазеты московских художников «В бой за Родину!». В кинотеатрах показывали фильмы «Как уберечь себя от действия отравляющих веществ», «Воздушная тревога», «Как бороться с зажигательными бомбами» и тому подобные. На главных магистралях Москвы установили огромные деревянные щиты-плакаты героико-патриотического содержания (на одном из них, например, была изображена женщина-мать, провожающая сына на фронт со словами: «Будь героем!»)⁷.

Газеты настойчиво подчеркивали, что жизнь столицы идет своим чередом: не прерваны работы по реконструкции центра, начавшиеся до войны, благоустраивается главная улица Москвы — улица Горького. В сентябре—октябре сообщалось о передвижке четырехэтажного здания весом в 16 тысяч тонн с улицы Горького в глубь Брюсовского переулка на расстояние 49,3 м с одновременной заменой в нем голландских печей на центральное отопление⁸. В августе—сентябре газеты запестрели объявлениями об очередном приеме студентов в вузы. Первые месяцы войны работали театры и кинотеатры. Объявлялись премьеры фильмов и спектаклей. Москвичи впервые увидели кинофильмы «Свинопас», «Небо и ад», «Маскарад». В августе газеты известили о начале еженедельных трансляций Московским радио концертных программ для фронта из Большого театра. Первая передача началась прологом из оперы М.И. Глинки «Иван Сусанин». В концерте звучали отрывки из опер «Князь Игорь», «Руслан и Людмила», «Садко», «Чародейка», «Пиковая дама», «Евгений Онегин»⁹.

В сентябре Гитлер отдал приказ о подготовке наступления на Москву. 3—5 октября оборона столицы была прорвана, к исходу 7 октября, как вспоминает маршал Г.К. Жуков, «все пути на Москву, по существу, были открыты»¹⁰.

По свидетельству начальника НКГБ Ленинградского района Москвы С.А. Скворцова, руководство города знало о прорыве

обороны уже через 20—30 минут после случившегося и сразу начало усиленную подготовку одних предприятий к эвакуации, других — к уничтожению¹¹. Взорвать было намечено более 1000 предприятий, 12 мостов, городские и подмосковные электростанции, вокзалы, автобазы, здания Центрального телеграфа, Гознака, ТАСС, Большой театр, Дом союзов¹². Главный инженер комбината «Трехгорка» Н.Н. Павлов описывает тренировку специальной взрывной команды, какие были созданы на каждом предприятии: «Мы ничего, конечно, не взрывали, а поджигали шнур и за время его сгорания должны были пробежать определенную дистанцию. <...> По сигналу каждый исполнитель завязывал определенное количество узлов. Ему полагалось для проведения этой операции по 5 секунд на 4 точки <...> и выйти из цеха через 20 секунд, иначе погибнет. <...> Этой тренировкой я достиг такого положения, что на 5 этаже люди успевали сделать свое дело и выскочить в окно»¹³.

Москвичи в массе своей не представляли реальной опасности, нависшей над Москвой, хотя бомбежки участились. Одна бомба попала даже в Большой театр. Торопились уехать лишь наиболее осведомленные, но таких было немного. До 8 октября сводки Совинформбюро

*Аэростаты на улицах Москвы.
1941 год*

начинались одинаково: «В течение дня наши войска вели упорные бои с противником на всем фронте». О поражениях умалчивалось, сообщали только об успехах отдельных подразделений, о подвигах советских солдат и зверствах противника. Лишь 9 октября узнали о взятии Орла, а потом до 16 октября все утренние и вечерние сводки Совинформбюро повторялись почти слово в слово. 12 октября: «После упорных многодневных боев наши войска оставили Брянск...» 14 октября: «После ожесточенных боев наши войска оставили Мариуполь...»

Черным для москвичей стал день 16 октября 1941 года. Газеты оповестили, что «в течение ночи с 14 на 15 октября положение на Западном направлении фронта ухудшилось, <...> В опасности Родина, Москва!»¹⁴. На предприятиях и в учреждениях начались массовые увольнения, сжигалась вся документация. Закрывались продовольственные магазины, столовые. Некоторые директора магазинов спешно грузили продукты на машины и покидали город, захватив с собой и денежную выручку. Появились люди, пытавшиеся нажиться на оставленном без присмотра имуществе, грабившие опустевшие квартиры. «Началось мародер-

ство, <...> бери и спасайся, как можешь, все равно достанется немцу», — вспоминал один из очевидцев¹⁵.

В городе возникла паника. Прекратил работу городской транспорт. Руководство метрополитена получило приказ начать срочный демонтаж и эвакуацию основного оборудования¹⁶. «Метро сутки не работало, — записала в своем дневнике спустя несколько дней врач скорой помощи А.Г. Дрейзер, — то ли ремонт, то ли срочная перевозка, а толков и слухов масса. На базарах и на улицах продают краденые конфеты и шоколад. Говорят, будто мясокомбинат разгромили. По улицам проходят гурты скота. По Садовой угоняют куда-то несметное количество свиней. Темные личности бродят около и тянут в подворотни свиней чуть ли не на глазах у пастухов»¹⁷.

Заместитель начальника метрополитена по сооружению А.К. Шмидт рассказывал в 1944 году, что один из начальников службы 26 октября, поддавшись панике, приказал снять моторы, откачивающие воду из метро. Это грозило затоплением. По чистой случайности дрезины, которые должны были отвезти рабочих для демонтажа, не смогли пройти из-за стоявших в тоннелях составов с детьми¹⁸.

*Изготовление снарядов на одном из оборонных заводов.
1941 год*

«В этот день, — вспоминал И.И. Сурнакин, главный инженер ГПЗ № 1, — мы почувствовали, что за спиной стоит враг <...> Паника была вызвана еще и тем, что народ неожиданно остался ни при чем. Многие говорили: “Дали б нам оружие, мы б пошли воевать, а то получили расчет — и уходи”»¹⁹. «Говорили: давайте оружие, мы пойдем на фронт. <...> Мы ставили этот вопрос перед РК партии, — вспоминал директор Московского инструментального завода А.М. Симонов, — и нам сообщили, что сейчас не могут нас вооружить. Вооружили только небольшую часть комсостава и небольшую группу людей для защиты завода»²⁰.

Панику удалось остановить. В тот же день Моссовет принял постановление, в котором происходящее в городе было названо «грубым нарушением государственной дисциплины». На следующий день сообщили все городские газеты: 1. Всем торговым предприятиям, ресторанам и столовым нормально, по установленному порядку обслуживать население Москвы. 2. Троллейбусу и трамваю бесперебойно производить работу с 5 часов утра до 10 часов вечера. 3. Коммунальным предприятиям и лечебным учреждениям начинать и кончать работу в установленные ранее Московским

советом часы²¹. В 18 часов 05 минут последовал приказ начальника метрополитена открыть нормальное движение поездов, и через 40 минут оно уже возобновилось на Кировско-Фрунзенской линии. Демонтаж оборудования был приостановлен. А на следующий день поезда ходили как обычно²².

В пять часов вечера 17 октября по радио к москвичам обратился председатель исполкома Моссовета В.П. Пронин, призвавший немедленно приступить к работе и ликвидировать панику, не верить ложным слухам²³. А 18 октября было принято решение об открытии в Москве в ближайшие два дня двухсот магазинов и павильонов по продаже хлеба и продовольственных товаров. В газетах печатали сообщения о привлечении к уголовной ответственности руководителей предприятий, проявивших малодушие и самовольно оставивших вверенные им посты, расхищавших государственное имущество, проводивших «контрреволюционную агитацию», и о том, что многие из них приговорены к расстрелу.

19 октября решением ГКО в Москве и прилегающих к ней районах было введено осадное положение. С 21 октября на улицах и площадях Москвы началось сооружение баррикад и огневых

К 75-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

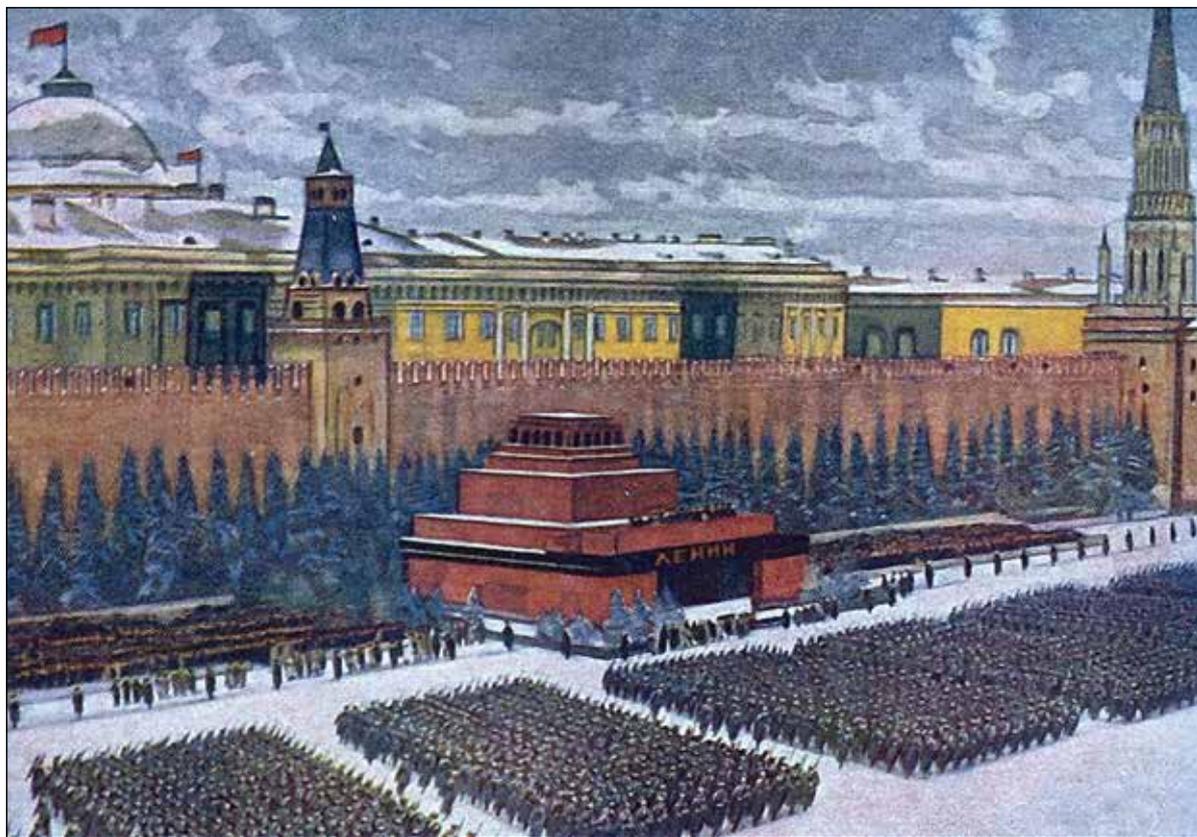
точек. Возобновляли работу московские предприятия. «В городе стало спокойно, — записала 24 октября в дневнике А.Г. Дрейзер. — Холодно. Печушки, жаровни, электрические приборы — все в ходу. Из пострадавших домов многие временно переезжают в квартиры эвакуированных. Население привыкает к бомбежкам и реву артиллерии <...> Большие дома окрашиваются в разные цвета для лучшей маскировки»²⁴.

«Налеты немца с каждым днем ожесточеннее и длительнее, — пишет в дневнике 29 октября врач Е.И. Сахарова. — Вчера был разрушен Большой театр. Бомба упала на улице Горького около телеграфа, в очереди у диетического магазина было много пострадавших и убитых, и все это до воздушной тревоги <...> Москва имеет необычный вид и настроение: на мостах баррикады, в переулках тоже — Москва готовится к великому бою. Люди ходят с вещами, с заплечными мешками, как будто куда-то уезжают или переезжают»²⁵.

Дух москвичей подняла трансляция 6 ноября речи И.В. Сталина на торжественном заседании, посвященном XXIV годовщине Октябрьской революции. «Толь-

ко что, сейчас прослушала речь Сталина по радио. Прекрасная речь. <...> “Москву не сдадим!”»²⁶

7 ноября, несмотря на метель с порывами ледяного ветра, на Красной площади в Москве состоялся ежегодный парад войск. Вот описание парада из газеты «Московский большевик» от 9 ноября: «Открывая торжественное шествие, мимо мавзолея в четком и ровном строю проходят курсанты Артиллерийского училища. <...> Шумными аплодисментами встречаются батальоны моряков. <...> Идут войска НКВД, батальоны пехоты, стрелковые подразделения. <...> Заклучая торжественное шествие, мимо мавзолея проходят отряды вооруженных рабочих города Москвы. <...> На площадь вступает кавалерия. <...> За эскадронами с грохотом несутся пулеметные тачанки. <...> Степенно и строго <...> проходит моторизованная пехота. Неслышно катят автомобили с зенитными установками — одним из самых популярных в Москве родов артиллерийских войск. Зенитчики — любимцы москвичей. <...> Завершая марш советской военной техники, площадь заняли танки,

*К.Ф. Юон. Парад на Красной площади 7 ноября 1941 года.
Холст, масло. 1942 год*

К 75-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

их было 200! Сначала по заснеженному асфальту прошли маленькие подвижные танкетки. <...> За ними шли легкие танки, средние, тяжелые. <...> Для участия в воздушном параде на подмосковных аэродромах было подготовлено 300 самолетов. Однако в силу крайне неблагоприятных метеорологических условий старт грозной воздушной авиации пришлось отложить. Проходом танков парад был закончен». 6, 7, 8 ноября состоялись праздничные концерты в Малом театре, театрах Сатиры, Ленсовета, в Консерватории, в Зале имени Чайковского.

В ноябре налеты немецких бомбардировщиков участились, сигнал воздушной тревоги звучал по нескольку раз в день. Занятия в школах, фактически давно прерванные, приказом ГорОНО были прекращены официально. «С каждым днем становится беспокойнее. Привыкнуть к звукам сирены невозможно. Психика людей как-то странно меняется. Самые близкие сообщают о смерти своих родственников равнодушно, констатируя факт, а реакция настоящая приходит потом. <...> Ночи темные, если бы не электрические фонари, которые мы добыли

всеми правдами и неправдами, не раз поломали бы себе руки и ноги. <...> Ни на минуту не сомневаюсь, что победа будет наша, но что будет здесь, в Москве? Люди, приезжающие с фронта, говорят, что здесь находится страшнее, чем на фронте, так как здесь все неожиданно, и не знаешь, где будет сброшена бомба. <...> Фронт приближается к нам. На улицах Москвы строятся баррикады с ежами из рельс. <...> Очень и очень не хочется допустить мысли, что будут здесь уличные бои. Но зверь фашистский силен и надо быть готовым к этому»²⁷.

И вот наконец пришла долгожданная весть о контрнаступлении советских войск под Москвой. 14 декабря началось разминирование предприятий²⁸, разборка части баррикад, мешающих уличному движению.

В 20-х числах декабря в городе была организована предпраздничная новогодняя торговля елками. Их продавали по цене от 3 до 15 рублей. Появились новые елочные украшения — блестящие бусы, флажки, куклы, силуэты зверей из золоченого картона, миниатюрные электрические лампочки. Для оставшихся

А.А. Дейнека. Окраина Москвы. Ноябрь 1941 года

в городе детей проводились елочные представления.

8 февраля А.Г. Дрейзер записала в дневнике: «Масса возвращающихся из эвакуации. Затруднена прописка, но это нико-го не удерживает»²⁹. Вернувшиеся нашли квартиры занятыми или разграбленными. Виновных в расхищении домашнего имущества эвакуированных граждан военная прокуратура Москвы привлекала к судебной ответственности. Они приговаривались либо к тюремному заключению с конфискацией имущества, либо к расстрелу³⁰.

Жизнь в городе дорожала. Цены на продукты росли. В феврале на базарах кружка молока стоила уже 15–20 рублей, а картофель — 20–35 рублей за килограмм, мука — 40 рублей, морковь — 25 рублей. Мяса почти не было, а если появлялось, то по 160–180 рублей за килограмм (зарплата врача составляла примерно 600 рублей). Выдача продуктов по карточкам часто задерживалась³¹.

Но жизнь продолжалась. Возобновились занятия в вузах. В январе при школах появились консультационные пункты для учащихся 7–10 классов³². Вновь открылись двери театров и кинотеатров. «Сегодня решили пойти в театр на балет “Тщетная предосторожность”, — записала 4 января Е.И. Сахарова. — Большой театр еще не реставрирован после попавшей в него бомбы, но артисты играют в филиале его <...> В театре было много английских летчиков»³³. 18 февраля на экраны столицы вышел документальный фильм «Разгром немецких войск под Москвой». Он шел в 16 лучших кинотеатрах и двух клубах — в Доме культуры железнодорожников и во Дворце культуры имени Сталина.

Этот фильм запомнился не только пронзительными кадрами, но и «Песней защитников Москвы» на слова поэта А. Суркова:

*В атаку стальными рядами
Мы поступью твердой идем,
Родная столица за нами,
Рубеж нам назначен вождем.
Не смять богатырскую силу,
Могуч наш запас огневой.
Мы выроем немцам могилу
В туманных полях под Москвой»³⁴.*

С 1942 года воздушные тревоги становятся все реже. Линия фронта отодвига-

лась от Москвы. Однако весна принесла новые проблемы: в области были отмечены случаи заболевания сыпным тифом³⁵. «В Моссовете в Комиссии здравоохранения был сегодня разговор о работе клиник. Предложено восстановить работу, как в довоенное время, но <...> врачей не хватает, и то из них остались старый да малый. <...> Начались прививки, но нас не снабжают ни спиртом, ни шприцами, ни иглами, не говоря уже о мыле, а план прививок увеличен ровно вдвое <...> нужно сделать 12 000, да еще неорганизованному населению. <...> Появляется много больных с голодным авитаминозом во всех степенях, а про вшивых и говорить нечего. Ни одна баня, ни один пропускник не работают в нашем районе. <...> Заболевания сыпным тифом есть пока неочаговые, но ничего не будет удивительного, если появятся и очаги. Сыпной тиф — голодный тиф»³⁶.

Март 1942 года выдался морозным и снежным. В середине месяца температура падала до -18 градусов, но постепенно весна брала свое. Чтобы привести город в порядок, Моссовет в апреле принял решение «О режиме уборки улиц и площадей г. Москвы», невыполнение которого грозило виновным на первый раз штрафом до 200 рублей, а при повторном нарушении — уголовной ответственностью. Моссовет требовал уборку и мойку улиц заканчивать к 7 часам утра, поливать улицы ежедневно в 14 часов, подметать их три раза в день, мусор, грязь, навоз убирать немедленно³⁷.

В апреле в Москве снова стало тревожно. Наступление наших войск на Западном фронте захлебнулось. Газеты ничего не сообщали о действительном положении дел. В городе вновь начали восстанавливать баррикады. «Передачи за последние две недели, — записала Е.И. Сахарова 9 апреля, — начинаются с извещения: “За такое-то число на фронтах ничего существенного не произошло”. Это нехорошо действует»³⁸.

Только с конца мая Москва стала окончательно освобождаться от баррикад. Истощенные, измученные, полуголодные, работающие на износ, но не сломленные духом москвичи с надеждой смотрели в будущее. «Трудно, очень трудно, но так хочется преодолеть все это, пережить, победить и <...> посмотреть, что будет потом, после войны»³⁹...

¹Извещение исполкома Московского городского совета депутатов трудящихся // Московский большевик. 1941. 16 июля.

²Институт русской истории РАН (ИРИ). Научный архив. Ф. 2. Р. IX. Оп. 31. Д. 3. Л. 2.

³Москва военная 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 439.

⁴ИРИ. Ф. 2. Р. 5. Оп. 9. Д. 5. Л. 2.

⁵Московский большевик. 1941. 7 октября.

⁶ИРИ. Ф. 2. Р. IX. Оп. 31. О. 15. Л. 12.

⁷Там же. Л. 5.

⁸Вечерняя Москва. 1941. 6 сентября.

⁹Там же. 14 августа.

¹⁰Из воспоминаний маршала Г.К. Жукова // Москва военная... С. 95.

¹¹ИРИ. Ф. 2. Р. IX. Оп. 8. Л. 13.

¹²Москва военная... С. 91, 103.

¹³ИРИ. Ф. 2. Р. V. Оп. 35. Д. 2. Л. 12.

¹⁴Московский большевик. 1941. 16 октября.

¹⁵Стенограмма беседы с инженером ГПЗ № 1 Сурнакиным И.И. (ИРИ. Ф. 2. Р. 5. Оп. 9. Д. 9. Л. 2).

¹⁶Там же. Ф. 2. Р. IX. Оп. 31. Д. 1. Л. 6.

¹⁷Записки врача скорой помощи А.Г. Дрейзер 1941–1944 гг. (ИРИ. Р. XVIII. Оп. 8. Д. 2. Л. 10).

¹⁸Там же. Ф. 2. Р. V. Оп. 34. Д. 2. Л. 18.

¹⁹Стенограмма беседы... с Сурнакиным И.И. Л. 2.

²⁰ИРИ. Ф. 2. Р. V. Оп. 12. Д. 1. Л. 2.

²¹Московский большевик. 1941. 17 октября.

²²ИРИ. Ф. 2. Р. IX. Оп. 31. Д. 1. Л. 6.

²³Стенограмма беседы с главным инженером МИЗ П.А. Алпатовым 4 января 1944 / Там же. Ф. 2. Р. V. Оп. 12. Оп. 2. Л. 3.

²⁴Записки... Дрейзер / Л. 11.

²⁵Дневник врача Сахаровой Е.И. (ИРИ. Ф. 2. Р. V. Оп. 5. Д. 16. Л. 7).

²⁶Там же. Л. 8.

²⁷Там же. Д. 1. Л. 9.

²⁸Постановление ГКО № 1025 от 14 декабря 1941 г. // 50 лет Великой Отечественной войны. М., 1992. С. 77.

²⁹ИРИ. Ф. 2. Р. VIII. Оп. 8. Д. 2. Л. 17.

³⁰Московский большевик. 1941. 24 января.

³¹Записки... Дрейзер / Л. 18; Дневник... Сахаровой / Л. 9.

³²Из жизни школ г. Москвы в дни Великой Отечественной войны (ИРИ. Ф. 2. Р. IX. Оп. 26. Д. 2. Л. 187).

³³Дневник врача Сахаровой Е. И. Л. 14.

³⁴Московский большевик. 1942. 15 февраля.

³⁵Там же. 12 марта.

³⁶ИРИ. Ф. 2. Р. IX. Оп. 5. Д. 16. Л. 22, 27.

³⁷Московский большевик. 1942. 22 апреля.

³⁸Дневник врача Сахаровой Е.И. Л. 21.

³⁹Там же. Л. 28, 30.

Ф.П. Усыпенко. *Враг остановлен. 41-й км от Москвы.*
Холст, масло. 1966 год

З.С. Соколова ОДНО ИЗ МНОЖЕСТВА ПИСЕМ...

Предисловие публикатора

Много лет назад я изучала историю создания последней студии К.С. Станиславского — Оперно-драматической, открытой в 1935 году. Среди помогавших К.С. Станиславскому в те годы была его сестра Зинаида Сергеевна Соколова — красивая пожилая женщина, имевшая свою частную театральную школу. 11 человек из обучавшихся там и составили ядро ассистентской группы Константина Сергеевича. На эту группу, возглавленную З.С. Соколовой, выпала значительная часть подготовительной работы по организации приема в Студию, осуществлялся он необычно. Абитуриентов распределяли по ассистентам (8–10 человек на каждого), и те под наблюдением З.С. Соколовой начинали занятия — упражнения, этюды... Прошедшие отбор на предварительном этапе готовили небольшой отрывок из какой-либо пьесы. Заключительные экзамены принимали крупнейшие мастера Московского Художественного театра

во главе с В.И. Качаловым и Л.М. Леонидовым.

В 1938 году умер К.С. Станиславский. Его дело в Студии продолжили М.П. Лилина и М.Н. Кедров. Со студийцами остались Зинаида Сергеевна Соколова и ассистенты.

Но вот грянула война. Кое-кто из студийцев отправился добровольцем на фронт, кто-то вошел в состав театральных фронтовых бригад. И Зинаида Сергеевна пишет остающимся еще в Москве, но сердцем обращаясь ко всем своим питомцам, взволнованное послание. Это одно из множества, но по-своему уникальное письмо военной поры, фотокопию которого представил мне когда-то Юрий Николаевич Мальковский, член той самой ассистентской группы Станиславского, я и хочу предложить вниманию читателей.

Дорогие мои, что сулит вам будущее? Что сулит оно и мне?..

Кто знает! Вот эта-то неизвестность и заставляет меня высказать вам, что в ду-

З.С. Соколова (в центре) среди студийцев Оперно-драматической студии К.С. Станиславского. В верхнем ряду (крайний справа) — Ю.Н. Мальковский. Фотография 1930-х годов

*Фронтальная концертная бригада Оперно-драматической студии К.С. Станиславского.
Фотография 1942–1945 годов*

ше моей и что хочется высказать особенно теперь — когда мы все жить принуждены «не человеческим», а «звериным»: ненавистью, убийством, мщением. Ваш единогласный вызов идти в ополчение или на работы идет от хорошего порыва: защищать родину. Радуюсь на порыв ваш и на то, что сознательно ставите для спасения родины свою жизнь на карту.

Преклоняюсь перед самопожертвовани-ем вашим и горячо хочу, чтобы «звериное» не перевесило «человеческого». Вероятно, среди крови, ненависти к насильникам-немцам, битв, в часы затишья «человеческое» станет потребностью вашей. Я буду далеко от вас, но хочется мне, чтобы почувствовали вы, что душой и мыслями я с вами — с одними больше, с другими меньше, — но со всеми вами, с вами мысленно, душой, любовью к вам, чтобы строки мои напоминали вам о «человеческом» и о том высшем, что дано человеку, для чего он создан и для чего стоит жить.

Поделюсь теми мыслями, своими и чужими, которые собрала за долгую жизнь свою,

которые даны мне многими жизненными переживаниями, иногда очень тяжелыми, иногда приподнятыми. Вот это лучшее — выстраданное, передуманное, завоеванное разумием, выношенное в душе — и хочется передать вам, чтобы вы в это кровавое, «звериное» время имели возможность пожить хоть минутами лучшими сторонами человеческой души, глубокими мыслями, чтобы оставались все-таки «людьми», «защитниками», а не кровожадными зверями.

Защищайте родину от врага, отстаивайте свободу русского народа и союзных народов, но не зверствуйте, не давайте излишних страданий врагу, ведь многие воюют с нами помимо своей воли! И вождь Сталин и Молотов идут не против народа, а против правителей — наших врагов. Если и среди вражеского войска есть изверги, то не следует русским уподобляться им. Плен у русских в стане должен служить возрождением «человеческого» среди плененных.

Недаром правители в речах своих говорят о братстве народов. Надо защищаться,

К 75-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

но не зверствовать и оставаться человеком среди битв. Жить осозанным, правдой, высшим своим. Не увлекайтесь личной славой — жертвуйте собой не для нее, а для родины. В этом громадная разница! Живите в это время испытания хотя минутами высокими мыслями, духовной жизнью, чувствами, приподымающими личность человека. Такие минуты освежат вас, подкрепят ваше мужество!

Надо стремиться быть не только храбрым, но и мудрым. Мудрость — великая сила!

Мне очень тяжело в это страдное время быть неактивной: мешает старость (76 лет мне), плохое сердце, плохое зрение, трудность передвижения. В годы бедствий родины (голод, войны) я привыкла быть в первых рядах активистов, поэтому в эту войну мне особенно тяжело, и я все думаю, ищу, к чему бы прицепиться, чтобы быть хоть чем-нибудь полезной страждущим — будь то воинам нашим или населению. Не теряю

все-таки надежды к чему-нибудь прицепиться и хоть кому-нибудь быть полезной.

Мысленно и душой [я] с вами — ополченцами — неразлучна, <...> и со студийцами-ассистентами, студийками и ассистентками, которые в той или иной форме будут работать для родины, равно и со всеми страждущими... У меня была острая потребность окликнуть вас — моих любимых, высказаться: может быть, кому-нибудь из вас это «нужно»: мои мысли, мое отношение к вам. Если кого-нибудь из вас когда-либо обидела, то простите меня, не со зла и не нарочно обидела, верьте.

Моя мечта была помочь вам стать сознательными людьми с высшими стремлениями, сделать вас не только хорошими артистами, но через искусство дать вам возможность вносить в жизнь людей лучшие мысли и переживания, просвещать народ, заставлять людей осмысливать свои поступки, свое существование.

В.К. Дмитриевский. Письмо из 41-го. Холст, масло. 1992 год

А.И. Лактионов. Письмо с фронта. 1947 год

Горячее желание мое, чтобы вы — молодёжь — поняли, пройдя через все испытания настоящей войны, для чего жизнь стоит и чему служить стоит, что в себе искоренять, что отбрасывать, чем служить человечеству и родине своей.

Многие пробьют себе новую тропу жизни, которая выведет на ширь и свет. Пробудив свет в своей душе — невольно будет свет передаваться и в души других людей и освещать их внутренний мир, пробуждать лучшие стремления.

Многие заживут духом, а не только телом, как большинство живет, эгоистическими интересами, обывательскими запросами.

Многие из царства шкурных стремлений заживут любовью к обществу, к человечеству.

Хотела бы многое еще передать из записанных мыслей выдающихся людей, да хочется скорее переслать вам это письмо — пока вы еще в Москве. Помните в трудные минуты:

Смерть и Время царят на Земле,

Ты Владыками их не зови:

Все, кружась, исчезает во мгле

Неподвижно лишь солнце любви.

В. Соловьев.

Публикация и предисловие
А.В. Чучиной

Г.Ю. Грюнберг «БЫЛ УЧАСТНИКОМ ПАРАДА ПОБЕДЫ...»

Предлагаю вашему вниманию фрагменты фронтовых воспоминаний моего покойного мужа Гавриила Юльевича Грюнберга — солдата Великой Отечественной войны*.

Гавриил Юльевич — после войны известный ученый и педагог, заведующий кафедрой Московского педагогического университета (тогда МГПИ имени Ленина), автор многих книг и учебников для вузов и школ, по которым учились миллионы людей в нашей стране и за рубежом, — родился в 1918 году в Чите. Его родной отец, Леонид Селюк, рано умер, и мать, Валентина Николаевна, вышла замуж во второй раз — за эстонца Юлия Густавовича Грюнберга. В 1920–1930-х годах отчим моего мужа работал в советских торговых представительствах в Китае и Японии, и семья жила вместе с ним в этих странах. После возвращения в Москву, в 1938 году Юлия Густавовича арестовали как японского шпиона и расстреляли. Валентину Николаевну отправили в лагерь для жен «врагов народа», где она провела 10 лет, а их малолетнюю дочь отдали в детский дом. Каким-то чудом Гавриил, в то время уже взрослый, избежал ареста — возможно, потому, что жил не в Москве, а в Ленинграде, учась в Кораблестроительном институте. Вернувшись в Москву, он вызволил сестру из детдома и с большим трудом перевелся в Московский университет на географический факультет.

Не буду описывать все мытарства мужа после ареста родителей — читатель легко о них догадается — и перейду сразу к событиям военного времени. Летом 1941 года 23-летний Гаврик (как все тогда его называли) вместе со многими своими однокурсниками ушел добровольцем на фронт — в составе 8-й дивизии народного ополчения. В первые же недели боев дивизия была окружена немецкими войсками и разгромлена. Гаврик и большинство его однополчан считались погибшими.

Впервые я узнала о нем при следующих обстоятельствах. Учась на том же факультете МГУ, весной 1945 года мы с однокурсниками готовили стенгазету о студентах и преподавателях факультета,

*Мы печатаем их с небольшими сокращениями и с минимальной редакторской правкой (Ред.).

К 75-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

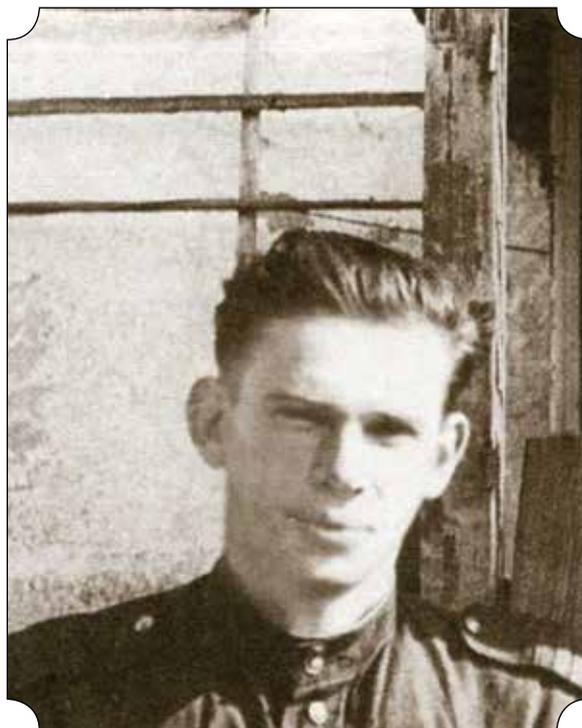
не вернувшихся с фронта. Среди их фотографий меня особенно привлекла одна — именно Гаврика Грюнберга. А через два года я с удивлением увидела этого молодого человека в университете живым и невредимым. Два года спустя он стал моим мужем.

Гавриил Юльевич Грюнберг ушел из жизни 20 февраля 1992 года. Он покоится на Востряковском кладбище в Москве. На Красной Пресне, в школе № 83, где формировалась 8-я дивизия Народного ополчения, возведена стела павшим бойцам. Здесь каждый год собираются оставшиеся в живых ветераны дивизии, их дети и родственники, учителя и ученики школы — и отдают долг памяти тем, кто защитил Родину и сохранил жизнь всем нам.

Нина Викторовна Добровольская

Начало войны

Летом 1941 года в МГУ было принято решение вступать в народное ополчение. С 3 по 7 июля в Москве было сформировано 12 дивизий народного ополчения (120–160 тысяч бойцов). Дивизия Краснопресненского района включала в себя около тысячи студентов, научных сотрудников и преподавателей МГУ — географов, физиков, историков, юристов и представителей других факультетов, а еще рабочих и служащих Трехгорной мануфактуры, Завода памяти революции 1905 года,

*Г.Ю. Грюнберг.
Пылау. 1945 год*

250 человек из Московской консерватории (в батальоне «запевал»), членов Союза писателей (в их числе были Александр Бек, Виктор Розов, поэты Павел Железнов, Сергей Островой и другие), студентов Геолого-разведывательного института. Штаб дивизии формировался у Горбатого моста

Кёнигсберг взят...

*Г.Ю. Грюнберг с женой
Ниней Викторовной Добровольской
в день свадьбы. 1948 год*

(Продольный переулок, дом 3), а сама дивизия — в школах 83, 86, 101, 105.

11 июля 1941 года мы вышли из Москвы, получили обмундирование и вооружение. В конце июля сооружали Можайскую линию обороны западнее города Рузы, где рыли противотанковые рвы, окопы, блиндажи, устанавливали противотанковые заграждения. В августе перебазировались на Ржевско-Вяземскую линию обороны — вдоль восточного берега Днепра, в районе Семлево (к юго-западу от Вязьмы). Здесь шло освоение военного дела.

2 октября оставшихся ополченцев перебросили к селу Уварово — восточнее города Ельни, на реке Угре, — и сразу же рота связи, в которой я находился, вступила в бой с моторизованными частями противника. Наша дивизия оказалась на самом тяжелом участке фронта — на стыке двух советских армий, где враг сосредоточил удар для прорыва на Москву. Части дивизии вступали в бой, не успев сосредоточиться и окопаться. Пехота, вооруженная винтовками образца 1891 года и бутылками с зажигательной жидкостью, встретилась с танковой армией Гота и моторизованной пехотой противника, вооруженной автоматами. Наша артиллерия не имела разведывательных данных и стреляла только по видимым целям. Между частями и штабом не было связи. Не бы-

ло полевого госпиталя. У немцев был и чисто количественный перевес: против одной нашей дивизии выступили три немецких дивизии и одна бригада.

Эти события запомнились мне такими. Я был в отделении телефонистов. Боевое крещение состоялось уже 2 октября 1941 года, когда наше отделение должно было наладить связь со штабом полка, расположенного в одной из деревень. Бегом приступили к выполнению задания: разматывали катушку, маскировали провод в траве. Когда прибежали в указанную деревню, то увидели, что никого в ней нет. Доложили в штаб дивизии, получили приказ сматывать линию. Около нас стали рваться снаряды. Мы бегом сматывали кабель и примчались в Уварово.

Перед нами непонятная картина: улицы запружены грузовиками, все бегают, штаба нашего не находим, никакой дальнейшей команды не получаем. Нам ничего не оставалось делать, как прыгнуть в один из отъезжавших грузовиков. Грузовик наш, так же как и другие, попал под обстрел. Дальнейший путь шел через болото, в котором некоторые машины застряли — но наша проскочила. Позже все машины остановились в лесу, где, как я понимал, были остатки нашей дивизии. Но никого из штаба и из нашей роты я не нашел. Машины опять двинулись, но в темноте остановились у леса. Налетели немецкие бомбардировщики, и началась бомбежка, многие погибли.

<...> Нам было приказано организовать оборону. Среди поля мы копали окопы в течение нескольких часов, потом приехала полевая кухня — поели. Затем нам сказали, что немцы появятся с другой стороны — и мы повернулись на 180 градусов, при этом перед нами оказались наши дивизионные пушки, которые до этого были у нас в тылу. Вскоре мы увидели немцев, которые убивали наших артиллеристов, мы тоже стали стрелять. Но мы были на открытом и очень уязвимом месте, и немцы стали расстреливать нас из минометов.

Поступил приказ отступить через ближайшую балку на восток. Ни своих командиров, ни товарищей я уже не видел. Шли ночью. Когда я спрашивал бойцов, из каких они частей, то с удивлением слышал, что они были даже из разных армий. В стороне от дороги поднимались столбы дыма и пламени — это горели деревни.

Под утро нас остановил заградительный отряд, здесь нас распределили по новым

Н.С. Присекин. Лихолетье. Холст, масло. 1984 год

соединениям — видимо, для организации обороны. Но получили приказ двигаться в сторону, противоположную направлению отступления нашей армии. Мимо нас проходила пехота, двигалась артиллерия, обозы, наконец, мы одни зашагали на запад. В одном месте остановились и залегли по обеим сторонам от дороги. Справа от нас был редкий лес, впереди густой кустарник. На шоссе рядом с нами стоял грузовик со счетверенным зенитным пулеметом и один танк. По прошествии некоторого времени командир вызвал добровольцев, которые отправились бы в разведку — поскольку впереди послышался какой-то шум.

Они ушли вперед, и вскоре с той стороны донеслись винтовочные выстрелы. Обратные разведчики уже не вернулись, а вместо них из кустарника выскочили немецкие солдаты с автоматами. Мы укрылись за деревьями и стреляли лежа. Какое-то время шла перестрелка с лучше вооруженным противником. Я видел, что наши бойцы один за другим получают ранения в голову, умирают. Пулемет на грузовике стрелять перестал, а сам грузовик уехал в тыл. Не помню, стрелял ли танк, но вскоре и он стал пятить-

ся. В живых осталось только несколько наших бойцов — и все они укрылись на броне танка, за его башней. Часть из них была там убита немцами, но я остался среди тех, кого не сбили немецкие пули.

Отступая, мы встретили наши машины, и нам сказали, что путь на восток прегражден немцами. Тогда уже пешком мы двинулись опять на запад — и опять напоролась на немцев. Как мы позже узнали, все это и было большое Ельнинско-Вяземское окружение.

Был конец октября — начало ноября. Холодно, временами падал снег. В деревнях еще жили люди. Наиболее сердобольные крестьяне давали картошку. Спали где попало, чаще в стогах сена. Излишне говорить, что к этому моменту уже не было никаких командиров и руководства оставшихся бойцами, бойцы пытались пробиться к своим малыми группами. Не помню, сколько времени прошло в этих скитаниях. Однажды, не доходя до Вязьмы, мы подошли к одному сараю, из которого внезапно выскочили немцы с автоматами и загнали нас в этот сарай. Есть не давали. Я попросил «оправиться», немец открыл

дверь — так я и ушел из этого первого плена. В темноте я наткнулся на обгорелый конский остов, отрезал ножом кусок мяса, но оно оказалось слишком жестким, и есть его было невозможно.

Плен

Выбраться к своим мне никак не удавалось. Когда спрашивал местных жителей, где можно найти партизан, они отмалчивались, а самому мне не удавалось набрести на организованные отряды. Однажды я наткнулся на всадников-немцев, и меня загнали в длинную колонну военнопленных, которую вели за ними. Так начался второй этап моей жизни на войне — плен.

Отставать от колонны было нельзя — пристреливали. Многие тащили с собой доски, куски дерева. Шли несколько дней, в конце концов пришли к лагерю на краю города Дорогобужа. Лагерь представлял собой большое поле, покрытое снегом и огороженное колючей проволокой. По углам стояли вышки с пулеметами. В лагере было несколько тысяч человек пленных. Стоял едкий дым от костров — теперь я понял, почему пленные несли с собой все, что могло гореть: здесь они жгли дерево, чтобы согреться. Во многих местах были вырыты ямы. В них вплотную друг к другу — чтобы не погибнуть от холода — укладывались пленные. По утрам можно было видеть фигуры людей в нижнем белье — это были тела умерших за ночь и раздетых другими пленными. Днем я бродил по лагерю, ища кого-нибудь из знакомых, но никого не нашел.

В лагере за все эти дни для пленных не было ни крошки еды. На шестой день выпил ружейное масло из масленки, чтобы утолить жажду, ел снег... Казалось, время остановилось. В середине дня ворота лагеря раскрывались, и через лагерь проезжала груженная сырой картошкой подвода, предназначенная для немецкого лазарета. На подводе сидел немецкий солдат с автоматом и стрелял в тех, кто пытался взять картофелину.

Так прошло дней, наверное, двадцать или более — и я явственно ощутил, что если останусь в лагере хотя бы сутки, то умру. Я заметил, что иногда из ворот выходят с белыми повязками санитары. Тогда я привязал на рукав вырванную из белья белую тряпку и тоже вышел из ворот, сказав, что я «санитар». Напротив ворот стояло длинное деревянное здание школы, и я

вместе со всеми санитарями вошел в него. Длинный коридор, по сторонам классы. В коридоре толпились люди, все русские: кто с ведром, кто с чем. Я тоже взял ведро. Кто-то — видимо, врач — спросил другого, указывая на меня: «Вы его нанимали?» Тот сказал: «Нет» — и врач приказал мне вернуться в лагерь. Но я, вместо того чтобы выйти из здания, забрался в ближайший к выходу класс и затих под партой. Оказалось, что это было помещение для немцев-караульных, которые в течение всей ночи периодически сменялись. Я лежал, чуть дыша, не проронив ни звука.

Утром, когда все ушли, я вышел на улицу и зашел в соседний двор, где стоял большой сарай. В сарае сидели наши бойцы. Доски у задней стены сарая были прикреплены непрочно, я отогнул их и выбрался из сарая. За сараем был глубокий овраг, я побрел по его дну и километра через три увидел деревню.

Постучал в дверь крайней избы. Изнутри мне ответили: «Нельзя, у нас уже много солдат». После этого я, видимо, потерял сознание и упал.

Очнулся я уже в избе. Хозяйка рассказала мне, что, когда ей нужно было открыть входную дверь, она не открывалась: мешало мое тело, лежавшее у самой двери. Меня втащили в дом и уложили на полу, там было еще несколько наших солдат. Потом хозяйка сварила для нас ведро картошки, я стал жадно есть и поплатился за это мучительными болями в желудке. Пролежав полдня, я попросил хозяйку оставить меня у них работником. На это она ответила: «Какой из тебя, дед, работник?» А мне было 23 года...

И после этого все мои попытки выбраться к своим не удавались, я бесцельно бродил по заснеженным дорогам, среди разоренных деревень, почти умирая от голода и холода. Однажды нашел рассыпанный горох, собрал и съел его. В одной деревне наткнулся на русских, подошел. Это оказалась тыловая немецкая строительная часть, состоявшая из пожилых немцев, к которой были присоединены и военнопленные. Так я в третий раз попал в плен. Пленные должны были носить воду в котел или заполнять его снегом, пилить и колоть дрова, расчищать дороги от снега. Работали весь день очень тяжело. Есть давали жиденькую похлебку <...> и немного хлеба.

Так прошло сколько-то месяцев. За это время я узнал немецких поваров. Один из них, полный и рыжий Ганс Шлитер,

относился к нам неприязненно. Второй, Иосиф Шваб, был благожелателен, в открытую ругал войну и Гитлера. Шлитер, который был членом нацистской партии, услышав однажды слова Шваба, сказал, что должен доложить о нем. Шваб широко открыл дверь избы: «Иди, докладывай!» Но тот не пошел...

Третьим поваром был немолодой лесоруб из Южной Баварии Иозеф Бухнер. У него был веселый характер, и он очень нам, русским пленным, сочувствовал. Бывало, вызовут нас на кухню чистить картофель. Сядем мы вокруг большой кастрюли — человек шесть — и сидим. А когда картошка сварится, Бухнер принесет большой кусок масла, станет так, чтобы загородить нас от унтер-офицеров, и дает нам поесть картошки с этим маслом. Через некоторое время спросит: «Фертиг?» (то есть «Готово ли?»). И когда мы ответим: «Фертиг», — отойдет со своего «поста».

Побег. Опять на фронте

Красная Армия стала наступать, фронт начал перемещаться на запад и все ближе подходил к нам. Мысль о побеге постоянно сидела в моей голове: я думал, что лучше рискнуть и в худшем случае погибнуть, чем быть отправленным в Германию. Ждал только подходящего случая.

<...> Нас, пленных, собрались перевозить на запад, и для этого готовили колонну грузовиков. Я намеренно старался попасть в последний грузовик. На борту каждого грузовика, в том числе и моего, сидели два конвоира. Вдруг наши конвоиры соскочили, чтобы поймать и зарезать теленка для своей кухни. Они спешили, и один из них для удобства снял с себя ремень и повесил на забор возле грузовика. К ремню был прикреплен противогаз, мешочек с патронами и кобура с пистолетом.

Я понял, что это подходящий момент. Я посмотрел на ребят в грузовике, прыгнул, подбежал к забору, вынул пистолет из кобуры, закрыл кобуру, пистолет заложил за пояс и быстрым шагом пошел в соседний двор, потом по лугу к речке — в сторону, противоположную движению колонны. Встретил немцев, спокойным шагом прошел сквозь них, пересек дорогу и бегом пустился по полю к лесу. Все было тихо. Все пленные видели эти мои действия. Что за этим последовало, когда немец не обнаружил своего пистолета, — этого уже не узнать никогда.

У леса я увидел человека, местного жителя, который сказал мне, что путь на восток закрыт: там стоят немцы. Решил пока остаться в лесу, залез в гущу деревьев и... нос к носу встретился с испуганным зайцем. Заяц убежал, а я занял его место. Потом, заметив густое дерево, решил ночевать на нем. Днем увидел деревеньку, подошел к ней и встретил деда, который предложил переждать у него на чердаке. Но я побоялся подвести его, понимая, что ему грозит, если меня схватят немцы. Я взял у него хлеба и опять отправился ночевать на дереве.

Тем временем наши войска приблизились настолько, что уже был слышен звук канонады. Однажды утром я проснулся, <...> слез с дерева, пошел к деревне и увидел, что в ней полно советских солдат. Я подошел к солдатам и сказал, что бежал из плена. Они повели меня к командиру. Так закончился второй этап моего пребывания на войне и начался третий и последний.

Меня оставили в той части нашей армии, на которую я натолкнулся, и сначала назначили в транспортную роту конюхом. <...> Немного привыкнув и пройдя проверки, я получил оружие и был послан в пехотный батальон в состав пулеметного расчета. В первом же бою нам с напарником удалось удержать немцев, в то время как основные силы нашего батальона отступили. За этот бой я был представлен к ордену Красной Звезды (орден я так и не получил — меня потом перевели в другую часть, и документы затерялись, зато за другой бой был награжден тем же орденом Красной Звезды, к которому с детства испытывал большое уважение).

Время шло, и летом 1944 года меня послали в школу переводчиков, где за полтора месяца я освоился с военной терминологией на немецком языке. После этого был послан военным переводчиком в штаб 167-го полка 1-й Московско-Минской гвардейской дивизии. Много дел было у переводчиков во время наступлений и штурмов городов. Часто приходилось переводить немецкие трофейные топографические карты. А главное — допрашивать пленных немецких солдат и офицеров.

<...> Следовало быть очень внимательным: записывать содержание допроса и в то же время следить за поведением допрашиваемых. Солдаты, как правило, рассказывали все, что знали, а среди офицеров попадались и убежденные фашисты, не скрывавшие своей ненависти к нам.

Ф.Н. Сачко. Штурм королевского замка в Кёнигсберге. 1945 год

*Г.Ю. Грюнберг в Калининграде
у памятника павшим
при штурме Кёнигсберга воинам
1-й Московско-Минской гвардейской дивизии.
Фотография 1985 года*

Важной частью работы военного переводчика были выступления перед немецкими солдатами через громкоговорительную установку. Ночью ее укрепляли на ничейном пространстве, и оттуда я вел передачу на немецком языке о положении на фронтах и призывал немцев сдаваться в плен. Иногда для этих передач привлекались немецкие пленные. Заводили патефон с немецкой и русской музыкой. После конца передачи надо было снимать установку и тащить ее к нашим окопам. Все это происходило под обстрелом: немцы уже в начале передачи «вешали» осветительные ракеты и открывали стрельбу. Но у наших агитационных передач была результативность: количество сдававшихся все время росло, сдавались уже и группами, и подразделениями.

При штурме городов (в том числе и Кёнигсберга) приходилось воевать просто пехотинцем, бежать по горящим улицам и стрелять по врагам. После Кёнигсберга вышли к Куршской косе, где также шли тяжелые бои. Там был сильно контужен, засыпан землей. Но в госпиталь не пошел — немного оправился от контузии и продолжил службу. Был участником Парада Победы в сводном батальоне 3-го Белорусского фронта.

*Фотографии из семейного архива
Н.В. Добровольской*

К 75-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Рисунки Андрея Владимировича Николаева
к книге его боевого товарища и командира гвардии полковника запаса
Федора Елисеевича Шабля «От Пскова до Праги» (СПб., 1989)

Восточные Альпы - Федоров и Шабля?

*Участник
последнего боя
13 мая 1945г.
разведчик
Ефим
Лиценко.*

Крепость Таргетт.

Наши медики - Блобчинский и Незаев.

К 75-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Парламентеры...

К 75-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Штаб полка.

*Ком. полка
Гр. Шаблий.*

Тини-1. Вудюков.

*Нач. штаба
Коваленко.*

Лина Васильева.

Выборг — оружие и бои...

К 75-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

А.Н. Кожин, С.П. Ходосевич
БОРОДИНО, 1941 ГОД

Третий месяц шли кровопролитные сражения с немецко-фашистскими захватчиками, рвавшимися к Москве и Ленинграду. В это время наша 32-я стрелковая дивизия находилась на восточных рубежах страны, продолжая осваивать ратный опыт, приобретенный в боях у озера Хасан, при сопках Безымянная и Заозерная, — после этих боев дивизия была награждена орденом Красного Знамени, 26 человек стали Героями Советского Союза, 1570 человек — кавалерами орденов Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды. И вот однажды вместо учебной прозвучала боевая тревога и команда «По вагонам!». Более 30 эшелонов двинулись на запад.

Миновали Красноярск, Омск, Свердловск, Пермь, Вологду. На станции Волховстрой подверглись налету вражеских бомбардировщиков, быстро разгрузились и укрылись в ближайшем лесу.

26 сентября 1941 года дивизию включили в состав армии генерала В.Ф. Яковлева. Мы должны были наступать в направлении Кириши — Грузино для прорыва блокады Ленинграда, но с наступлением темноты нам вдруг приказали вновь погрузиться в эшелоны. На большой скоро-

сти помчались куда-то... Промелькнули Ярославль, Загорск; по окружной дороге миновали Москву.

На рассвете 10 октября на станции Можайск первые эшелоны начали разгружаться. Стрелковые и артиллерийские подразделения ускоренным маршем направлялись к Бородинскому полю. Навстречу двигались людские потоки: с запада на восток по Старой Смоленской дороге, по автостраде Минск — Москва, по проселкам и тропкам брели беженцы. Попадались и военные — в одиночку, группами, — которым удалось вырваться из окружения под Вязьмой.

Командир дивизии полковник Виктор Иванович Полосухин довел до командиров частей и подразделений приказ по Можайскому укрепрайону: в течение трех суток любой ценой удерживать фронт шириной 30 километров, не допуская выхода вражеских войск к автостраде Минск — Москва, по которой до Москвы всего 126 километров, а также прорыва немцев на Бородинское поле. Нам предстояло выдержать удар группировки, насчитывавшей свыше 50 тысяч штыков; действия 40-го моторизованного корпуса поддерживали 10-я танковая дивизия в составе около 300 танков, эсэсовская дивизия «Рейх» и авиационный корпус.

Группа бойцов 29-й гвардейской Краснознаменной стрелковой дивизии (32-я стрелковая) на Западном фронте. Стоят в первом ряду: А.Н. Кожин (третий слева) и С.П. Ходосевич (четвертый слева). Фотография 1943 года

*ДОТ
на Бородинском
поле.
Современная
фотография*

В нашей дивизии было 15 тысяч штыков плюс 230-й запасной полк, сформированный из сотрудников военкоматов и интендантов, две танковые бригады и батальон курсантов военно-политического училища.

На главном направлении удара немецкой мотопехоты, танков и авиации располагались подразделения 17-го стрелкового полка имени М.В. Фрунзе и батальона курсантов, дивизионы 154-го гаубичного артиллерийского полка и два противотанковых полка. Огневые позиции артиллеристов находились по обе стороны автомагистрали Минск — Москва (район деревень Верхняя и Нижняя Ельня и Артёмки).

В центре Бородинского поля заняли оборону 322-й стрелковый и 230-й запасной полки при поддержке дивизионов 133-го легкого артиллерийского, 121-го противотанкового и 154-го гаубичного полков. Артиллеристы закрепились в районе, где когда-то была батарея Раевского. Командовал ими капитан Зеленев.

Свой командный пункт В.И. Полосухин разместил неподалеку от Бородинского музея.

12 октября в 18 часов по группам противника, попытавшимся приблизиться к передовым позициям Бородинской обороны, был дан залп из 12 гаубичных орудий — и завязалось ожесточенное сражение. Утром 13 октября после мощной артподготовки немецкой пехоте и танкам удалось преодолеть эскарп у деревни Ро-

гачево, но их тут же накрыло пламенем из 70 огнеметов, замаскированных на обочинах дороги.

На рассвете 14 октября позиции 17-го стрелкового полка подверглись шквальной бомбежке. Фашистские самолеты волна за волной накатывались на окопы пехотинцев капитана Макадзе. Следом пошли танки, застрекотали автоматы эсэсовцев. Противник ворвался в окопы, завязалась рукопашная. Натиск немцев усиливался. Бойцы 9-й стрелковой роты 3-го батальона начали беспорядочно отходить. В этот критический миг политрук роты Г.И. Худанов, встав во весь рост, бросил клич: «Ни шагу назад!» Ценой своей жизни он привел отступающих в чувство, те стали залегать, отстреливаться; гаубицы капитана П.И. Куропятникова поставили стену заградительного огня. Атака захлебнулась. Однако противник не успокаивался. К исходу дня ему удалось прорвать оборону 17-го стрелкового полка. Снова выручили артиллеристы, взяв прорвавшихся в огневые клещи.

К вечеру разведчики старшего лейтенанта М.А. Сендерова установили, что немецкие танки сосредоточиваются в ближайшем лесу для поддержки атакующих групп пехоты с целью пробиться к трассе Минск — Москва. Назавтра рано утром силами 154-го гаубичного артполка, 2-го дивизиона 554-го пушечного полка и 4-й батареи 2-го дивизиона 11-го гвардейского реактивно-минометного полка по лесу был нанесен мощный удар, после которо-

го танковая дивизия гитлеровцев утратила боеспособность на весь день.

Ожесточенность сражения нарастала и на левом фланге. На окопы ползли и ползли танки, ведя за собой автоматчиков. Деревня Артёмки семь раз переходила из рук в руки. Стремительно редели ряды обороняющихся: от батальона курсантов военно-политического училища численностью 700 человек осталось в живых лишь 52 бойца.

16 октября немцы возобновили атаки силами оправившейся танковой дивизии. Основной удар наносился по позициям пехотинцев, державших оборону в центре Бородинского поля. Артиллеристы капитана Зеленова подбивали танк за танком, но противник не считался с потерями, бросая в бой всё новые машины. Батарейцы бились до последнего дыхания: огневые позиции доставались врагу только тогда, когда выходила из строя последняя пушка и погибал последний солдат.

Тяжелое положение сложилось в районе станции Бородино, куда также прорвались танки и автоматчики, направляясь к деревне Семеновское. 1-й батальон 322-го стрелкового полка выбил немецких мотоциклистов из крайних домов, но вскоре деревню начала бомбить авиация. Танки были остановлены артиллерийским огнем, корректировавшимся лейтенантом Лезговко с колокольни Владимирского собора Спасо-Бородинского монастыря. Завязалась яростная схватка с немецкими автоматчиками, которым удалось пробиться к памятникам Финляндского, Измайловского и Литовского полков, героически сражавшихся здесь в 1812 году.

На Бородинском поле наша 32-я дивизия стояла насмерть. Продержались не трое, а целых шесть суток! К исходу 17 октября напор вражеских сил сдерживали поредевшие подразделения 322-го и 17-го стрелковых полков, сведенные в два отряда под командованием капитана Щербакова и старшего лейтенанта Портянкина.

18 октября немцы обходным маневром прорвали оборону на другом участке фронта и вошли в Можайск. Дивизия оказалась в мешке. По приказу командующего 5-й армией Л.А. Говорова, во избежание окружения, ее остатки начали отводить с правого фланга Бородинского рубежа на левый берег Москвы-реки. Уже ночью мы миновали здание Бородинского музея,

на стене которого комдив сделал надпись: «Мы уходим, но мы еще вернемся», и стали переправляться через речку Колочъ.

При отходе приходилось не только отбивать атаки противника, но и контратаковать его подразделения, двигавшиеся на Москву.

Большой участок шоссе между деревнями Павлищево и Ратчино занимали вражеские танки, бронемашины, бензозаправщики. Разведали местность, сформировали стрелковые группы прорыва, усиленные орудиями 133-го легкого артиллерийского полка. По русскому обычаю всем бойцам выдали чистое нательное белье. Когда стемнело, мы, соблюдая маскировку, начали перемещать свои орудия ближе к шоссе. Батарейцы по 10–15 человек тащили их на руках — лошадей пришлось оставить в лесу.

Светало. Напряжение росло с каждой минутой. Орудийные расчеты в последний раз корректировали цели, чтобы бить по ним прямой наводкой. Скоро стало видно шоссе, в два ряда забитое немецкой техникой. И вот взвилась красная ракета. Заработали наши орудия. Ярким пламенем вспыхивали бензовозы, зачидили танки. Сквозь грохот, огонь и дым с громовым «ура!» мы рванулись вперед, расстреливая мечущихся фашистов. Без больших потерь нам удалось перейти шоссе и сосредоточиться в ближайшем лесу, где, отбиваясь от наседавшего противника, наша дивизия заняла оборону с целью перекрыть путь к Москве по шоссе Наро-Фоминск — Кубинка, пересекавшему поле в районе деревни Акулово. Район этот был превращен в мощный оборонительный узел: отрывались окопы, траншеи, ходы сообщений, строились блиндажи, укрытия для лошадей и боевой техники. Вдоль шоссе создавались минные поля, по обочинам дороги устанавливались огнеметы, в полотно дороги закладывалась взрывчатка. Огневые позиции пушечных батарей разместили на опушках леса, окаймлявшего Акуловское поле, а гаубичные орудия — на лесных полянах. Вдоль ручья Песочного, впадающего в реку Нару, громоздились огневые завалы из хвороста и соломы.

В районе Нарских прудов немцы предприняли психическую атаку, однако бойцы капитана Грищенко (113-й стрелковый полк) не дрогнули: они подпустили «психов» на расстояние прицельного

К 75-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

выстрела и открыли кинжальный ружейно-пулеметный огонь, кося немцев, как траву.

В ночь на 1 декабря противник начал крупное наступление, смяв оборонительные порядки соседней дивизии. Немецкие танки устремились к шоссе Наро-Фоминск — Кубинка. В телефонной трубке комдива В.И. Полосухина прозвучали слова командарма Л.А. Говорова: «Дорогой Виктор Иванович! Прошу тебя держаться всеми силами, вцепившись в землю. Это очень важно!»

Вражеские танки рвались к Акуловскому полю, но, нарываясь на огонь орудий лейтенанта А.Б. Розина, раз за разом от-

катывались. В конце концов им удалось прорваться. На сей раз их встретили меткими залпами батареи дивизиона капитана Блонского; пехотинцы забросали танки бутылками с горючей смесью и подожгли огневой завал. Перед противником поднялась стена огня и дыма. Часть танков горела, остальные отошли.

Три дня и три ночи держали мы оборону. Гибли бойцы, редели орудийные расчеты. Но враг на Акуловское поле не прошел и возделенная автомагистраль Минск — Москва осталась для него недоступной.

Между тем мы не только оборонялись, но и готовились выбить немцев из захва-

П.В. Рыженко. Правая часть диптиха «Битва под Москвой».

К 75-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ченной ими деревни Акулово. На рассвете 4 декабря после мощной ночной артподготовки подразделения нашей дивизии пошли в атаку, смели вражеские заслоны и освободили Акулово. В ходе боев за Акуловское поле шоссейная дорога до высоты 201,9 превратилась в огромное кладбище подбитой немецкой техники. Враг был остановлен. Наши части переходили от обороны к наступлению. Это стало началом общего разгрома немецко-фашистских войск под Москвой.

Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, тогда командующий Западным фронтом, впоследствии писал: «11–12 октября в район Бородино подошла 32-я стрел-

ковая дивизия В.И. Полосухина, которая сразу же вступила в бой с 40-м моторкорпусом врага, рвавшегося к столице через Можайск. Эта дивизия, спешно переброшенная Ставкой с Дальнего Востока, сыграла решающую роль в отражении удара фашистского моторкорпуса. <...> Славная дивизия Полосухина истекала кровью, но все же при поддержке 18, 19 и 20-й танковых бригад мужественно отражала удары врага».

За стойкость, мужество и героизм личного состава в боях на подступах к Москве 25 мая 1942 года 32-я Краснознаменная стрелковая дивизия была преобразована в 29-ю гвардейскую Краснознаменную.

Холст, масло. 2011 год

Графика из фронтового блокнота
Виктора Александровича Титова

М.Г. Чернявский
СТИХОТВОРЕНИЯ 1943–1944 ГОДОВ

I

Обветрены лица,
шинели промокшие,
тяжелые руки в коленях лежат,
шершавые шапки снежком запорошены,
за каждой спиной, как всегда, —
автомат...

Сидим полукругом.
В костре головешками
усталый наводчик шурует огонь.
Привал ведь недолог: в походе не мешкаем,
солдат у костра — под попоною конь...

Мы свыклись, пожалуй,
с зимой и распутицей,
но лошади станут — расчету беда!
Дремучая ночь на болота опустится,
к замку орудийному хлынет вода.

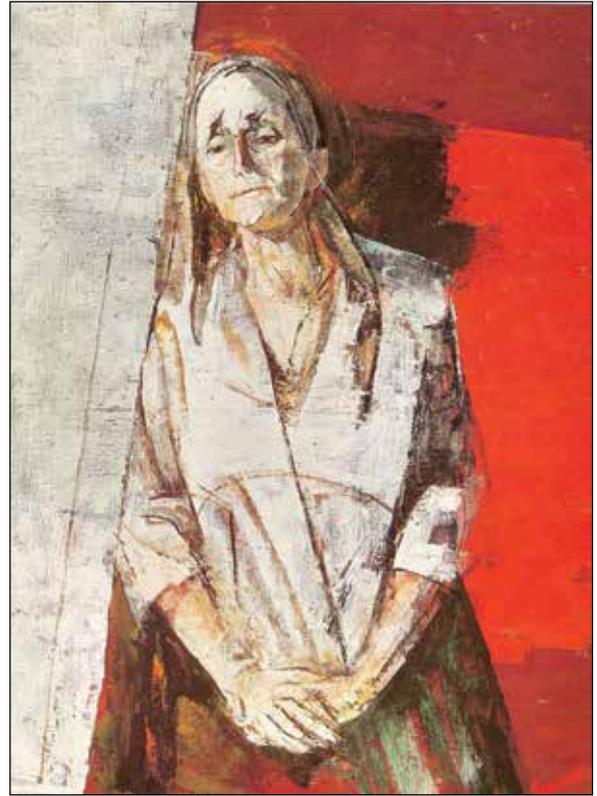
Тогда на себе мы,
потоми стоструйными
вконец истекая, от злости сжав рот,
тяжелые пушки, нырявшие дулами
в трясины болота, потащим вперед...

II

Обстрел приближался. То тут, то там
дымки синеватые плыли.
Ездовые били коней по бокам —
а кони все в пене и в мыле.
Искру выбивая из-под копыт,
поводья порвав ременные,
вставая на скользких буграх на дыбы,
от смерти неслись вороны...
Вдруг грохнуло рядом. Осколков рой
ударил по первому взводу.
Высокая лошадь рванулась стрелой —
и грохнулась, вытянув морду.

III

Тих, безоблачен день.
Ветерка — ни-ни-ни...
Лишь синицы «пинь-пень»
где-то в роце звенит.
Между двух тополей —
над костром котелок.
Сухостой не жалея,
больше веток, браток!
Жги веселый костер,
чтоб забыть нам вконец,
Как морозец остер
и как свищит свинец.

В.Н. Горяев. *Мать*. 1968 год

IV

Жара припекает. И руки — как плети,
и спины согнулись под тяжестью нош.
Поэтому сладко, как малые дети,
валились солдаты в высокую рожь.
Хотелось забыться хотя б на минуту,
в колосья зарыться совсем, с головой,
чтоб здесь, над степями,
внезапно и круто
гул боя сменился на миг тишиной.

Невеселая шутка

Сквозь чащу леса к его опушке,
изнемогая, из последних сил,
снарядов ящик для нашей пушки
к «сорокопятке» я тащил.
Слышал я, будто взрыватель — тонкий,
ударится оземь — тогда капут!
А будут думать: погиб геройски —
и много «славы» произнесут!..

За «языком»

Мы лежали на льду. До немецких траншей
оставалось не много добраться.
Автоматы к груди прижимали плотней,
чтоб при случае не растеряться.
Так отчетливо мозг не работал еще.
Наше время для дела настало.

*Небеса до земли опустили свой шелк,
прикрывая разведку устало.
Засылая свой свет в непроглядную ночь,
за ракетой всходит ракета.
Воли хватит у нас,
чтоб себя перевозмочь —
и «язык» захватить до рассвета.*

Разведка боем

*«Друзья познаются в беде», —
не раз я от многих испытанных слышал.
Вы лучше спросите об этом у тех,
из боя кто страшного вышел.
Кто только недавно в разведку ходил
и смерть отгонял автоматом,
кто зорко в дыму и разрывах следил
за другом, разведчиком-братом.
Кто клятву давал без чернил и бумаг —
в беде не оставить, не бросить,
когда тебя миной, гранатой враг
на скользкой «нейтралке» подкосит.
И может, ты будешь лежать на снегу,
вконец истекающий кровью,
иль хуже еще — попадешься врагу,
чтоб зверствовал он над тобою.
Но так не случится.
Ты знаешь — в бою
тебя твой товарищ не бросит,
когда ты не сможешь
остаться в строю,
когда тебя пулей подкосит.*

На тот берег

*Ни днем, ни ночью канонада
не замолкает у реки.
Во что бы то ни стало надо
нам в берег тот воткнуть штыки.
Во что бы то ни стало — будем
на правом, вражьем берегу.
Победу Родине добудем —
но много крови на снегу.
А лед разрывами ломает,
и с ревом хищная вода
за голенища заливаает.
Но нам дорога лишь туда!
Мы будем там. Еще немного.
Уж близок берег. Добежим!
Одна, одна у нас дорога!
Вперед, глотая кровь и дым!
А вот и берег. Враг — в траншее.
Левее — дзот и пулемет
стараятся прервать движенье
бесстрашно рвущихся вперед.
Судьбе навстречу! Будь что будет!
Дороги нет на лед назад.
За счастье наших мирных буден
бей, безотказный автомат!*

В брянском селе (ноябрь 1943 года)

*Где же ты, дивчина в брянском селе,
маленьком, чудом оставшемся целым?
Сутки мы жили там навеселе,
с пушек остывших не сдвинув прицела.*

*Помню: в девичьем альбоме стихи
в стиле гусарском писал я удало.
Пил самогонку — и рифмы текли,
как в старину у Дениса бывало.*

*Помню я двух пастушков у стола,
две балалайки у хлопчиков брянских,
песню, что с сердца тоску отвела,
грусть заглушила разгулом цыганским.*

*Помню в рассветном тумане большак,
пушки, готовые к новому маршу.
Помню: стоит, опершись о косяк,
девушка эта, чуть ставшая старше...*

Хорошие люди (фронтовые встречи)

*Семья небольшая: старушка и дочь —
и обе такие хорошие!
Я к ним постучался в осеннюю ночь
с тяжелой походною ношею.*

*В их маленький домик, обвитый плющом,
с крылечком, немного разрушенным,
вошел я, усталый, под сильным дождем
в пути со вчерашнего ужина.
Колени ломило. Мой правый сапог
размок и казался обиженным:
протопав за месяц немало дорог,
он редко заглядывал в хижини.*

*Вот эта деревня — вторая цела,
другие же — строить их заново!
Где было жильё — головешки, зола
да печки, как призрак под саваном.*

*«Пройдите, товарищ, погрейтесь в тепле,
ведь сильно с дороги промокли», —
сказала с участием, с каким на селе
лишь девушки могут хорошие.*

*И я не ошибся. Навстречу ко мне
в крестьянском нехитренском платьице
явилась Надежда — мечтою во сне,
из сказки чудесной красавица.*

*Я сел у припечка. Стянул сапоги.
Эх, ноги разбухли от сырости!
«Да, знаете, нынче дороги плохи —
природа скупится на милости».*

*«Устал, чай, с похода? Садись-ка, сынок!
Откушай все, чем я богатая.
Сегодня четвертый наступит денек,
как фрицы сбежали проклятые!»*

*Старушка о многом еще говорит,
меня угощает, волнуется,
что печка не очень-то жарко горит,
что грязь по колено на улице.*

*Потом вдруг всплеснула руками — и вот
на стол самогона бутылочку
из комнатки рядом с улыбкой несет:
«Я Вас от простуды повылечу!»*

*Меня расспросили: далек ли мой дом
и много ль со мною товарищей?
А мне рассказали счастливо о том,
как избы спасли от пожарщика.*

*Пришли партизаны — и немец не смог.
А то бы, конечно, как водится,
деревню родную дотла бы пожег,
скотину, людей да околицу.*

*Дома уцелели, и в них батальон
сумеет в тепле разместиться.
Устали ребята. Отраден им сон.
Пускай им хорошее снится!*

В.В. Киселов. По фашистским стервятникам.
Холст, масло. 1945 год

*Мы долго сидели с Надеждой вдвоем.
Старушка ушла хлопотливая.
А ливень хлестал и хлестал за окном,
глумясь над плакучею ивою.*

*Судьба, знать, Надежда,
что встретились мы.
Дороги свели нас военные.
Я к вам заявился из дали, из тьмы —
И вот мы уже откровенные...*

*И Вас, и мамашу полюбил солдат:
вы обе такие сердечные.
Ваш ласковый голос, участливый взгляд
запомню навечно я.*

*А все-таки грустно... Я завтра уйду —
и больше мы, может, не встретимся.
Хоть буду искать я — но вас не найду,
так мы в неизвестность разведемся...*

*О многом хотелось еще рассказать,
но мысли опутала сонница.
Слова всё труднее друг с другом связать,
всё ниже головушка клонится...*

Солдатская шинель

*Я тебя надел на формировке,
новенькая серая шинель.
Первый раз в солдатской шел обновке,
где свистела в воздухе шрапнель.*

*Ты уют домашний заменяла,
теплую перину и постель,
мягкие подушки, одеяло...
все одна — солдатская шинель!*

*За тебя в лесу цеплялись сучья,
иглами забрасывала ель.
Ливни лили, жег мороз трескучий.
От всего хранила ты, шинель!*

*И в твоей нуждался я услуге
в долгую докучную метель.
Не найдешь надежнее подруги,
Чем моя окопная шинель!*

* * *

*Еще бы раз мне побывать в Москве,
окинуть взглядом площадей разливы,
где в дорогой кудрявой синеве
развевял воздух юности счастливой.*

*Еще бы раз мне встретиться с тобой,
когда Москва танцует и смеется,
когда бегут веселою гурьбой
на нас лучи разбуженного солнца.*

К 75-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

*Еще бы раз мне побывать у вас
в квартире бледно-кремового цвета,
где ты, красиво к шкафу прислонясь,
просилась прямо в фото и в портреты.*

*Пусть в окна так же ярко плещет свет,
на книжный шкаф и глобус пыль садится,
пусть так же смотрит
старенький портрет,
как бы желая чем-то удивиться.*

*Еще бы раз мне вечер провести
в кругу ребят и девочек хороших...
Но нет их здесь — лишь только
смерть свистит
в сырых оврагах, ельником заросших.*

*Там за буграми фрицы залегли
и автоматчик вражеский стрекочет.
Здесь каждый метр взлохматился земли,
здесь бой не затихает дни и ночи.*

*Проклятый фриц! Из-за тебя теперь
я не могу ходить по Малой Бронной,
я не могу открыть в квартире дверь,
пока ты в этой балке заснеженной!*

*Пока сапог твой топчет города
и дым пожарниц стелется по долам —
мне не видать спокойного труда,
мне не бывать довольным и веселым.*

*Но день придет, победный и хмельной!
Вздохнут отрадно города и села.
И я пройду предупренной Москвой —
солдат войны, усталый, но веселый...*

Я жду письма

*Я жду письма. Возможно, за три года
я наконец узнаю о тебе.
Нас разлучила злая непогода,
и мы себя доверили судьбе.*

*Я рос в мечтах, романтикой пылая,
и ты горела тем же огоньком.
Любили мы на праздник Первомая
гулять в пылу беспечном и хмельном.*

*Любили мы ходить на перекрестках,
когда пугливый беленький снежок
тебе на брови ляжет в мелких звездках
и растрепает кудри ветерок.*

*Любили мы густыми вечерами
о будущем счастливом говорить.
А липа сыпет желтый цвет над нами —
и хочется стремиться и творить.*

Р.Б. Яшин. Победитель.
Холст, масло. 1995 год

*Я никогда не думал и не верил,
что «все пройдет, как
с белых яблонь дым»,
как тот туман над Гоголевским сквером
осенним утром, вяленьким и злым.*

*Ворвались фрицы в тихие поляны,
в кудрявый мир берез и тополей
Какой-то дикой бандой полупьяной,
Как свора страшных бешеных зверей!*

*Ну разве мог я все пройти сторонкой,
когда терзают Родину мою,
когда в костер бросает фриц ребенка
и душегубки в Харькове снуют.*

*Я должен был. И я с тобой расстался.
Прощанье было кратким и простым.
И долго мне твой образ улыбался,
пока я мчался к далям фронтовым.*

*Из боя в бой ходил я, сожалая,
что нет письма так долго от тебя,
свои мечты по-прежнему лелея
и в них тебя по-прежнему любя.*

*Но я дождусь! И знаю, что недолго
осталось ждать заветного письма.
Видна мне та знакомая дорога,
которой ты придешь ко мне сама.*

Перед наступлением

*Отшумела земля ковылями.
Холоднее теперь по утрам.
Можно нагло смеяться над нами
бесшабашным, бездушным ветрам.*

*Сколько здесь пролетало снарядов,
сколько щелкало пуль разрывных!
Немцы близко —они почти рядом,
но не быть им сегодня в живых.*

*Полк сегодня идет в наступленье.
Для атаки гранаты готовь!
Биться будем с врагом в исступленье:
не в диковинку смерти и кровь!*

*Мы привыкли, что смерть недалеко,
что «до смерти четыре шага».
Но сдержись! Ни единого вздоха!
Не на то ты стране присягал.*

*Под разрывами думаем мало —
но о близком, о самом родном
и о тех, чьим весельем, бывало,
расцветал вечерами наш дом.*

*А.А. Дейнека. Солдат в плащпалатке.
Холст, масло. 1942 год*

*Снова целыми выйдем из боя!
Ну, тогда —нараспашку душа!
Запоем что-нибудь дорогое
возле печки, в тепле блиндажа.*

*Замечтаются парни — как будто
все прошло, позабыта война,
как недавняя злая простуда,
как видение страшного сна.*

*Эх, братишка! Я знаю, что каждый
ждет конца этих страшных боев
и читает известия с жаждой
о делах и победах фронтов.*

*Каждый хочет скорее вернуться
в свой домашний покой и уют.
Мы сегодня покажем, как бьются,
как в атаку гвардейцы идут!*

Послание медсестре Полине

*Ты, увидев это, рассмеешься,
пацаном, как прежде, назовешь.
«Ничего, парнишка, не дождешься,
хоть немножко, черненький, хорош».*

*Ты права: мне завтра девятнадцать.
Но война нас сделала взрослей —
научила боли не бояться
и беречь от горестей друзей.*

*Я тебя не знал до этой встречи.
Только встретив —сразу полюбил.
Полюбил в халате белом плечи,
а в глазах задорных —явный пыл!*

*Эх, Полина, может, понапрасну
ты сейчас смеешься надо мной.
Я — открытый, ласковый и страстный,
до безумья спаянный с мечтой.*

*Даже там, в раскатах орудийных,
где со смертью, правда, не игра,
мне являлись образы в картинах
и стихи лились из-под пера.*

*В эти годы —только бы влюбляться,
поцелуем губы щекотать,
блеском глаз девичьих наслаждаться
и до боли в сердце ревновать.*

*Медсестра Полина, не случайно
откровенье юное пишу.
Для тебя любовь моя —не тайна.
Я ее с собою увожу...*

С.С. Уранова. Военная медсестра Наташа Михалева. Б. д.

*Увожу в далекую столицу.
Адрес свой оставлю у тебя.
Мне с тобой придется разлучиться...
Черт возьми, но все-таки не зря!*

*До свиданья! День уж на исходе.
Ветерок врывается в окно,
и в палаты тихий сумрак входит.
Ну а мне — совсем не все равно!*

*Я привык к глазам твоим манящим,
к шаловливым росчеркам бровей.
Не считай меня мальцом пропащим:
я не птенчик и не соловей!*

*За добро спасибо, за вниманье
и за то, что я успел узнать.
В твоих чувствах ценное призванье —
очень близких сердцу заменять.
Саратов, госпиталь*

Мальчики, мальчики...

*Медленно, трудно, не шагом чеканным —
шагом солдат, повзрослевших в войне, —
шли мы на запад к врагам окаянным,
чтобы воздать им вдвойне и втройне.*

*Мальчики с Пресни, с Мещанской,
с Покровки,
с Бронной, с Арбата, с Никитских Ворот.
Мальчики шли, поднимая винтовки,
в грозном строю несгибаемых рот.
Мальчики в пыльных пилотках, без касок,
в черных обмотках, в шинелях больших
шли из-за парт от учебы, от сказок,
кровью спасая страны рубежи.*

*Тысячи, тысячи скошены пулей...
Чистые, нежные мальчики те
вновь не слетелись в родительский улей,
чтоб завершить, что хотелось в мечте!*

*Вот почему мне не будет покоя,
радости ясной не будет вполне.
Вышел живым я из адского боя.
Помнить о тех, не вернувшихся, —
мне!*

* * *

*Детство, как мячик, лаптою заброшенный,
где-то осталось в наивном, недавнем.
Каждая улица здесь мной исхожена,
связана с воспоминанием.*

К 75-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

*Пруд Патриарший навеки запомнится!
Здесь ожидал я впервые свидания.
К полночи сладкая-сладкая сонница
тут обвивала мечтающих втайне.*

*Те же аллеи, высокие тополи.
Страстно сплетаются пальцами ветви...
Если хоть раз вы в аллеях тех топали —
значит, вы выросли сразу на четверть.*

*Только война — эшелоны, позиции,
топь белорусская, Жлобин, окопы...
То, что могло лишь случайно
присниться мне — мне,
не выдавшему горя и злобы.*

*Карты смешала. Но, истину высеяв,
я не поддался печалю, утратам,
не прикрывался личиною лисьюю:
сразу решил — и назвался солдатом.*

*В битву вошли мы семнадцатилетними,
юной душой почитая героев.
Шли окрыленными и беззаветными...
Нового чувства от вас я не скрою.*

*Имя его постигают не всякие.
Те, что не чуяли пороха запах,*

*что благородством душевным иссякнули, —
те это чувство почувствуют слабо.*

*Нет! Для других, что без крова скитаются,
в чьем кулаке зажата обойма,
«ненависть» чувство у тех называется —
чувство страшней и сильнее, чем бомба!*

* * *

*Я слово свое перед вами сдержу
не в скорбной церковной молитве,
я в зале притихшем о вас расскажу,
товарищи, павшие в битве!*

*Я вспомню про слезы на ваших глазах,
когда в плащ-палатках зеленых
земле предавали товарищей прах
на нивах, огнем опаленных.*

*Пусть реквием нынче прорвется сквозь шум
людских и машинных потоков.
О ваших седых матерях расскажу,
о горе безмерно глубоком.*

*Сынам расскажу и своим, и чужим,
Чтоб внуки и правнуки знали:
Вы жили на свете, вы верили им —
Грядущим из сказочной дали.*

**МОСКОВСКИЙ
ЖУРНАЛ**
ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

<http://www.mosjour.ru>

127015, Москва, Бумажный проезд, дом 14, строение 2.
Телефон: (499) 557-04-27 доб. 414
E-mail: mosmag@mosjour.ru
Отдел распространения: (499) 557-04-07

В. Якунин
РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В годы войны православное население земли Русской, благословляемое на ратный подвиг предстоятелем Русской Православной Церкви митрополитом Московским и Коломенским Сергием, поднялось на защиту Родины. И в блокадном Ленинграде, и в осажденной Москве, и в удаленных на многие километры от линии фронта Горьком и Куйбышеве, и во всех остальных городах и селах раздавались под сводами православных храмов бесчисленные молебны о победе над врагом русского воинства. Не было в те тревожные дни такого прихода, что остался бы в стороне от происходивших в стране событий. Каждый православный христианин стремился в меру сил и возможностей бодро стоять на своем посту, приближая желанный день победы. Никогда не забудет благодарная память потомков деятельность архиепископа Луки Войно-Ясенецкого, спасшего своей самоотверженной работой в качестве хирурга не одну сотню человеческих жизней, а своим архиерейским служением — тысячи людских душ. Навечно останется в сердцах верующих россиян подвиг иеросхимонаха Серафима Вырицкого, простоявшего тысячу дней и ночей на молитве о спасении России. Всегда мы будем помнить подвижническое служение этих и еще многих других пастырей, архипастырей и чад Русской Православной Церкви, «полагавших души свои за други своя» (1 Иоан. 3.16), призванных и других жертвовать собой для достижения Великой Победы.

Московская епархия
в годы Великой Отечественной войны

Через несколько дней после начала войны, 26 июня 1941 года, православные москвичи переполнили Богоявленский кафедральный собор в Елохове, где предстоятелем Русской Православной Церкви митрополитом Московским и Коломенским Сергием с участием представителей столичного духовенства было совершенно торжественное молебствие о даровании победы русскому воинству¹. Такие же молебствия прошли и во всех остальных московских храмах. А перед их началом с церковных амвонов оглашалось воззвание патриаршего местоблюстителя

МОЛИТВА

Читаемая за литургией в Русской Православной Церкви в дни Отечественной войны 1941-1942 гг.

Господи Боже сил, Боже спасения нашего, Боже, творца чудес един. Призри в милости и щедротах на смиренных рабы Твоя и человеколюбиво услыши и помилуй нас: се бо бразды наши собрашася на ны, во еже погубити нас и разорити святыни наша. Помози нам Боже, Спасителю наш, и избави нас, славы ради имени Твоего, и да приложатся к нам словеса, реченная Моисеем к людям Израильским: держайте, стойте и узрите спасение от Господа, Господь бо поборет по нас. Свй, Господи Боже, Спасителю наш, крепосте и упование и заступление наше, не помани беззаконий и неправд людей Твоих и не обращай от нас гневом своим, но в милости и щедротах Твоих посети смиренных рабы Твоя, ко Твоему благоутробию принадлежаща: восстани в помощь нашу и подаждь воинству нашему о имени Твоем победити; а ниже судна еси положить на брани души своя, челм прости согрешения их, и в день праведного воздаяния Твоего воздай венцы неплемна. Ты бо еси заступление и победа и спасение уповающим на Тя и Тебе славу возсылаем Отцу и Сыну и Святому Духу ныне и присно и во веки веков. Аминь.

*Молитва, читаемая за литургией
 в дни Великой Отечественной войны*

митрополита Сергия с призывом к самопожертвованию. Приходское духовенство, в свою очередь, призвало верующих москвичей откликнуться делом на переживаемый момент и посильной лептой помочь Родине².

В октябре 1941 года немцы предприняли наступление на столицу. Население переживало тревожные минуты. Митрополит Сергей обратился тогда с посланием к московской пастве: «Не в первый раз русский народ переживает нашествие иноплеменных, не в первый раз ему принимать и огненное крещение для спасе-

*Местоблюститель Патриаршего престола
митрополит Московский и Коломенский
Сергий (Старогородский),
с 1943 года — Патриарх Московский и всея Руси.
1943 год*

ния родной земли. Силен враг, но “велик Бог земли Русской”, как воскликнул Мамай на Куликовском поле, разгромленный русским воинством. Господь даст, придется повторить этот возглас и теперешнему нашему врагу». На тех же, кто, не щадя своей жизни, подвизался на защиту Родины, и на всех, кто своими молитвами, сочувствием, трудами и пожертвованиями содействовал обороне Отечества, первосвятитель призвал благословение Господне³.

Послание митрополита Сергия было оперативно разослано по московским приходам и оглашено в храмах. Воодушевленные призывом первоиерарха Русской Церкви, духовенство и миряне Московской епархии проявили высокие патриотические подвиги в дни защиты столицы. Никто из них в самые тяжелые моменты для Москвы не дрогнул, не ушел со своего поста, но все с небывалым энтузиазмом выполняли свой долг. И пастыри Церкви, и верующие миряне, по примеру своих древних предков, усилили молитву в храмах, безропотно провожали детей, мужей и братьев на передовые линии, рыли окопы, строили

баррикады, готовили оружие для фронта, несли свои сбережения в Фонд обороны. Те же священники, что остались на занятой территории, за каждым богослужением тайно читали молитву о даровании победы русскому воинству, укрывали от фашистов раненых красноармейцев, помогали им пробираться к своим частям⁴.

Московские пастыри благословляли верующих на сооружение оборонительных рубежей и участвовали сами в этом благородном деле. Многие из московского духовенства принимали самое активное участие в работе местной противоздушной обороны, а некоторые из них занимали командные посты в этих органах⁵. Постановлением Моссовета от 19.09.1944 года и от 03.01.1945 года около 20 священников московских и тульских церквей были награждены медалями «За оборону Москвы». Среди них можно отметить настоятеля Богоявленского кафедрального собора протоиерея Николая Колчицкого, настоятеля церкви Нечаянной Радости протоиерея Петра Филонова, настоятеля Ильинской, что в Черкизове, церкви протоиерея Павла Цветкова, настоятеля Николо-Хамовнической церкви протоиерея Павла Лепехина, настоятеля Воскресенской церкви в Брюсовском переулке протоиерея Николая Бажанова, а также ряд других священнослужителей — протоиереев Алексея Смирнова, Николая Сарычева, Козьмы Алексеева, Федора Казанского, Павла Успенского, Михаила Кузнецова, Петра Турбина, Михаила Понятского, Вячеслава Соллертинского, Василия Ремешкова, Аркадия Пономарева, Стефана Маркова. Эти пастыри принимали активное участие в тушении пожаров от зажигательных бомб, руководили прихожанами при рытье окопов и ночных дежурствах по противоздушной обороне. В своих речах, проповедях и обращениях к православным жителям столицы они укрепляли веру в победу, вселяли дух мужества, призывали к патриотическим подвигам в труде, в деле усиления обороны страны⁶.

Когда враг был разгромлен под Москвой, столичное духовенство и верующие все свои мысли обратили на запад — туда, где наши воины, не жалея своей жизни, защищали родное Отечество. В день 24-й годовщины Красной Армии духовенство и миряне столицы внесли на подарки

защитникам Родины 1,5 млн рублей. Наиболее щедрые пожертвования внесли следующие церковные общины Москвы:

- 1) Богоявленский кафедральный собор — 215 000 рублей;
- 2) церковь св. Иоанна Предтечи на Красной Пресне — 150 000 рублей;
- 3) община Даниловского кладбища — 75 000 рублей;
- 4) Николо-Хамовническая церковь — 60 000 рублей;
- 5) церковь Нечаянной Радости в Марьиной Роще — 50 000 рублей;
- 6) Никольская церковь на Кузнецях — 50 000 рублей;
- 7) церковь св. Илии Обыденной — 50 000 рублей;
- 8) церковь свв. Петра и Павла у Яузских ворот — 45 000 рублей;
- 9) церковь свв. Петра и Павла на Преображенской площади — 40 000 рублей⁷.

Крупные денежные суммы внесли священники: старейший московский протоиерей Петр Сахаров, протоиереи Николай Ренский, Александр Толгский, Сергей Даев и другие⁸.

К 25-летию юбилею Красной Армии на постройку танковой колонны имени Дмитрия Донского верующие Московской области собрали свыше 2 000 000 рублей⁹, а в ноябрьские праздники того же года — около 500 000 рублей¹⁰. По инициативе московских пастырей прихожанами был организован сбор металлолома на нужды обороны, а также одежды, обуви и других необходимых фронту вещей¹¹.

Большой вклад в дело защиты столицы от немецко-фашистских войск, организации сбора пожертвований в Фонд обороны внес управляющий Московской епархией митрополит Киевский и Галицкий Николай (Ярушевич), награжденный медалью «За оборону Москвы». К большим праздникам он рассылал настоятелям всех московских церквей послания, в которых предлагал «произвести сбор средств среди молящихся на подарки нашей героической Красной Армии, предварив сборы патриотическими обращениями к верующим. Беспредельно благодарные нашим дорогим воинам за их подвиги, увенчанные блестящими победами на полях брани, выразим в этих подарках нашу к ним любовь»¹².

Подобные воззвания Священноначалия Русской Православной Церкви, обращенные к москвичам, не оставались

бесплодными. Только за первые три военных года около 200 храмов Московской епархии сдали на нужды обороны 12 млн рублей¹³, подавая своими патриотическими деяниями пример остальным православным епархиям нашей страны.

Ленинградская епархия

в годы Великой Отечественной войны

Голос предстоятеля Русской Православной Церкви не оставил равнодушными и православных христиан Ленинградской епархии. Не только юноши, еще не призванные на военную службу, но и пожилые ленинградцы и старики пошли добровольцами на фронт, с полной готовностью положить свою жизнь за честь и свободу Родины¹⁴.

Уже вечером 22 июня 1941 года митрополит Ленинградский Алексей служил в Никольском кафедральном соборе, переживая чувство глубокой скорби и сердечной боли за свой любимый город¹⁵. А на следующий же день десять приходов Ленинграда начали сбор пожертвований в Фонд обороны страны и Советского Красного Креста¹⁶. 26 июля 1941 года митрополит Алексей обратился к верующим епархии с посланием «Церковь зовет к защите Родины»¹⁷.

Обращение митрополита Алексея, молебны в храмах и прошения о даровании победы русскому воинству нашли живой отклик в сердце каждого православного ленинградца. В одном храме Ленинграда в годы войны был даже такой случай: какие-то неведомые богомольцы принесли и положили у иконы св. Николая пакет в укромном месте; в пакете оказалось около 150 золотых десятирублевых монет дореволюционной чеканки¹⁸.

2 сентября 1941 года вокруг Ленинграда сомкнулось железное кольцо блокады, и митрополит Алексей остался в осажденном городе, чтобы разделить ужасные дни со своей паствой. Он испытал все бедствия, выпавшие на долю ленинградцев: непрерывные бомбежки и артиллерийские обстрелы, голод и отсутствие воды, лютые морозы и кромешную тьму, проявляя при этом героическую бодрость духа и огромное самообладание, постоянно совершая богослужения. Во время блокады владыка Алексей служил один, без диакона, сам читал помянник и каждый вечер служил молебен святителю Николаю, обходя с чудотворной иконой

*Митрополит Ленинградский
Алексий (Симанский).*

*С 1945 года — Патриарх Московский и всея Руси.
За патриотическую деятельность
награжден медалью «За оборону Ленинграда»
и четырьмя орденами
Трудового Красного Знамени*

собор, в котором в то время и жил, налеты не останавливали его. И несмотря на голод и бомбежки, обессиленные люди с опухшими лицами, едва держась на ногах, ежедневно наполняли храм, где служил их любимый архипастырь¹⁹. В блокадном Ленинграде митрополит Алексий, несмотря на то что сам нередко голодал, всегда властно отстранял приношения. Того же требовал владыка и от других пастырей²⁰. А они, следуя примеру епархиального архиерея, старались ни на день не закрывать свои храмы, читали верующим обращения митрополитов Сергия и Алексия, служили молебны о даровании победы Красной Армии²¹. Делали даже крошечные просфорки для причастия — Ленгорисполком выделял для нужд Церкви немного муки и кагора²².

В самое трудное время, когда казалось, что поражение близко, митрополит Алексий утешал свою паству надеждой на скорую победу, уверяя, что небесное предстательство покровителя Ленинграда, святого Александра Невского, и По-

кров Матери Божией сохранят город²³. 29 марта 1942 года, в Вербное воскресенье, в ленинградских храмах было прочитано обращение ленинградского митрополита к пастве. «Воинство сильно не одною численностью и мощью оружия, — говорилось в обращении, — в него переливается и зажигает сердца воинов тот дух единения и воодушевления, которым живет теперь весь русский народ»²⁴.

На Пасху 1942 года в осажденном Ленинграде молящиеся собрались в храмах под грохот артиллерийской канонады. И хотя война наложила на ленинградские церкви свой отпечаток, хотя и не было той пышности, какая была до войны, горели только свечи и тусклые лампы, но это скромное освещение как-то гармонировало с общим настроением, углубленным и тихим спокойствием народа, решившегося на все жертвы и на все лишения, лишь бы выполнить подвиг борьбы до конца. Но и в эту священную для каждого христианина ночь Ленинград не был оставлен в покое врагом, совершившим жесточайший налет на город²⁵.

Ни на минуту не забывал митрополит Алексий своей паствы, оставшейся в городах и селах Ленинградской области, занятой вражескими войсками. К праздникам Пасхи 1942 и 1943 годов он обращался к верующим с воодушевляющими посланиями, в которых призывал всех «подвизаться за веру, за свободу, за честь Родины»²⁶. Снятие блокады Ленинграда, освобождение районов от вражеской оккупации — все это также сопровождалось архипастырскими посланиями митрополита Алексия. Он назначал представителей из духовенства в городскую комиссию по установлению и расследованию фактов разрушений и зверств, учиненных немецко-фашистскими захватчиками в оккупированных районах, внимательно изучал представляемые рапорты и писал донесения в Патриархию. В районах, освобожденных от гитлеровцев, митрополит Алексий часто заново организовывал приходы, подбирая кадры священнослужителей, налаживал церковную жизнь²⁷.

И вновь открывшиеся, и старые приходы незамедлительно включались в общую борьбу с фашизмом. Несмотря на трудности блокады и послевоенной разрухи, руководимая митрополитом Алексием Ленинградская епархия в лице своего духовенства и верующих с первых дней

войны собирала средства в Фонд обороны страны и к 15 января 1943 года внесла в этот Фонд более 3,5 млн рублей²⁸, к 1 июля 1944 года — около 13 млн рублей деньгами, а также пожертвования ценными вещами²⁹. Сам ленинградский архипастырь передал детскому дому принадлежавшую ему и его сестре дачу³⁰.

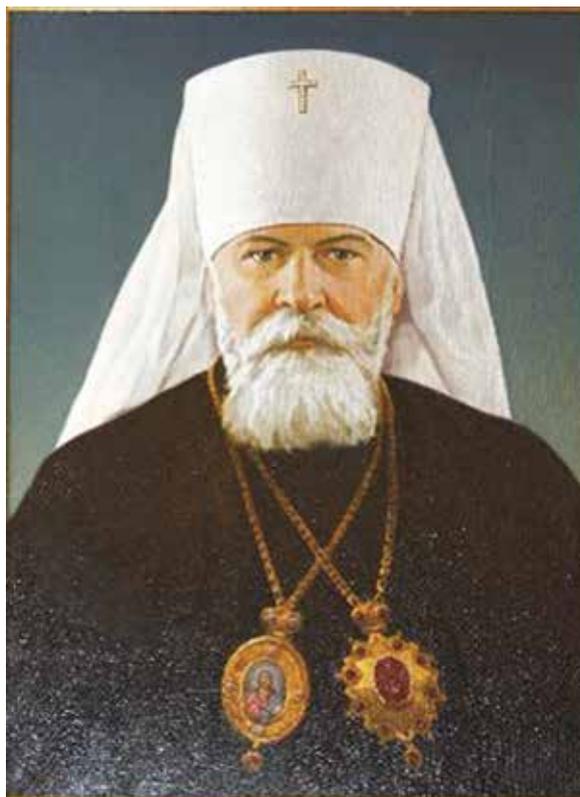
Подвиг ленинградского духовенства и верующих во время блокады вызывал восхищение не только в родном городе, но и во всей стране. В октябре 1943 года большая группа пастырей и мирян епархии во главе с митрополитом Алексием были награждены медалями «За оборону Ленинграда». Признанием огромного значения патриотической деятельности митрополита Алексия явилось избрание его Патриархом 2 февраля 1945 года³¹, в чем проявилось церковное единство архипастырей, пастырей и мирян Русской Православной Церкви.

Куйбышевская епархия

в годы Великой Отечественной войны

Когда началась Великая Отечественная война, во главе Куйбышевской епархии находился архиепископ Андрей Комаров. Его проповеди и патриотические обращения, произносимые в Покровском кафедральном соборе, находили живой отклик в сердцах верующих куйбышевцев³². Архипастырские призывы владыки Андрея проявить заботу о детях-сиротах подхватили сотни женщин, приютивших тысячи малышей³³. Совместно с предстоятелем Русской Православной Церкви митрополитом Сергием, находившимся временно в городе Ульяновске Куйбышевской области, архиепископ Андрей Комаров писал послания к верующим страны, в которых укреплял в народе уверенность в том, что близок час победы, призывал во что бы то ни стало одолеть врага³⁴. Но недолгим оказалось попечение преосвященного Андрея о куйбышевской пастве. В связи с его переводом на Саратовскую архиерейскую кафедру Куйбышевскую епархию возглавил в январе 1942 года архиепископ Алексей Палицын, продолжавший дело своего предшественника³⁵.

Так, уже в 1942 году от Куйбышевского кафедрального собора и верующих области поступило пожертвований на нужды обороны более чем на 1,5 млн рублей. Собранные средства поступали в различ-

*Митрополит Николай (Ярушевич).
В годы Великой Отечественной войны —
митрополит Киевский и Галицкий,
затем Крутицкий и Коломенский,
управляющий Московской патриархией.
Награжден медалью «За оборону Москвы»*

ные фонды: на оборону Родины, на эвакуацию детей, на подарки бойцам Красной Армии, на танковую колонну имени Дмитрия Донского, инвалидам войны, в фонд Главного командования³⁶. С учетом того, что подавляющее большинство храмов епархии в 1920–30-е годы перестало функционировать и использовалось не по назначению, это был весьма неплохой результат патриотической работы³⁷.

О характере помощи верующих куйбышевцев фронту свидетельствует следующая телеграмма архиепископа Алексия Верховному Главнокомандующему, в которой, в частности, говорилось: «Молясь о помощи Бога Вам и нашим дорогим воинам, защищающим Родину от нашествия фашистов, сливаясь с общим патриотическим народным подъемом, православные христиане города Куйбышева стремятся принять материальное участие в общенародном деле защиты Родины. В последние дни от Покровского кафедрального собора внесено в Госбанк на

танковую колонну имени Дмитрия Донского 594 000 рублей. Есть пожертвования и ценными предметами, их сбор продолжается. Верим в силу и мощь духа нашего народа, верим в непоколебимое мужество и ратное мастерство наших вождей и воинов, верим в грядущую победу над врагом...»³⁸

В связи с религиозным подъемом, охватившим нашу страну с первых месяцев Великой Отечественной войны, с середины 1943 года в Куйбышевской области началось стихийное движение за открытие церквей. В селах созывались собрания верующих, на которых избирались исполнительные органы и уполномоченные по ходатайствам об открытии храмов. Нередко такие собрания возглавлялись местным руководством³⁹. Начиная с 1943 года в городах и селах епархии открываются несколько церквей: 14 сентября 1943 года начала работать Богоявленская церковь в селе Подвалье; с 10 июня 1944 года возобновила деятельность Михайло-Архангельская церковь в селе Красные Ключи; 23 октября 1944 года открываются Казанская церковь в селе Нероновка, Троицкая церковь в городе Ставрополе-на-Волге и Казанская в Сызрани⁴⁰.

Всего же от верующих области с 1944-го по май 1945 года включительно было подано 121 заявление об открытии церквей, и только небольшая часть из них была удовлетворена. Однако и то, что удалось сделать, было большим достижением, нравственной победой Русской Православной Церкви над атеистической идеологией Советского государства.

Все вновь открывшиеся храмы незамедлительно включились в общую борьбу с агрессором. Куйбышевская епархия только в первом квартале 1944 года собрала на нужды обороны 800 000 рублей, а во втором — 700 000⁴¹. За это же время Покровский кафедральный собор внес 2,5 млн рублей⁴². Всего же за первые три военных года верующие области внесли в Фонд обороны страны 6,5 млн рублей⁴³. Наиболее активную деятельность среди верующих проводили настоятель Покровского собора протоиерей Дмитрий Утехин и настоятель Петропавловской церкви протоиерей Сергей Валовский. Общепатриотическую работу епархии возглавлял архиепископ Алексей Палицын, неоднократно выступавший с пламен-

ными проповедями в Покровском соборе. Став в 1943 году членом Священного Синода, он проводил подобную деятельность в других регионах страны, в республиках Средней Азии⁴⁴. У себя в епархии архиепископ ратовал за открытие церквей, иногда назначал священников в недействующие храмы, чтобы ускорить их открытие. Так было в Безенчукском и Новодевичьем районах Куйбышевской области, по двум церквям которых верующие неоднократно возобновляли ходатайства. Назначенные туда архиепископом Алексием Палицыным священники имели постоянную связь с уполномоченными от верующих соответствующих сел, и под их руководством последние предъявляли настойчивые требования об ускорении открытия церквей⁴⁵. Посылалась в Москву и многочисленная жалоба от местных руководителей на архиерея за то, что он вовлекал в Церковь народ⁴⁶. Однако тот патриотический подъем, который переживала Куйбышевская епархия в годы Великой Отечественной войны, заставлял центральные власти закрывать глаза на пастырскую деятельность «беспокойного архиерея».

Не только пастыри Церкви, но и простые миряне подвизались в те дни на подвиг, повторяя дела великих подвижников земли Русской. В июне 1941 года Андрей Кузьмич Злобин, уроженец села Рачейка, что под Сызранью, взял на себя подвиг молчания. В трех верстах от родного селения, у ручья, он срубил келейку, водрузил рядом крест, а на гору втащил плоский камень, чтобы молиться на нем в подражание преподобному Серафиму Саровскому. Всю войну на вершине Лысой горы предстоял старец Андрей целыми сутками, молясь о спасении России. Его молитвенный подвиг вселял в сердца верующих куйбышевцев уверенность в грядущей победе над фашизмом⁴⁷.

За самоотверженную деятельность во время войны архиепископ Куйбышевский и Сызранский Алексей Палицын и протоиереи — настоятели Покровского и Петропавловского соборов города Куйбышева Дмитрий Утехин и Сергей Валовский были награждены медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Это было признанием патриотического вклада всех верующих куйбышевцев в победу над фашизмом.

Горьковская епархия в годы Великой Отечественной войны

Воззвание патриаршего местоблюстителя митрополита Московского и Коломенского Сергия от 22 июня 1941 года было широко распространено среди молящихся Горьковской епархии⁴⁸.

За 1942 год верующими горьковцами было собрано пожертвований и передано в Фонд обороны на общую сумму 2,5 млн рублей⁴⁹. Православные христиане охотно несли, по примеру своих предков-патриотов, не только деньги, облигации, но и лом серебра, меди и другие вещи: обувь, белье, полотно. Было заготовлено и сдано немало валяной и кожаной обуви, шинелей, шапок, перчаток; одной шерсти верующие перевязали на носки больше трех пудов, затратив на эти вещи свыше 6000 рублей. Особо был организован сбор средств на подарки для бойцов в день Красной Армии (23 февраля 1942 года), давший свыше 30 000 рублей. Подарки были разнесены по лазаретам раненым, которые сердечно встречали такую внимательную о них заботу. Выпуск денежно-вещевой лотереи также встретил поддержку среди верующих: церковный совет внес за билеты 35 000 рублей с переводом их непосредственно в фонд Красной Армии⁵⁰.

Наиболее активную патриотическую деятельность в Горьковской епархии проводили благочинный протоиерей Александр Архангельский, протоиерей Андрей Смирнов, священник Анатолий Смирнов: руководители церковного совета Дмитрий Высоков, Сергей Яблоков, Анна Клячина⁵¹. Протоиерей Александр Архангельский выступил в начале 1943 года на страницах газеты «Правда» с почином о сборе средств на боевую эскадрилью самолетов «Александр Невский» и внес лично 200 000 рублей⁵². Его инициатива была подхвачена многими православными верующими нашей страны. Общепатриотическую же работу епархии возглавляли архиепископ Горьковский и Арзамасский Сергей, а затем Зиновий Красовский, неоднократно

*Настоятель Богоявленского Елоховского собора в Москве кафедральный протоиерей
Николай Федорович Колчицкий.
Награжден медалью «За оборону Москвы»*

выступавшие с пламенными проповедями в Троицком соборе. Патриотические призывы горьковских пастырей и архипастырей не замедлили сказаться щедрыми пожертвованиями народа в Фонд обороны страны. Только за три военных года верующими области было собрано на военные нужды 9,5 млн рублей⁵³.

Дважды за годы войны православные христиане Горьковской епархии были отмечены благодарностями Верховного Главнокомандующего и неоднократно — патриархов Сергия и Алексия⁵⁴. Так на самом высоком уровне признавался патриотический вклад верующих горьковцев в дело победы нашего народа над фашистской Германией в Великой Отечественной войне.

¹Правда о религии в России. М., 1942. С. 185.

²Там же. С. 186.

³Там же. С. 409–410.

⁴Там же. С. 166, 372, 409–410, 426.

⁵Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 2. Д. 3. Л. 46.

⁶Там же. Л. 48, 51–52, 55–58.

⁷Правда о... С. 168–172.

⁸Там же. С. 172–173.

⁹Правда. 1943. 25 февраля.

¹⁰ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 3. Л. 5.

¹¹Правда о... С. 187.

¹²ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 3. Л. 7.

¹³Там же. Д. 17.

¹⁴Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. М., 1943. С. 51–52.

¹⁵*Добрынин М.* Пятидесятилетие епископского служения Святейшего патриарха Алексия // Журнал Московской Патриархии. 1963. № 5. С. 64–74.

¹⁶ГАРФ СПб. Ф. 9321. Оп. 1. Д. 4. Л. 1, 3, 5.

¹⁷Русская Православная Церковь и... С. 51–54.

¹⁸Там же. С. 52.

¹⁹*Добрынин М.* Указ. соч. С. 64–74.

²⁰*Кононенко В.* Память блокады // Наука и религия. 1988. № 5. С. 10–13.

²¹ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 12. Л. 151.

²²*Кононенко В.* Указ. соч. С. 10–13.

²³Русская Православная Церковь и... С. 57–58.

²⁴Правда о... С. 257.

²⁵Там же. С. 256–259.

²⁶Русская Православная Церковь и... С. 59–62.

²⁷*Добрынин М.* Указ. соч. С. 64–74.

²⁸Правда. 1943. 15 января.

²⁹ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 17.

³⁰Там же. Д. 12. Л. 147.

³¹Известия. 1945. 3 февраля.

³²Правда о... С. 87–92.

³³Там же. С. 114–119.

³⁴Русская Православная Церковь и... С. 8–10.

³⁵ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 4. Л. 1.

³⁶Правда. 1943. 1 апреля.

³⁷Государственный архив Самарской области (ГАСО). Ф. 4187. Оп. 1. Д. 1.

³⁸Правда. 1943. 1 апреля.

³⁹ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 12. Л. 110–111.

⁴⁰ГАСО. Ф. 4187. Оп. 1. Д. 1, 2.

⁴¹ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 12. Л. 30, 56.

⁴²Там же. Л. 111.

⁴³Там же. Д. 17.

⁴⁴Там же. Д. 35. Л. 24–26.

⁴⁵Там же. Д. 12. Л. 30.

⁴⁶Там же. Д. 4. Л. 27.

⁴⁷*Макаров И.* Старец Андрей Кузьмич // Благовест. 1993. № 15.

⁴⁸Правда о... С. 202.

⁴⁹Правда. 1943. 5 января.

⁵⁰Правда о... С. 203.

⁵¹Правда. 1944. 13 мая.

⁵²Правда. 1943. 5 января.

⁵³ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 17.

⁵⁴Правда о... С. 207; Правда. 1943. 6 января.

Вадим Баратов

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ УЧАСТИИ В НАРОДНОМ ОПОЛЧЕНИИ

1 июля. Меня вызвали в школу; оказывается, призыв в ополчение. Выяснилось, что многие из школы уже записались, что все будут находиться в Москве, что скоро начнем немцев бить сильнее, что увеличивается опасность сильных бомбежек Москвы и ополченцы (школьники допризывного возраста) будут охранять разные предприятия Москвы, что на это время будут жить в школе, устроенной под казарму. Я подал заявление и был зачислен в народное ополчение.

6 июля утром, взяв вещи и дождавшись Викмана, пошли в школу; там нас построили, и с четырьмя учителями мы отправились на Потылиху.

В школе № 74 на Потылихе прожили три дня; спали на полу, подостлав газеты, питались первые два дня на свои деньги: нам, ополченцам, можно было без очереди покупать молоко. Ко мне приезжал туда отец с Зинаидой Сергеевной и привез 60 рублей для могущих возникнуть расходов. На третий день ели в столовой какой-то невкусный обед, а ночью, взяв вещи, двинулись в поход. Шли ночь, утро и день, прошли с очень частыми остановками сорок пять километров и пришли в лес между станциями Катуар и Пионерская. Мы числились в 25-м запасном полку Киевской стрелковой дивизии. Медицинской помощи почти не было, ее оказывали только тем, кто натер ноги.

Я во время этого похода много пил и часто грязную воду. Живот мой пребывал в явном расстройстве. Ноги гудели, хотелось спать, хотелось есть, но всех этих возможностей не было (даже спать, потому что болел живот). Поздно вечером нам дали молочную лапшу. Мы легли спать: ребята, двое учителей и один чужой, прикомандированный к нам.

Мы с Викманом лежали в углу в конце шалаша, по правую сторону от входа, рядом лежали Саркисов, Кольшкин, Гольдберг и т. д. Вставали в 4 или в 5 часов ежедневно, причем, когда старшина кричал «Подъем!», делая ударение на «ем», нас всех это пугало, мы вздрагивали, но сразу же вставали. Потом шли умываться и на зарядку, или наоборот. Начинался безалаберный день. Политзанятия, политрук Коган, у которого ходил зуб во рту и который

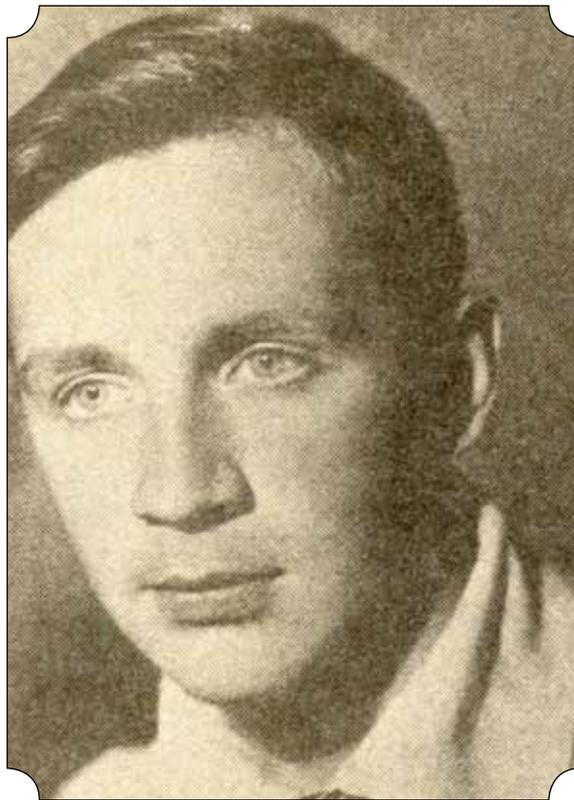
бесконечно шепелявил, нудно рассказывая и пересказывая газеты, каждый раз повторял одно и то же, да еще ужасно картавил.

<...> Так проходили дни. Винтовок было штук 10 на роту. Военные занятия бывали редко, больше выбирали место для обстрела будущего противника. Несколько раз играли в футбол. Раз мне пришлось быть в карауле, разводящим был Гольдберг, начальником караула — наш учитель Петр Яковлевич Качин. Стояли с пустыми винтовками. Наконец в нашем батальоне на террасе одного дома стал торговать ларек, в котором стали продавать конфеты, печенье, белый хлеб (это было для нас подспорье).

Однажды среди комсомольцев была запись в истребительный батальон. Туда попали Фабисович, Левин и, кажется, Геронимус, но через два дня они вернулись, так как оказалось, что они должны были сами себя содержать, а это их не устроило.

<...> Однажды нас построили и стали записывать в противотанковую артиллерию, и все ребята попали туда. Записывал нас капитан Зеленский, позже оказалось, что он начальник штаба нашего дивизиона. Производил запись и высокий полный человек в белой кепке, в украинской рубашке, в брюках, в ботинках, но с португальской и наганом. В нем ребята узнали своего завуча, Сергея Васильевича Секатунова. Он в то время был начальником штаба 1-го артиллерийского дивизиона 75-мм орудий французского образца. Таким образом, мы попали в артиллерию, но долго были не обмундированы и не получали оружия и орудий. Причем обмундирование мы получили в темную ночь. Костер зажигать было нельзя. Выдавали обмундирование без ремней, ботинки не соответствовали нужным номерам, так же как и размеры белья. Петр Яковлевич Качин, учитель литературы, выругался с большой энергией матом (что меня поразило и рассмешило) о том, что в темноте не успеваешь одеться, да еще первый раз в военное, а тебя подгоняют...

Так прошло около месяца, командование все время поджидало пушки, но они не приходили. Занятий у нас никаких не было, стрелять не умели 80%, а может и больше, — мы никогда не стреляли из винтовок, не говоря уже о другом виде оружия. Надо добавить, когда брали в ополчение, медосмотра никто не проходил, так что впоследствии оказалось, что у одного цинга, у другого язва желудка, у третьего суставной ревматизм, у многих сердце не

Вадим Баратов перед войной

в порядке, масса страдала одышкой, так что нечего было и думать о беге или о хождении в противогазе.

<...> Наутро нам сказали, что будет концерт, приехал ансамбль песни и пляски НКВД. Пошли на концерт, расположились. Четыре или пять машин стояли к нам кузовами, борта открыты, между ними доски и фанера. Руководителя джаза нам представили: Зиновий, или Зинадий, Дунаевский — брат композитора.

Всех бойцов поразило то, как одеты солисты ансамбля. У всех хорошие кавалерийские шинели, высшего состава, с откидными воротниками из лучшего сукна, с красными петличками НКВД. Кажется, они все были в пилотках тоже лучшего качества, чем у нас, на всех прекрасные командирские ремни и кожаные. И что самое главное — все в прекрасных кожаных хромовых сапожках.

На машинах стоял хор. Впереди женские голоса, сзади — мужские. Двое молодых, лет по 25, парня — один еврей, другой русский — были вроде конферансье. Рядом со мной стоял Макс, Буфф и другие ребята, и мы проезжались насчет этих молодых парней, дескать, на наш счет в ансамбле «ударяются», «окопались», «устроились» и т. д. Естественно, что из хора нас привлек

*Младший лейтенант
В. Баратов*

женский ряд, и я, как и некоторые из бойцов, как и Макс, обнаружили одну бледную миловидную блондинку. Другим бойцам понравились более дородные.

Исполнение сводилось к показу русских и украинских танцев, а также, кажется, и грузинских. В конце исполнения выступила солистка ансамбля, такая полная, с хорошими большими зубами, с лицом, напоминающим яйцо, но тем не менее она прекрасно исполнила частушки. Затем концовкой объявили шуточную частушку, которую исполнил солист ансамбля, какой-то Степанов. Он пел частушки с припевом, который оканчивался таким двустрочьем:

*«...Дуня, Дуняша.
Милая Авдотья...»*

В финале была исполнена «Казачья прощальная», затем речь комиссара с приветствием от имени бойцов всего полка, затем ответная речь Дунаевского, что, дескать, «мы рады были доставить минуты развлечений доблестным защитникам Родины». Здесь я впервые увидел Бронштейна —

в очках, хорошо одетого, глупо улыбающегося петуха. Комиссара Толмачева, произносившего речь, я узнал (он был страшный матерщинник). У комиссара была манера подергивать плечом (правым кверху).

Назад к лагерю шли, заложив руки в карманы брюк. Повстречались с командованием, и какой-то лейтенант заорал: «Какой части? Кто командир? Вынуть руки из карманов!» Послушали, вынули руки, но подходя к лагерю, засунули руки в карманы опять. <...>

Ночью с 1-го на 2-е октября я был дневальным. Ночь была светлая, морозная, канонада становилась все сильнее и ближе, на западе поднималось большое зарево. Наутро объявили тревогу. Рядом пехота в окопах, мы в центре — у орудия; все приведено в боевое положение. С утра начали свой рейс «юнкеры»; их зловещие кресты беспрестанно появлялись над нами. Справа от нас на расстоянии 2–3 километров они пикировали и бомбили, кажется, отступающих кадровиков. Фронт прорван, нам его надо сдержать. Днем немцы начали обстреливать нас шрапнелью и снарядами. Сперва вой или визг пролетающего металла, потом над землей белое облачко, затем удар и черный столб земли и камней вверх. Сперва три снаряда по Дубровке, следующие полетели к нам. При появлении облачка или, вернее, звука (этого воя) все кубарем скатывались в укрытие. Нескольких снарядов упали рядом. Я не успел спрятаться, и рядом со мной, приблизительно в полуметре, впился в землю большой осколок. Чипурин сказал по этому поводу: «Вадим получил крещение».

К ночи обстрел ослабел, зато впереди и справа, видно, шел бой: были слышны пулеметные очереди, гул орудий и беспорядочная ружейная трескотня. К ночи все на ногах, все приготовлено на случай отхода или смены позиций. У каждого по пять лимонок (польские гранаты), зажигательные бутылки. Я считался и гранатометчиком, и наводчиком, и бутылкометчиком. В сумке у меня лежали три бутылки с горючей смесью «КС».

Настроение было тревожное, спать было трудно, к тому же меня поставили у пушки (как надежного, кажется). Ночь была светлая, лунная, и лишь изредка вспыхивали ракеты или пролетали на восток самолеты. С часа на час ждали приказа об отходе. Прибежал связист лейтенанта Ремезюка из штаба.

Часов в двенадцать ночи последовал приказ к отходу: сниматься с позиций в сторону Желтоух. Тихая, светлая, лунная ночь. Мы надеваем снаряжение, затягиваем вещевые мешки, вешаем гранаты, бутылки с горючим... Впереди проходит пехота, за ней двинулись наши орудия. Мешки мы укрыли на передке, сами взялись кто за ствол, кто за щиток.

С правой стороны, держась за ствол, шел Землеруб; я шел с левой стороны, держась за правый щиток. Впереди, рядом с Зотовым (ездовым), ехавшим на левой пристяжной, шел Чипурин. Медведев ехал на лошади лейтенанта Ремезюка, высокой серой с малиновым отливом кобыле. Слева проходила пехота. Заградительный отряд остался в Дубровках (как я слышал впоследствии, все погибли). Бойцы шли хмурые, усталые, уже сами тащили на себе зеленые ящики с патронами. Между подразделениями ехали обозные повозки с пулеметами максим и какими-то еще вещами; впереди подразделений шли лейтенанты, тоже молча, иногда подгоняя отстающих. В темноте среди бойцов попадались и в касках (большинство шли в пилотках), и в сапогах (большинство — в обмотках); кто был в шинели, кто в ватных зеленых куртках.

Медленно двигались по улице темной большой деревни. Рядом с нами останавливались пехотинцы других частей. Мы продолжали без отдыха идти вперед и вперед. Луна то заходила за облака, то опять появлялась из-за них, освещая наше безостановочное движение в неизвестность. Несколько раз я садился на лошадь Забурдаева и, обгоняя нашу батарею, ехал среди пехоты. Около домов иногда встречались группы местных жителей, молча смотревших на наше движение.

В одной деревне между пушкой и машиной, почему-то остановившейся, разбилась бутылка с «КС», выскользнувшая из сумки какого-то бойца. Пламя сейчас же осветило весь край деревни, бойцы, сидевшие в кузове машины, наполненной снарядами, быстро спрыгнули, испугавшись, что начнут рваться снаряды. Шофер, не растерявшись, включил мотор и вывел машину с пушкой из этого опасного места. Огонь затушили землей.

Когда рассвело, мы подходили к лесу, где скопилось масса застрявших машин с пушками, тракторов, повозок пехоты. Наши маленькие орудия легко преодолели грязь, и мы объехали скопление этой

техники. В этом месте мы встретили двух ездовых (у каждого было по две лошади со сбруей) 62-го полка из второй батареи, где был Владимир. От них мы узнали, что многие убиты и что Викман ранен, а что дальше было, они не знают. Уже выезжая из леса, встретили Фролова и Понарина, в одних телогрейках. Вот все, что осталось от первой батареи 61-го полка.

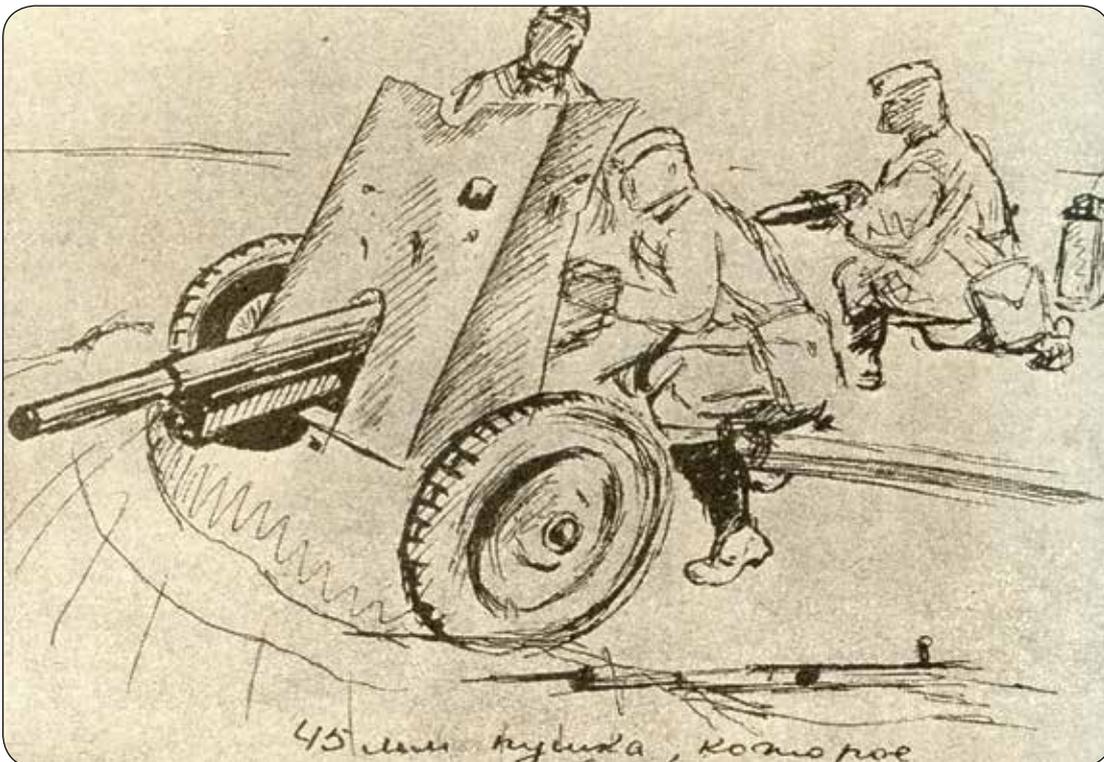
Не успели мы еще выехать в поле, чтобы продолжать путь, как появились самолеты — пикирующие бомбардировщики в сопровождении истребителей. Бомбардировщиков было двадцать с лишним. Оказалось, что они обнаружили нас, и началось пикирование над лесом. Все разбежались по лесу. Мне мешали бутылки и гранаты, но я тоже, отойдя метров на 15–20 в глубь леса, лег под большую сосну. Вокруг под кустами и деревьями видны были бойцы, лежащие кучками и в одиночку. У одних был написан ужас на лицах, у других — полнейшая апатия; мне тоже казалось почти безразличным все — хотелось спать и ни о чем не думать. Самолеты пикировали, то и дело слышался нарастающий вой, потом свист летящих фугасок, потом сильные взрывы — и так в течение часа. Самолеты налетали волнами, и из лесу выйти было невозможно. К счастью для нас, немцы били по той части леса, которую мы прошли раньше и где застряли обозы и машины с орудиями. Потом пришлось слышать, что там творился кошмар.

Как только самолеты стали удаляться, мы двинулись вперед, часто прицепляясь к орудию; проехали поле, въехали в деревню, остановились на несколько минут под навесом у одной хаты. Хозяин пригласил попить кипятка, но только один кипятка; хозяйка смотрела на нас с такой жалостью и слезами, что становилось еще тяжелее. Когда, подшучивая, мы предложили хозяину чью-то забытую винтовку, хозяйка замахала руками, сказав, что за это немцы их убьют. Выехав на улицу, двинулись дальше.

У конца деревни, у спуска к речке, стояли две противотанковые пушки, прицепленные к машинам. Обе пушки имели плачевный вид: одна не имела ствола, а другая — почерневшая, с отбитым щитком и развороченными колесами.

У переправы через мелкую речушку скопилось штук сто машин и повозок. Наше орудие поехало вброд. Сысоев неистово бил лошадей, и все же они посередине встали. Я перешел по единственному

Рисунки из дневника
Вадима Баратова

шатающемуся мостику и ждал, стоя на том берегу, исхода этой переправы. Наконец лошади вытянули пушку и стали подниматься на крутой грязный берег. Тут пришлось помогать, подталкивать. На этом берегу стояла машина, на которой был установлен зенитный пулемет, и два бойца в касках смотрели в сторону. Мы слышали знакомый вой моторов. Немцы двигались в нашу сторону, к переправе. Спрятаться накопившимся машинам и повозкам некуда, остается ждать. Люди побежали в разные стороны, мы же, подгоняя лошадей, побежали через поле к лесу на расстоянии полукилометра. Самолеты все ближе и ближе, а мы еще не у леса. По всему полю бежали бойцы, скакали верховые, мчались в разные стороны повозки, прыгая в разные стороны, неслись машины — все это мчалось к лесу, чтобы найти спасение. Самолеты над нами, бежать уже нет сил, но ты еще бежишь, ноги заплетаются, в глазах темно. Вперед еще и еще, вот уже лес, но вот знакомое «та-та, та-та», свист пуль. Добежав до леса, я упал в первый же куст, повернулся на спину и смотрел в небо. Над нами на небольшой высоте проплывали блестящие большие машины с черными крестами.

Они, видно, шли с серьезным заданием, отчего и оставили нас в покое, поугав несколькими очередями из пулеметов.

Наконец, поднявшись, я побрел в глубь леса, в чащу. Там увидел остановившиеся орудия, бойцы уже лежали, стояли взмыленные лошади. Распрягать лошадей запрещали. В этом лесу оказалось много землянок, длинных и благоустроенных. Там находился недавно госпиталь. Мы развалились под кустами. Сколько спали, не знаю. Проснулись от тревоги. Все вскочили и приготовились к отходу дальше. Откуда-то строчил пулемет. Пули отбивали листья, стучали по коре деревьев. Немецкие разьезды, надо уходить...

Послесловие

Спустя день-два Вадим тяжело заболел, попал в окружение, выходил из него в одиночку до Москвы, в которую попал лишь 12 ноября. К этому времени вышло распоряжение Наркомата обороны об освобождении из ополчения школьников 1924 года рождения, и Вадим продолжал учебу до призыва в 1942 году.

31 декабря 1943 года в чине младшего лейтенанта танковых войск Вадим Баратов погиб на подступах к Бердичеву...

К 75-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В.К. Дмитриевский. Во втором эшелоне. 1984 год

А.А. Дейнека. Едут на войну. Холст, масло. 1944 год

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

**О французском
дворянском
воинском
формировании —
Армии Конде,
состоявшей
на русской службе
в конце XVIII —
начале XIX века**

**Московский особняк купцов Носовых
на Введенской площади и его обитатели**